

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН
КАСПИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И
ИНЖИНИРИНГА ИМЕНИ Ш. ЕСЕНОВА

Р.М. УСЕМБАЕВА

Домашний репетитор по истории русского литературного языка
(Учебно-методическое пособие для студентов очного и заочного отделения
РЯЛ-050118)

Ақтау – 2011

УДК 811.161.1
ББК 81-923

Рецензенты:

Профессор, доктор филологических наук Дуйсенбаева Ж.

Профессор, доктор филологических наук Толысбаева Ж.

Кандидат филологических наук Акбердиева Б.К.

Усембаева Р.М.

«Домашний репетитор по истории русского литературного языка» Учебно-метод. пособие/ Р. Усембаева – Актау: КГУТИ им.Ш.Есенова, 2011- 97 стр.

ISBN 978-601-7276-84-3

В учебно-методическом пособии рассматриваются начальные теоретические установки и практические навыки и умения по фонетике:

1. Различать на слух все фонологические значимые звуковые единицы ИРЛЯ в их основных вариантах;
2. анализировать тексты ИРЛЯ;
3. понимать звучащую русскую речь в пределах изученных слов, словосочетаний, предложений определенного периода ИРЛЯ;
4. воспроизводить звучащую русскую речь в означенных пределах;
5. овладеть техникой чтения и уметь характеризовать языковые особенности ИРЛЯ в разных периодах.

Предлагаемый материал представлен в виде опорных конспектов включающих основную характеристику учебного материала по темам, задания и упражнения, сопровождаемые сжатым теоретическим комментарием и в ряде случаев ссылками на дополнительную литературу. Все темы предмета связаны до того минимума, знания которого необходимо для сдачи экзамена.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов очного и заочного отделения РЯЛ, впервые приступающих к изучению русского языка под руководством преподавателя. А также может быть полезным для преподавателей ВУЗов.

УДК 811.161.1
ББК 81-923

Рекомендовано к изданию по решению учебно-методического Совета Каспийского Государственного Университета Технологий и Инжиниринга имени Ш.Есенова.

ISBN 978-601-7276-84-3

© Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	5
РАЗДЕЛ I. Истоки формирования истории русского литературного языка.	6.
РАЗДЕЛ II. Особенности восточнославянской речи. Роль киевского койне в формировании древнерусского литературного языка	18
РАЗДЕЛ III. Церковнославянский язык в качестве основного литературного языка Древней Руси. Первое южнославянское влияние.	19
РАЗДЕЛ IV. Церковнославянский язык в качестве основного литературного языка Древней Руси. Первое южнославянское влияние.	25
РАЗДЕЛ V. Киев и Новгород – различие в культурных и языковых традициях.	28
РАЗДЕЛ VI. Язык «Слова о полку Игореве».	37
РАЗДЕЛ VII. Формирование языка великорусской народности. Черты отличия русского (старорусского) языка от других восточнославянских языков.	44
РАЗДЕЛ VIII. Развитие литературного языка и сентиментализм.	54
РАЗДЕЛ IX. Лингвистическая деятельность М.В.Ломоносова.	75
РАЗДЕЛ X. Язык художественной прозы А.С. Пушкина.	84
РАЗДЕЛ XI. Русский язык- символ государственности Казахстана Функции государственного языка Казахстана.	95
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	97

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Университетский курс «История русского литературного языка» завершает профилирующий для филологического факультета курс «Современный русский язык», что во многом определяет его научно-методические особенности. Многие опорные лингвистические термины вводятся в этом курсе впервые, студенты знакомятся с базовыми основаниями лингвистики, методами исследований, видами лингвистического анализа и т.д. Именно поэтому курс «История русского литературного языка» завершает профилирующий весь курс «Современного русского языка».

Объекты ИРЛЯ– литературные тексты, ССЦ, памятники письменной литературы русского языка. В связи с этим преподавателем должны быть тщательно продуманы порядок введения новых терминов и интерпретация лингвистических направлений и методов. Цель курса заключается в том, чтобы ознакомить студента со звуковым строем языка и речи, в различные исторические периоды, охарактеризовать классические и современные научные концепции, научить теории и практике анализа текстов; при этом важно заложить основания для изучения других уровней языка и соответствующих отраслей лингвистики.

Название учебного курса «Домашний репетитор по истории русского литературного языка» достаточно условно: в него входят не только собственно литературные направления, но и смежные с ИРЛЯ дисциплины: орфоэпия, графика, орфография, морфология, синтаксис. Их академическая трактовка – одна из важнейших задач пособия, так как дает студенту новое для него, нешкольное представление об этих науках.

Методические указания состоят из следующих частей:

1. Введение
2. Список литературы
3. Содержание лекционного курса
4. Задания и литература к семинарским занятиям
5. Материалы к практическим занятиям
6. Терминологический словарь

Методическое пособие предназначено для студентов очного и заочного отделения РЯЛ.

РАЗДЕЛ I. ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

История русского литературного языка сложилась как особая научная дисциплина, отделившаяся от общей истории русского языка лишь в послеоктябрьский период, преимущественно в 30—40-е годы нашего века. Правда, и до этого делались попытки представить ход развития русского литературного языка во всем его объеме, и особенно развитие современного русского литературного языка. Первым из языковедов-русистов, разработавших курс “Истории русского литературного языка” (начиная с языковой ситуации в Киевской Руси и кончая языком современной русской литературы до поэта Надсона), был проф. А. И. Соболевский. Однако подготовленный к печати курс лекций, по-видимому, нигде не был прочитан и остался в рукописи. Сейчас рукопись эта готовится к публикации А. А. Алексеевым, она датируется 1889 г. История русского литературного языка XVII—XIX вв. в начале нынешнего столетия исследована профессором Е. Ф. Будде, сосредоточившим свое внимание исключительно на изучении языка произведений выдающихся писателей. К сожалению, названная книга справедливо критикуется как случайный набор языковых фактов, фонетических, морфологических и иногда лексических, не освещающих развития русского литературного языка как единой стилистической системы, и поэтому, конечно, не может быть признана основополагающей в развитии науки о русском литературном языке. Если понимать под предметом истории русского литературного языка опыты по осмыслению путей и итогов исторического существования языка русской письменности — языка памятников художественной литературы по преимуществу, — то можно считать, что эта научная дисциплина имеет более отдаленные истоки развития. Выяснению этих истоков была в свое время посвящена статья В. В. Виноградова.

Однако обобщение разнородных познаний, накапливавшихся филологами-русистами в процессе изучения языка письменных памятников и произведений искусства слова за все время развития русской литературы, было осуществлено исследователями лишь в тридцатые годы нашего века. Первой попыткой уложить в систему сложный и разнообразный языковой материал, относящийся к истории русского литературного языка XVIII и XIX вв., явилась монография В. В. Виноградова “Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков” (1-е изд.—М., 1934; 2-е изд.—М" 1938). Одновременно с этим в первой половине 30-х годов было пересмотрено традиционное представление о том, что литературным языком для всего древнерусского периода, по XVII в. включительно, являлся церковнославянский язык. С наибольшей определенностью и четкостью эту мысль сформулировал акад. А. А. Шахматов. Ученый считал, что русский литературный язык—это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие. Сопоставив функционирование церковнославянского

языка на русской почве с аналогичным употреблением латыни в качестве литературного языка у народов Западной Европы в средние века, А. А. Шахматов утверждал, что с церковнославянским языком в России дело обстояло иначе: из-за его близости к русскому он никогда не был чужд народу, как средневековая латынь, например, германцам и славянам. С первых лет своего существования на русской почве церковнославянский язык неудержимо ассимилируется русской народной речью — ведь говорившие на нем русские люди не могли отграничить ни свое произношение, ни свое словоупотребление от произношения и словоупотребления усвоенного ими церковного языка. Как доказывают письменные памятники XI в., уже тогда произношение церковнославянского языка обрусело, утратило чуждый русской речи характер; уже тогда русские люди обращались с церковнославянским языком как со своим достоянием, не прибегая к помощи иностранных учителей для его усвоения и понимания.

Традиционную точку зрения на образование древнерусского литературного языка из предшествовавшего ему по времени и по общественному функционированию языка церковнославянского разделяло до 30-х годов громадное большинство русских филологов — как историков языка, так и историков русской литературы. И лишь С. П. Обнорский попытался противопоставить традиционной теории гипотезу об исконно русском, восточнославянском характере первоначально сложившегося древнерусского литературного языка в статье “Русская Правда, как памятник русского литературного языка” (1934 г.). Рассмотрев в данной работе язык древнейшего русского юридического памятника, С. П. Обнорский установил в фонетике и морфологии “Русской Правды” по списку “Новгородской Кормчей” 1282 г. безусловное преобладание собственно русских речевых черт над старославянскими (древнеболгарскими) и сделал обобщающий вывод о природе русского литературного языка старшей формации (его термин). Этот древнерусский литературный язык, по мнению ученого, сложился на севере и лишь впоследствии в процессе своего роста испытывал воздействие византийскоболгарской речевой культуры. Оболгарение русского литературного языка, как полагал С. П. Обнорский, шло постепенно с постоянным усилением. В выводах своей статьи С. П. Обнорский показал целостную перспективу процесса развития древнерусского литературного языка с его постепенным ославяниванием в течение XIII—XVI столетий и с дальнейшим приближением к народно-разговорной речи уже в новое время. Идея о первоначальной восточнославянской речевой основе древнерусского литературного языка старшей формации, была последовательно развита С. П. Обнорским в статьях, появившихся в 1930-е годы: “Язык договоров русских с греками” и “Слово о полку Игореве” как памятник русского литературного языка”. Гипотеза С. П. Обнорского вызвала критику ряда специалистов. Так, эти положения не поддержал А. М. Селищев. Подробно проанализировал взгляды С. П. Обнорского на возникновение древнерусского литературного языка в сопоставлении с идеями А. А. Шахматова С. И. Бернштейн во вступительной статье к четвертому изданию

“Очерка современного русского литературного языка” С. И. Бернштейн указывал, что гипотеза С. П. Обнорского опирается пока только на анализ двух памятников и оперирует преимущественно данными фонетики и морфологии. Необходимо расширить круг изучаемых памятников и обратить внимание на такие аспекты языка, как синтаксис и лексика, анализ которых позволит с большим основанием судить о подлинной основе литературного языка. В итоге гипотеза С. П. Обнорского, диаметрально противоположная традиционной теории, была оценена как “не менее правдоподобная, но неспособная ее опровергнуть без дальнейшего обоснования”. Критику С. П. Обнорский в известной мере учел в позднейших трудах, в особенности в монографии “Очерки по истории русского литературного языка старшего периода”. В названной книге рассмотрению подвергся язык четырех основополагающих произведений древнерусской письменности “Русской правды” (в более древней, краткой редакции), сочинений Владимира Мономаха, “Моления Даниила Заточника” и “Слова о полку Игореве”. Наряду с исследованием черт фонетики и морфологии автор обращает внимание также на синтаксис и лексику произведений. Осветив по новому ряд высказанных им в более ранних работах положений, в частности указав на значительность воздействия на древнерусский литературный язык старшего периода языка старославянского, С. П. Обнорский в предисловии к монографии продолжает настаивать на гипотезе о собственно русской основе древнерусского литературного языка. Он считал, что эта гипотеза имеет большое методологическое значение, стоя на ложном пути, по его мнению, ученые усматривали истоки русского литературного языка в церковнославянском, в изучении языка памятников методологически неправильно ставили вопрос о рамках русских элементов в том или ином памятнике. По мнению С. П. Обнорского, необходимо в равной мере освещать и вопрос о доле церковнославянизмов в языке каждого памятника. “Тогда на объективную почву исследования, — писал он, — будет поставлена общая проблема об истории церковнославянизмов в нашем языке, ибо представление об их влиянии у нас преувеличено. Многие церковнославянизмы, свидетельствуемые теми или иными памятниками письменности, имели значение условных, изолированных фактов языка, в его систему не входили, а в дальнейшем вовсе выпали из него, и сравнительно немногие слои их прочно вошли в обиход нашего литературного языка”. Гипотеза, выдвинутая С. П. Обнорским, в трудах 1940-х — начала 1950-х годов нашла широкое признание (см. гл. 3, с. 34). Одновременно с С. П. Обнорским рассмотрением языка тех же письменных памятников и исследованием проблемы древнерусского литературного языка занимался Л. П. Якубинский, капитальный труд которого был издан посмертно в 1953 г. В отличие от С. П. Обнорского, Л. П. Якубинский признавал господство старославянского языка в качестве государственного языка Киевской Руси вплоть до конца XI в, когда, особенно в правление Владимира Мономаха, старославянский язык был вытеснен из обязательного государственного употребления собственно древнерусским литературным языком. Примечательно, что свои выводы Л. П. Якубинский строил преимущественно на основании анализа языка тех же

памятников, которые были в поле зрения С. П. Обнорского. В предвоенные годы включил в круг своих исследовательских интересов проблемы истории нового русского литературного языка. Л. А. Булаховский В 1936 г он опубликовал “Исторический комментарий к литературному русскому языку”, до сих пор служащий ценным энциклопедическим пособием. Предметом специального изучения для этого ученого явился русский литературный язык первой половины XIX столетия, времени наиболее интенсивного развития русского литературного языка как языка русской нации. С особенной тщательностью начинает разрабатываться проблема русского литературного языка в начале 1950-х годов. В эти годы обращается к истории русского литературного языка (преимущественно древнего времени) Б. А. Ларин, читавший лекционный курс по названной дисциплине на филологическом факультете Ленинградского университета в 1949/50 и в 1950/51 учебных годах. Эта работа была недавно опубликована на базе студенческих записей коллективом его учеников. Курс лекций Б. А. Ларина отличается глубиной, своеобразной трактовкой традиционно признававшихся решенными кардинальных вопросов, пристальностью лингвистического анализа памятников древнерусской письменности различных стилей и видов. Языку и стилю крупнейших писателей-реалистов XIX в. в те же годы посвящают свои монографические исследования А. И. Ефимов и С. А. Копорский. Многие общие проблемы истории русского литературного языка плодотворно разрабатывает в своих статьях и монографиях В. В. Виноградов. Общий исторический очерк развития русского литературного языка представлен в монографии Г. О. Винокура. Им же написаны исследовательские главы, посвященные характеристике отдельных периодов развития русского литературного языка, в томах академической “Истории русской литературы”. Параллельно с исследованиями теоретического направления развивалась в те же годы и история русского литературного языка как учебная дисциплина на филологических факультетах университетов и на факультетах русского языка и литературы педагогических институтов. Назовем учебные пособия С. Д. Никифорова, А. И. Ефимова, И. В. Устинова. В 1949 г. Институт русского языка АН начал издавать регулярную научную серию трудов под общим заглавием “Материалы и исследования из истории русского литературного языка”. Первый том был посвящен изучению языка писателей предпушкинской поры—Карамзину и его современникам. Во втором томе содержались исследования языка и стиля виднейших писателей XVIII—первой половины XIX в.—Ломоносова, Радищева, Плавильщикова, Пушкина, Лермонтова, раннего Гоголя, а также работы, введшие в научный оборот новые материалы, извлеченные из не обследованных до той поры лексикографических источников. В третьем томе публиковались труды о языке писателей пушкинской эпохи — поэтов-декабристов, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Белинского. В четвертом томе освещались вопросы языка и стиля писателей середины и второй половины XIX в. Новым подходом к проблемам истории русского литературного языка характеризуются конец 1950-х—1960-е годы. В это время вовлекаются в орбиту изучения новые

источники—грамоты на бересте, в связи с чем возникает вопрос о том, как следует квалифицировать их язык. Совершенствуется научная методология в подходе к языку традиционно изучавшихся памятников письменности. Отграничивается понятие “история литературного языка” от смежных с ним. От истории литературного языка отделяется как новая научная дисциплина наука о языке художественной литературы и соответственно история языка художественной литературы. Эти проблемы отразились в докладах, с которыми выступал на IV Международном съезде славистов в Москве акад. В. В. Виноградов. Наряду с историей русского литературного языка развиваются аналогичные научные дисциплины и на основе других старописьменных языков народов, в частности украинского и белорусского литературных языков. Определенным положительным моментом в разработке проблем истории русского литературного языка на данном хронологическом отрезке по сравнению с предшествующими годами мы можем назвать освобождение от односторонности в трактовке древнейшего типа русского литературного языка — от признания его либо только старославянским, либо исконно русским. Так, В. В. Виноградов на IV Международном съезде славистов в 1958 г. говорил о двух типах древнерусского литературного языка — книжно-славянском и народно-литературном. Другие ученые, например Е. Г. Ковалевская, называют три типа литературно-письменного языка киевской эпохи, признавая третьим типом ту его разновидность, которая закрепились в деловой и юридической письменности, развивавшейся почти исключительно на восточнославянской основе. Достижением можно считать признание необходимости различать как в плане общественного функционирования, так и в плане структуры литературный язык периода до образования нации (литературно-письменный язык, обслуживавший потребности народности) и после образования нации (национальный литературный язык). Данный тезис был развит на материале различных славянских языков в докладе акад. В. В. Виноградова на V Международном съезде славистов в Софии в 1963 г. Как важный шаг в изучении развития норм русского литературного языка XIX в. должна рассматриваться коллективная работа в пяти выпусках, изданная в 1964 г. под общим заголовком “Очерки по исторической грамматике русского литературного языка”. Это единственное в своем роде исследование, ибо в нем показаны изменения норм русского литературного языка названной эпохи безотносительно к творчеству выдающихся мастеров слова и к их произведениям. Назовем также труд проф. Ю. С. Сорокина, посвященный развитию лексики русского литературного языка в XIX в. Работа эта, несомненно, представляет глубокий интерес, рассматривая словарный состав языка как развивающуюся систему. В 60-е гг. появляются работы отдельных зарубежных языковедов-русистов—Б., О. Унбегауна, Г. Хютль-Ворт и др. Труды этих авторов носят главным образом негативный характер, в них опровергается и отвергается научное осмысление истории русского литературного языка, общепринятое в советском языкознании. Глубоко обоснованный отпор этим выпадам был дан в свое время в статьях В. В. Виноградова, Л. П. Жуковской, Е. Т. Черкасовой. По нашему мнению,

наибольшее значение имеет статья Л. П. Жуковской. Эта работа принципиально важна для историков русского языка древнейшего периода. Л. П. Жуковская, опираясь на произведенные ею исследования одного из главных традиционных памятников древнерусской письменности — “Мстиславова евангелия” (1115—1117 гг.), устанавливает в данном памятнике богатую языковую вариативность на уровне лексики, грамматики, фонетики и орфографии, тем самым показывая, что и в памятники традиционной книжности, которые были включены в общий процесс развития русского языка, вносились черты народно-разговорной речи. Следовательно, эти памятники могут быть признаны не только памятниками русского письма, но и древнерусского литературного языка, наряду с памятниками оригинального происхождения. Русско-церковнославянское двуязычие, по мнению исследовательницы, появляется лишь позднее, в XIV—XV вв., когда оба эти языка в сильной степени стали отличаться друг от друга. Более подробно эти доводы развиты и изложены в монографии Л. П. жуковской. Значимость древнеславянского литературно-письменного языка как общего литературного языка южных и восточных славян на ранних этапах их исторического существования подчеркивается в ряде работ Н. И. Толстого, - М. М. Копыленко и наших. В 60—70-х годах появились труды И. Ф. Протченко о развитии лексики и словообразования в русском языке советской эпохи. В течение этих же десятилетий продолжали создаваться и переиздаваться учебные пособия по истории русского литературного языка: кроме книги А. И. Ефимова, названной выше, несколькими изданиями выходили в свет учебники и пособия, составленные А. И. Горшковым, А. В. Степановым, А. Н. Кожиным. Упомянем также пособия Ю. А. Бельчикова, Г. И. Шкляревского, Е. Г. Ковалевской. В течение самых последних -лет курс “Истории русского литературного языка” начал изучаться в университетах социалистических стран. По этому курсу были составлены учебники, отвечающие методологическим требованиям марксистско-ленинской теории, в Германской Демократической Республике, в Польше и в Болгарии. Принципиально важное значение имеет статья А. И. Горшкова “О предмете истории русского литературного языка”. Содержание истории русского литературного языка как научной дисциплины заключается в раскрытии “внешней истории” языка (противопоставляемой “внутренней истории”, рассматривающейся в курсах исторической грамматики и исторической фонетики и лексикологии русского языка). История русского литературного языка призвана проследить все исторические изменения в условиях общественного функционирования литературного языка на всех этапах социального развития данного речевого коллектива (народности или нации). Так как одним из признаков развитого литературного языка является его многофункциональность, то одна из важных задач, встающих перед историками литературного языка, заключается в прослеживании возникновения и развития его функциональных стилей. В основу истории русского литературного языка как научной дисциплины положен марксистский тезис единства языка и сознания и марксистско-ленинское учение о нациях и национальных языках. Развитие языка неразрывно связано

с жизнью народа — творца и носителя языка. Именно на материале истории литературных языков этот диалектико-материалистический тезис познается с особой ясностью и силой. История литературного языка тесно связана с историей народности или нации, с историей ее культуры, литературы, науки и искусства. Изменения в условиях общественного функционирования литературных языков определяются в конечном счете и опосредованно этапами социального развития общества. Современный русский литературный язык, обладающий большим богатством выразительных и изобразительных средств, выступает в качестве высшей формы языка общенародного и отличается от последнего тем, что это язык, “обработанный мастерами слова”. Отграничивая понятие “литературный язык” от близкого ему понятия “язык художественной литературы”, мы вместе с тем сознаем, что одним из отличительных свойств художественности в языке должна быть признана эстетическая функция слова, присущая каждому языковому факту в произведениях искусства слова. Таким образом, не следует превращать историю литературного языка в серию очерков по языку отдельных писателей. Правильно также заявление В. Г. Белинского о том, что появление каждого нового крупного писателя создает условия для поступательного развития всего литературного языка в целом. Одна из главных задач, стоящих перед историей русского литературного языка как научной дисциплины, показ того, кто именно из мастеров слова и как “обрабатывал” общенародный русский язык, чтобы он стал “великим и могучим” языком, по единодушному отзыву русских и зарубежных писателей и ученых. Литературный язык, будучи высшей ступенью речевого общения для того или иного общественного коллектива на определенном этапе социального развития, противопоставляется различным “низшим”, некодифицированным речевым средствам, не отражаемым обычно в письменности. Письменная закрепленность рассматривается как обязательный и наиболее показательный признак литературного языка как такового. Однако на определенном историческом этапе создается и устно-разговорная разновидность литературного языка, вступающая в непрерывное взаимодействие с его высшей, письменной формой. Задача историков русского литературного языка — проследить и за указанным взаимодействием, отраженным в творчестве мастеров слова. Вместе с тем происходит и постоянное взаимодействие литературного языка, подчиненного строго упорядоченным нормам словоупотребления, с речевыми формами некодифицированного общения людей. Изучение и этого взаимодействия тоже должно рассматриваться в круге задач, поставленных перед исследователями литературного языка. Целью нашей работы является дать краткий очерк истории русского литературного языка (в традиционном понимании этого термина) за все время его развития, с X по XX вв., в связи с историей русского народа, главным образом — с литературой, используя при этом новые, ранее не привлекавшиеся к историко-языковому изучению письменные памятники, преимущественно для донационального периода развития русского языка. Такими произведениями древнерусской литературы, язык и стиль которых еще не изучены, являются “Слово о Законе и Благодати” митрополита Иллариона

(XI в.), “Сказание о Борисе и Глебе” (XI—XII вв.), “Слово о погибели Рускыя земли” (XIII в.), “Похвала княю Ивану Калите” (XIV в.), “Слово иное” и “Повесть о купце Харитоне Белицине” (XVI в.). Особый раздел отведен исследованиям языка и стиля грамот на бересте, новонайденных исторических источников. При изучении национального периода развития русского литературного языка отдельная глава посвящена лингвистическому наследию В. Г. Белинского и выяснению его роли в истории русского литературного языка. Язык трудов великого вождя пролетарской революции органически связан со всем ходом развития русского литературного языка предшествующей эпохи и открывает собою развитие русского литературного языка XX века.

История русского литературного языка сложилась как особая научная дисциплина, отделившаяся от общей истории русского языка лишь в послеоктябрьский период, преимущественно в 30—40-е годы нашего века. Правда, и до этого делались попытки представить ход развития русского литературного языка во всем его объеме, и особенно развитие современного русского литературного языка. Первым из языковедов - русистов, разработавших курс “Истории русского литературного языка” (начиная с языковой ситуации в Киевской Руси и кончая языком современной русской литературы до поэта Надсона), был проф. А. И. Соболевский. Однако подготовленный к печати курс лекций, по-видимому, нигде не был прочитан и остался в рукописи. Сейчас рукопись эта готовится к публикации А. А. Алексеевым, она датируется 1889 г. История русского литературного языка XVII—XIX вв. в начале нынешнего столетия исследована профессором Е. Ф. Будде, сосредоточившим свое внимание исключительно на изучении языка произведений выдающихся писателей. К сожалению, названная книга справедливо критикуется как случайный набор языковых фактов, фонетических, морфологических и иногда лексических, не освещающих развития русского литературного языка как единой стилистической системы, и поэтому, конечно, не может быть признана основополагающей в развитии науки о русском литературном языке. Если понимать под предметом истории русского литературного языка опыты по осмыслению путей и итогов исторического существования языка русской письменности — языка памятников художественной литературы по преимуществу, — то можно считать, что эта научная дисциплина имеет более отдаленные истоки развития. Выяснению этих истоков была в свое время посвящена статья В. В. Виноградова. Однако обобщение разнородных познаний, накапливавшихся филологами-русистами в процессе изучения языка письменных памятников и произведений искусства слова за все время развития русской литературы, было осуществлено исследователями лишь в тридцатые годы нашего века. Первой попыткой уложить в систему сложный и разнообразный языковой материал, относящийся к истории русского литературного языка XVIII и XIX вв., явилась монография В. В. Виноградова “Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков” (1-е изд.—М., 1934; 2-е изд.—М" 1938). Одновременно с этим в первой половине 30-х годов было пересмотрено

традиционное представление о том, что литературным языком для всего древнерусского периода, по XVII в. включительно, являлся церковнославянский язык. С наибольшей определенностью и четкостью эту мысль сформулировал акад. А. А. Шахматов. Ученый считал, что русский литературный язык—это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие. Сопоставив функционирование церковнославянского языка на русской почве с аналогичным употреблением латыни в качестве литературного языка у народов Западной Европы в средние века, А. А. Шахматов утверждал, что с церковнославянским языком в России дело обстоит иначе: из-за его близости к русскому он никогда не был чужд народу, как средневековая латынь, например, германцам и славянам. С первых лет своего существования на русской почве церковнославянский язык неудержимо ассимилируется русской народной речью — ведь говорившие на нем русские люди не могли отграничить ни свое произношение, ни свое словоупотребление от произношения и словоупотребления усвоенного ими церковного языка. Как доказывают письменные памятники XI в., уже тогда произношение церковнославянского языка обрусело, утратило чуждый русской речи характер; уже тогда русские люди обращались с церковнославянским языком как со своим достоянием, не прибегая к помощи иностранных учителей для его усвоения и понимания. Традиционную точку зрения на образование древнерусского литературного языка из предшествовавшего ему по времени и по общественному функционированию языка церковнославянского разделяло до 30-х годов громадное большинство русских филологов — как историков языка, так и историков русской литературы. И лишь С. П. Обнорский попытался противопоставить традиционной теории гипотезу об исконно русском, восточнославянском характере первоначально сложившегося древнерусского литературного языка в статье “Русская Правда, как памятникрусского литературного языка” (1934 г.). Рассмотрев в данной работе язык древнейшего русского юридического памятника, С. П. Обнорский установил в фонетике и морфологии “Русской Правды” по списку “Новгородской Кормчей” 1282 г. безусловное преобладание собственно русских речевых черт над старославянскими (древнеболгарскими) и сделал обобщающий вывод о природе русского литературного языка старшей формации (его термин). Этот древнерусский литературный язык, по мнению ученого, сложился на севере и лишь впоследствии в процессе своего роста испытывал воздействие византийско-болгарской речевой культуры. Оболгарение русского литературного языка, как полагал С. П. Обнорский, шло постепенно с постоянным усилением. В выводах своей статьи С. П. Обнорский показал целостную перспективу процесса развития древнерусского литературного языка с его постепенным ослаблением в течение XIII— XVI столетий и с дальнейшим приближением к народно-разговорной речи уже в новое время. Идея о первоначальной восточнославянской речевой основе древнерусского литературного языка старшей формации, была

последовательно развита С. П. Обнорским в статьях, появившихся в 1930-е годы: “Язык договоров русских с греками” и “Слово о полку Игореве” как памятник русского литературного языка”. Гипотеза С. П. Обнорского вызвала критику ряда специалистов. Так, эти положения не поддержал А. М. Селищев. Подробно проанализировал взгляды С. П. Обнорского на возникновение древнерусского литературного языка в сопоставлении с идеями А. А. Шахматова, С. И. Бернштейн во вступительной статье к четвертому изданию “Очерка современного русского литературного языка” указывал, что гипотеза С. П. Обнорского опирается пока только на анализ двух памятников и оперирует преимущественно данными фонетики и морфологии. Необходимо расширить круг изучаемых памятников и обратить внимание на такие аспекты языка, как синтаксис и лексика, анализ которых позволит с большим основанием судить о подлинной основе литературного языка. В итоге гипотеза С. П. Обнорского, диаметрально противоположная традиционной теории, была оценена как “не менее правдоподобная, но неспособная ее опровергнуть без дальнейшего обоснования”. Критику С. П. Обнорский в известной мере учел в позднейших трудах, в особенности в монографии “Очерки по истории русского литературного языка старшего периода”. В названной книге рассмотрению подвергся язык четырех основополагающих произведений древнерусской письменности “Русской правды” (в более древней, краткой редакции), сочинений Владимира Мономаха, “Моления Даниила Заточника” и “Слова о полку Игореве”. Наряду с исследованием черт фонетики и морфологии автор обращает внимание также на синтаксис и лексику произведений. Осветив по новому ряд высказанных им в более ранних работах положений, в частности, указав на значительность воздействия на древнерусский литературный язык старшего периода языка старославянского, С. П. Обнорский в предисловии к монографии продолжает настаивать на гипотезе о собственно русской основе древнерусского литературного языка. Он считал, что эта гипотеза имеет большое методологическое значение, стоя на ложном пути, по его мнению, ученые усматривали истоки русского литературного языка в церковнославянском, в изучении языка памятников методологически неправильно ставили вопрос о рамках русских элементов в том или ином памятнике. Одновременно с С. П. Обнорским рассмотрением языка тех же письменных памятников и исследованием проблемы древнерусского литературного языка занимался Л. П. Якубинский, капитальный труд которого был издан посмертно в 1953 г. В отличие от С. П. Обнорского, Л. П. Якубинский признавал господство старославянского языка в качестве государственного языка Киевской Руси вплоть до конца XI в, когда, особенно в правление Владимира Мономаха, старославянский язык был вытеснен из обязательного государственного употребления собственно древнерусским литературным языком. Примечательно, что свои выводы Л. П. Якубинский строил преимущественно на основании анализа языка тех же памятников, которые были в поле зрения С. П. Обнорского. В предвоенные годы включил в круг своих исследовательских интересов проблемы истории нового русского литературного языка Л. А. Булаховский. В 1936 г. он

опубликовал “Исторический комментарий к литературному русскому языку”, до сих пор служащий ценным энциклопедическим пособием. Предметом специального изучения для этого ученого явился русский литературный язык первой половины XIX столетия, времени наиболее интенсивного развития русского литературного языка как языка русской нации. С особенной тщательностью начинает разрабатываться проблема русского литературного языка в начале 1950-х годов. В эти годы обращается к истории русского литературного языка (преимущественно древнего времени) Б. А. Ларин, читавший лекционный курс по названной дисциплине на филологическом факультете Ленинградского университета в 1949/50 и в 1950/51 учебных годах. Эта работа была недавно опубликована на базе студенческих записей коллективом его учеников. Курс лекций Б. А. Ларина отличается глубиной, своеобразной трактовкой традиционно признававшихся решенными кардинальных вопросов, пристальностью лингвистического анализа памятников древнерусской письменности различных стилей и видов. Языку и стилю крупнейших писателей-реалистов XIX в. в те же годы посвящают свои монографические исследования А. И. Ефимов и С. А. Копорский. Многие общие проблемы истории русского литературного языка плодотворно разрабатывает в своих статьях и монографиях В. В. Виноградов. Общий исторический очерк развития русского литературного языка представлен в монографии Г. О. Винокура. Им же написаны исследовательские главы, посвященные характеристике отдельных периодов развития русского литературного языка, в томах академической “Истории русской литературы”. Параллельно с исследованиями теоретического направления развивалась в те же годы и история русского литературного языка как учебная дисциплина на филологических факультетах университетов и на факультетах русского языка и литературы педагогических институтов. Назовем учебные пособия С. Д. Никифорова, А. И. Ефимова, И. В. Устинова. В 1949 г. Институт русского языка АН начал издавать регулярную научную серию трудов под общим заглавием “Материалы и исследования из истории русского литературного языка”. Первый том был посвящен изучению языка писателей предпушкинской поры—Карамзину и его современникам. Во втором томе содержались исследования языка и стиля виднейших писателей XVIII—первой половины XIX в.—Ломоносова, Радищева, Плавильщикова, Пушкина, Лермонтова, раннего Гоголя, а также работы, введшие в научный оборот новые материалы, извлеченные из не обследованных до той поры лексикографических источников. В третьем томе публиковались труды о языке писателей пушкинской эпохи — поэтов-декабристов, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Белинского. В четвертом томе освещались вопросы языка и стиля писателей середины и второй половины XIX в. Новым подходом к проблемам истории русского литературного языка характеризуются конец 1950-х—1960-е годы. В это время вовлекаются в орбиту изучения новые источники—граммоты на бересте, в связи с чем возникает вопрос о том, как следует квалифицировать их язык. Совершенствуется научная методология в подходе к языку традиционно изучавшихся памятников письменности.

Отграничивается понятие “история литературного языка” от смежных с ним. От истории литературного языка отделяется как новая научная дисциплина наука о языке художественной литературы и соответственно история языка художественной литературы. Эти проблемы отразились в докладах, с которыми выступал на IV Международном съезде славистов в Москве акад. В. В. Виноградов. Наряду с историей русского литературного языка развиваются аналогичные научные дисциплины и на основе других старописьменных языков народов, в частности украинского и белорусского литературных языков. Определенным положительным моментом в разработке проблем истории русского литературного языка на данном хронологическом отрезке по сравнению с предшествующими годами мы можем назвать освобождение от односторонности в трактовке древнейшего типа русского литературного языка — от признания его либо только старославянским, либо исконно русским. Так, В. В. Виноградов на IV Международном съезде славистов в 1958 г. говорил о двух типах древнерусского литературного языка — книжно-славянском и народно-литературном. Другие ученые, например Е. Г. Ковалевская, называют три типа литературно-письменного языка киевской эпохи, признавая третьим типом ту его разновидность, которая закрепились в деловой и юридической письменности, развивавшейся почти исключительно на восточнославянской основе. Достижением можно считать признание необходимости различать как в плане общественного функционирования, так и в плане структуры литературный язык периода до образования нации (литературно-письменный язык, обслуживавший потребности народности) и после образования нации (национальный литературный язык). Данный тезис был развит на материале различных славянских языков в докладе акад. В. В. Виноградова на V Международном съезде славистов в Софии в 1963 г. Как важный шаг в изучении развития норм русского литературного языка XIX в. должна рассматриваться коллективная работа в пяти выпусках, изданная в 1964 г. под общим заголовком “Очерки по исторической грамматике русского литературного языка”. Это единственное в своем роде исследование, ибо в нем показаны изменения норм русского литературного языка названной эпохи безотносительно к творчеству выдающихся мастеров слова и к их произведениям. Назовем также труд проф. Ю. С. Сорокина, посвященный развитию лексики русского литературного языка в XIX в. Работа эта, несомненно, представляет глубокий интерес, рассматривая словарный состав языка как развивающуюся систему. В 60-е гг. появляются работы отдельных зарубежных языковедов-русистов — Б., О. Унбегауна, Г. Хютль-Ворт и др. Труды этих авторов носят главным образом негативный характер, в них опровергается и отвергается научное осмысление истории русского литературного языка, общепринятое в советском языкознании. Глубоко обоснованный отпор этим выпадам был дан в свое время в статьях В. В. Виноградова, Л. П. Жуковской, Е. Т. Черкасовой. По нашему мнению, наибольшее значение имеет статья Л. П. Жуковской. Эта работа принципиально важна для историков русского языка древнейшего периода. Л. П. Жуковская, опираясь на произведенные ею исследования одного из главных

традиционных памятников древнерусской письменности — “Мстиславова евангелия” (1115—1117 гг.), устанавливает в данном памятнике богатую языковую вариативность на уровне лексики, грамматики, фонетики и орфографии, тем самым показывая, что и в памятники традиционной книжности, которые были включены в общий процесс развития русского языка, вносились черты народно-разговорной речи. Следовательно, эти памятники могут быть признаны не только памятниками русского письма, но и древнерусского литературного языка, наряду с памятниками оригинального происхождения. В 60—70-х годах появились труды И. Ф. Протченко о развитии лексики и словообразования в русском языке советской эпохи. В течение этих же десятилетий продолжали создаваться и переиздаваться учебные пособия по истории русского литературного языка: кроме книги А. И. Ефимова, названной выше, несколькими изданиями выходили в свет учебники и пособия, составленные А. И. Горшковым, А. В. Степановым, А. Н. Кожиным. Упомянем также пособия Ю. А. Бельчикова, Г. И. Шкляревского, Е. Г. Ковалевской. В течение самых последних лет курс “Истории русского литературного языка” начал изучаться в университетах социалистических стран. По этому курсу были составлены учебники, отвечающие методологическим требованиям марксистско-ленинской теории, в Германской Демократической Республике, в Польше и в Болгарии. Принципиально важное значение имеет статья А. И. Горшкова “О предмете истории русского литературного языка”. Содержание истории русского литературного языка как научной дисциплины заключается в раскрытии “внешней истории” языка (противопоставляемой “внутренней истории”, рассматривающейся в курсах исторической грамматики и исторической фонетики и лексикологии русского языка). История русского литературного языка призвана проследить все исторические изменения в условиях общественного функционирования литературного языка на всех этапах социального развития данного речевого коллектива (народности или нации).

РАЗДЕЛ II. Особенности восточнославянской речи. Роль киевского койне в формировании древнерусского литературного языка

Процесс образования русской народности закончился к IX-X векам. К этому времени сложилось древнерусское государство во главе с Киевом, который становится административным, политическим, экономическим и культурным центром.

Население Киева было смешанным, так как в столицу древнерусского государства прибывали люди со всех концов страны. По-видимому, в первые годы существования Киева разговорный язык жителей города был пестрым. Затем местные черты сгладились и образовалось устойчивое языковое единство – древнекиевское койне.

Койне (от греч *κοινε* – общее) – это наддиалектная форма общения, которая предшествовала сложению литературного языка. И.В. Ягич, А.А. Шахматов, Ф.П. Филин отмечали слабую диалектную окраску языка Киева. Это койне распространялось по древним территориям Древней Руси и становился

единым разговорным языком для всего населения Киевского централизованного государства.

Общие особенности живой восточнославянской речи:

1. Полногласие, то есть характерные для русского языка сочетания **оро, оло, ере, еле** в положении между согласными, которые в старославянском языке соответствуют неполногласным сочетаниям **ра, ла, ре, ле**. Например, в «Повести временных лет»: «У Киева бо бяше перевозъ тогда съ оной стороны Днѣпра», «Иже бы володѣль нами», «К берегу приверже» и другие.

2. Сочетания **ро, ло** в начале слова, которые в старославянском языке соответствуют сочетаниям **ра, ла**. Например, в «Русской правде»: «А оже уведеть чюжь холопъ любо робу платити 12 гривенъ». «А оже лодью украдетъ, то ... платити 30 рѣзанъ».

3. Начальное **О**, которому в старославянском языке соответствует начальное **Е**. Например: «Да входятъ в городъ одинѣми вороты».

4. Согласный **ч** на месте древнейших сочетаний ***tj, kt(i)**, которые в старославянском языке соответствует **ш** или **шт**. Например, в «Повести временных лет»: «И сына его два и дѣчь его».

5. Согласный **ж**, который в старославянском языке соответствует **жд**, на месте древнейших сочетаний ***dj**. Напр, в «П в р лет»: «И есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона».

6. Аканье было за пределами литературной нормы. Аканье присуще современной русской и белорусской устной литературной речи. В древнерусской письменности даже XIV века (т.е. уже периода позднего древнерусского языка) аканье отражено слабо. А в новгородских и других северных говорах современного русского языка и в украинском языке (а значит и в его киевских диалектах) аканье и теперь отсутствует.

Наречия древнерусского языка.

Т.Лер-Сплавинский и В. Курашкевич видят в древнерусском языке лишь два наречия: северное, юго-западная часть которого затем отошла к белорусскому языку, а остальная часть к русскому, и южное, затем одной частью говоров, вошедших в белорусский язык, другой – в русский, а третьей – составлявшее украинский язык. Все это позволяет признаками северного наречия считать:

1) взрывное **г**; 2) губно-зубное **в**; 3) цоканье. А признаками южного – 1) фрикативное **г**; 2) губно-губное **в** (**w**); 3) наличие аффрикат **д'ж'** (□ ***dj**) и, может быть, **д'з'** (□ **д'**); 4) отсутствие цоканья.

РАЗДЕЛ III. Церковнославянский язык в качестве основного литературного языка Древней Руси. Первое южнославянское влияние.

Древнейшие славяне были язычниками. Они обожествляли различные силы природы, поклонялись им. Славянский Олимп, вероятно, не уступал античному ни по количеству объектов, наделявшихся сверхъестественными силами, ни по яркости мифов: Сварог был богом неба, Дажьбог – богом солнца, Перун – богом грома и молнии, Стрибог – богом ветров, Велес –

богом скота, Святovit – богом войны и изобилия, Ярило – Богом плодородия и т.д.

Однако со временем язычество сменилось христианством. Христианство раньше других, уже в IX веке, приняли из Византии многие южные славяне, в первую очередь болгары. Именно в среде болгар старославянский литературный язык стал языком новой религии. В X веке христианство византийского толка проникло в Древнюю Русь, а в конце века при князе Владимире Святославиче стало официальной религией. Для распространения нового вероучения в широких народных массах христианские проповедники использовали церковные тексты, написанные на близком для восточных славян старославянском языке, на который христианские книги переводились с греческого еще в IX веке.

Под пером русских книжников старославянский язык испытывает влияние древнерусского языка и выступает в новой ипостаси как церковнославянский язык. При князе Владимире церковнославянский язык получает статус языка официального культа и противопоставляется русскому языку прежде всего, как язык сакральный языку мирскому. Языковые отношения вписываются в более общие культурные оппозиции.

Задачи христианского просвещения обуславливают появление школ. Летопись, сообщая о крещении Руси, говорит и об организации князем Владимиром «ученья книжного», то есть школьного образования. Церковнославянский язык становится языком, которому формально обучают. В то же время нет никаких сведений, указывающих на какое-либо обучение русскому языку.

С противопоставлением христианской и нехристианской культуры связано распределение сфер влияния церковнославянского и русского языка. В одних случаях становится необходимым употреблять церковнославянский язык, а в других его употребление оказывается невозможным. Отсюда возникает письменность на русском языке бытового и делового характера.

Особенностью данного периода является то, что один и тот же писец может писать один текст по-церковнославянски, другой – по-русски. Применение того или иного языка имеет вполне сознательный характер. Оно обусловлено языковой установкой пишущего.

Поскольку применение того или иного языка мотивировано языковой установкой, перевод с церковнославянского языка на русский и наоборот оказывается невозможным.

Вместе с тем следует отметить, что церковнославянский язык не выступал в качестве средства общения в разговорной речи.

С принятием христианства возникает русская книжная традиция, и языком этой традиции оказывается церковнославянский. Церковнославянский выступает при этом как посредник в греческо-русских культурных контактах, то есть как средство переноса византийской культуры на русскую почву, в результате чего Русь в определенном смысле становится частью византийского мира.

Византийская культура заимствуется на Руси вместе с религией. Усвоение византийской образованности воспринимается как составная часть христианского просвещения. В этой струе на Русь попадают не только церковные, но и светские византийские тексты. Таким образом, церковнославянский язык начинает функционировать не только как культовый язык, но и как язык культуры. А оппозиция церковнославянского и русского языков осмысливается уже не только как противопоставление культового и профанного, но и как противопоставление культурного и бытового и делового.

Б.А. Успенский считает, что «в такой перспективе русский язык может восприниматься как непросвещенный, некультурный». По его мнению, с крещением Руси функции русского и церковнославянского языков противопоставляются, поэтому можно говорить о существовании церковнославянско-русской диглоссии в Киевской Руси.

Вместе с тем церковнославянский язык был, по-видимому, в какой-то мере распространен в Древней Руси и до официального принятия христианства в 988 году. Об этом свидетельствуют, в частности, данные археологии.

В 1949 году при раскопках кургана возле села Гнездово под Смоленском археологу Д.А. Авдусину удалось обнаружить среди других находок глиняный сосуд (корчагу), у горлышка которого кириллицей была сделана надпись «гороухта». Все предметы, найденные с сосудом, относятся к первой четверти X века.

Надпись, если читать ее как одно слово, означает «горчица», «горчичное зерно» (1-ая версии принадлежит Д.А. Авдусину и М.Н. Тихомирову, а 2-ая – П.Я. Черных). Если же надпись читать как два слова, то получается – «Горух (имя) писал». находка позволяет считать, что письменность на Руси восходит к первому десятилетию X века. При этом кирилловское письмо использовалось отнюдь не для религиозных, а для бытовых целей.

Известно также, что фактическая христианизация Руси началась еще до Владимира. Так, уже при Игоре в Киеве существовала христианская община, объединяющаяся вокруг церкви св. Ильи на Подоле. Наличие церкви предполагает существование богослужбных книг на церковнославянском языке.

На существование письменной традиции в этот период указывает и язык договоров с греками 911, 945 и 972 годов, который свидетельствует о несомненном церковнославянском влиянии. И.И. Срезневский предполагал, что написаны они глаголицей.

Если считать, что договоры с Византией говорят о существовании письменной традиции, то необходимо признать, что языком княжеской канцелярии в X веке был церковнославянский. Впервые на это указал Л.П. Якубинский в «Истории древнерусского языка».

Между тем, позднее деловые тексты пишутся на русском языке. Этот факт объясняется тем, что в данный период церковнославянский язык не

связывается еще исключительно с христианской культурой и не входит в антитезу сакрального – мирского, как это будет впоследствии. Церковнославянский язык принимает на себя в это время просто функции письменного языка, которым пользуются при письменной фиксации текста.

С крещением Руси церковнославянский язык получает права и функции языка литературного. Принудительный характер обучения церковнославянской грамоте при князе Владимире, как и вообще религиозного просвещения – указывает на сознательное введение и распространение церковнославянского языка в этом качестве.

Какие же черты отличают церковнославянизмы разных уровней системы языка. Назовем их.

Приметами фонетических славянизмов являются:

1) неполногласные сочетания **ра, рh, ла, лh**, которым в древнерусском языке соответствовали полногласные сочетания оро, ере, оло, еле.

Так, в записи к «Остромирову евангелию» (1056-57 гг.) читаем *власти* вместо *волости*;

2) сочетания **ра, ла** в начале слова перед согласными, там, где по древнерусским нормам должно было бы быть **ро, ло**. Например, в «Ипатьевской летописи» встречается работы, в «Изборнике» Святослава 1073 года – *лакоть*;

3) сочетание *жд* вместо *ж* (из *dj). В «Остромировом евангелии» отмечается слово *рожденое*;

4) сочетание *жд* вместо *зж, жж* (из *zd' и *zdj и *zgj). Например, в «Толковой псалтыри» встречается *дрождия* (вместо *дрозжия* или *дрожжия*);

5) сочетание шт (щ) вместо ч (из *tj, *kt(i), *gt(i)). В «Изборнике» Святослава 1076 г. есть форма *хоитю*, в «Повести временных лет» – *пещь*;

6) употребление шт вместо ш÷, щ из *sk' и *skj, *stj. В «Изборнике» Святослава 1076 г. встречается *заштиштеи* вместо *защичеи* или *защиччаи*;

7) употребление ю вместо у, ~ вместо о и а вместо " в начале слова. Так, в «Остромировом евангелии» есть слово *югь*, а в «Новгородских служебных минеях» – *~лени* и *авитася*.

Для морфологических славянизмов характерны следующие особенности:

1) написание #, а, ѱ вместо h в окончаниях родительного падежа единственного числа, именительного и винительного падежей множественного числа слов женского рода и в винительном падеже множественного числа слов мужского рода. При этом надо отметить, что # стал смешиваться с ѱ и после шипящих с а, что было вызвано превращением # в а после t'. Например, в тексте «Остромирова евангелия»:

а) посрhдh пшениц# (вместо посередh пшеницh) – р.п. ед. ч. ж.р.;

б) засыпати ѱ живы (вместо засыпати h – в значении «их» – живы) – вин.п. мн.ч. м.р.;

в) пришлите мужа нарочиты (вместо мужh нарочиты) – вин.п. мн.ч. м.р. – пример из «Лаврентьевской летописи» (1377 г.);

2) -аго, -яго (#го) в окончаниях родительного падежа единственного числа полных форм прилагательных мужского и среднего рода (вместо -ого, -его в древнерусских формах). Например:

бо÷#го – «Изборник» Святослава 1076 года

о÷богаго – «Новгородские служебные минеи»

3) суффикс -нах в имеперфекте (вместо -ўх, -ах). Например: имѣаше – в «Житии Бориса и Глеба». Древнерусский эквивалент – имяше (2.л. ед.ч.)

4) -ущ (-ушт), -ющ (-юшт), -ащ (-ашт), -ящ (-яшт) суффиксов действительных причастий настоящего времени вместо -уч, -юч, -ач, -яч в аналогичных древнерусских причастиях. Например: имоушта, дающа – «Изборник» Святослава 1073 г.; лежащъ, проидоуща – «Житие Нифонта».

5) краткие формы именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода действительных причастий настоящего времени употребляются с -г на конце, а не с -а, -ў, как в древнерусском языке. Соответственно полные формы таких причастий оканчиваются на -ый, а не на -аи, -яи в отличие от аналогичных древнерусских форм.

Приведем примеры из «Синайского патерика»:

ѣаг, ѡааг – вместо ѣа, ѡаа или ѡааў

6) в 3-ем лице единственного числа настоящего времени глаголов пишется окончание -тѣ вместо древнерусского -ть. Например: ѣіѡіѡдѣ, іѡіѡдѣ (из «Синайского патерика»).

Отличительной чертой синтаксиса древнерусских текстов на церковнославянском языке был оборот «дательный самостоятельный». Его можно назвать синтаксическим славянизмом. Напомню, что «дательный самостоятельный» употреблялся для выражения времени или причины события независимо от основного предложения. В его состав входило действительное причастие в форме дательного падежа и существительное (или местоимение) тоже в дательном падеже. Оборот переводится как придаточное времени или причины. Особенно любил эту синтаксическую конструкцию Илларион, автор «Слова о законе и благодати». Приведу пример:

Перевод: Когда Авраам и Сарра состарились, явился бог к Аврааму, когда тот сидел в полдень у дуба мамврийского. **Временное значение.**

Другой пример взят из «Повести временных лет»:

Перевод: Так как они долго бились, Мстислав начал изнемогать.

В бытовой речи восточных славян дательный самостоятельный стал рано превращаться в деепричастный оборот и именно поэтому не встречается в своем исконном виде ни в каких древнерусских деловых текстах: ни в купчих, дарственных, договорных, духовных и иных грамотах; ни в судебныхниках или судебных списках; ни в берестяных новгородских письмах.

В текстах древнерусских летописей, житий, хождений и т.п. часто встречается оборот дательный самостоятельный, ибо эти тексты создавались опытными книжниками, которые хорошо знали религиозные сочинения, а следовательно, церковнославянский язык.

Из церковнославянского языка в древнерусский язык пришло много слов таких, например, как: *ñâhâhòâëü* (древнерус. – видокъ), *ïàðèèè, âèèè#, ïàñòîî#òâëü, çhëî* (древнерус. – вельми), *êîââðîúé, êîðî÷èé, êîúóíñòâî, èàèèòà, ìèèññâðâçâ, ïàîâðñíèé*.

Со временем некоторые славянизмы перестали быть просто вариантами или синонимами древнерусских слов, а обособились от них по значению (голова – глава, порох – прах, сторона – страна, передел – предел, голосить – гласить).

Отдельные славянизмы постепенно из книжной речи перешли в устную речь и даже в ряде случаев вытеснили соответствующие древнерусские слова. Таковы в современном русском языке *плен* (русск. *полон*), *сладкий* (русск. *солод*), *прохладный* (русск. *холод*), *время* (русск. *вермя*) и другие.

Вместе с тем следует отметить, что южнославянское влияние на говорах русского (великорусского) языка сказалось больше, чем на говорах украинского и белорусского языков (русск. *сладко*, укр. *солодко*, белорусск. *салодка*; русск. *награда*, укр. *нагорода*, белорусск. *нагарода*). Это объясняется тем, что языковое обособление предков украинцев и белорусов происходило в пределах существования польско-литовского государства, в котором господствующей силой были католики. А католики среди обособлявшихся предков украинцев и белорусов не только не поощряли православие с его церковнославянскими религиозными текстами, а наоборот, стремились насадить католичество с его латынью.

Таким образом, появление с принятием христианства в Древней Руси религиозно-богослужебных текстов на старославянском языке и утверждение церковнославянского языка русского извода в качестве основного литературного принято называть первым южнославянским влиянием. Оно было лишь частным проявлением южнославянского влияния на древнерусскую культуру того времени.

У южных славян в это время было два литературных языка – восточноболгарский (с изменениями царя Симеона) – Преслав и македонский – Охрид. Древняя Русь первоначально контактировала с Болгарией, а затем с Македонией. На македонское влияние указывают следующие написания:

1) *m – ø÷*;

2) *o* и *e* на месте *ú* и *ü*, причем не только в сильной позиции, но и в слабой. У русских *ú* и *ü* еще не пали в это время;

3) *f* произносилась как [f], а в Преславе – как [t]. Например, писали: *Mâffâèé – Mâðîâèéé, Fââîð – Ôîâîð* и т.д.

При Ярославе Мудром (около 974 – 11.10.1054 г.) начинается активное переписывание книг, главным образом церковнославянских, предназначенных для богослужения. Книги эти поступали из Болгарии. Ярослав Мудрый как бы повторял деятельность болгарского царя Симеона. Как и Симеон, он принял царский титул, также пытался поставить митрополита, независимого от Константинополя.

В 1054 г. устанавливается греческая митрополия и начинается переводческая деятельность, ориентированная на Константинополь. Эти

переводы смешались с южнославянскими. И сейчас трудно установить, где возник тот или иной перевод: в России или в Болгарии. Славянизмы ничего не могут сказать об этом, равно как и русизмы.

Некоторые исследователи, например А.И. Соболевский, ориентировались в основном на лексический состав текста: наименования людей по роду занятий, степени родства и т.д., названия животных, птиц, монет. Однако это слабые стороны атрибуции.

В.М. Истрин в «Очерке истории древнерусской литературы домосковского периода (XI – XIII вв.)», Пг., 1922, отмечал, что если в памятнике употреблена лексика, характерная для восточнославянских и западнославянских языков, то перевод сделан в Киевской Руси. Доказательством этого являются также отчества на –ич, встречающиеся в тексте.

Так или иначе, объем книжной письменности на Руси был очень высок в XI веке.

РАЗДЕЛ IV. Взаимоотношение церковнославянского и греческого языков. Роль греческого языка византийской эпохи в формировании основного литературного языка Древней Руси

Знание греческого языка было достаточно распространено в Киевской Руси. Это было вызвано ориентацией древнерусского государства на Византию.

Отношения между греческим и церковнославянским языками особенно наглядно выступали в церковной службе, которая могла идти попеременно на двух языках, когда один клирос пел по-гречески, а другой – по-церковнославянски. Так, например, на обоих языках шла служба в Ростове при Петре, царевиче Ордынском, в середине XIII века. Вот как об этом говорится в «Повести о Петре, царевиче ордынском»:

«...в церкви святая богородица левый клирос греческы пояху, а правый рускы...».

Ростов же в культурном плане был связан с Киевом.

Греко-церковнославянский параллелизм отражается и в древнейших русских богослужебных (певческих) текстах. Так, в Благовещенском кондакаре XII века есть греческие песнопения, данные в русской транскрипции и записанные славянскими кириллическими буквами. Следует отметить, что отдельные фразы на греческом языке до сих пор употребляются в церковной службе при архиерейском служении: кирие елейсон – «Господи помилуй» ис поллаети деспота – «многая лета, владыка» аксиос – «достоин»

Данная особенность является отражением той ситуации, когда русской церковью управляли греческие отцы церкви.

Таким образом, греческий и церковнославянский языки употребляются параллельно и являются двумя ипостасями одной и той же сущности. И если православная образованность предполагает знание византийской истории, византийской культуры, то и искусное владение церковнославянским языком

предполагает знание греческого языка. Многие исследователи (в их числе В. Ягич, А.И. Соболевский, А.В. Исаченко) предполагают, что в Киевской Руси не существовало специальной грамматики церковнославянского языка, поскольку грамматические структуры церковнославянского и греческого языка отождествлялись и в качестве церковнославянской грамматики выступала греческая. В XIX веке высказывалось мнение, что это была грамматика Иоанна Дамаскина, жившего в VIII веке. Однако В. Ягич доказал, что византийцы не знали грамматического руководства указанного автора, вследствие чего данную грамматику греческого языка стали называть Псевдодамаскина. К греческим моделям из этой грамматики древнерусские книжники прикладывали церковнославянский материал, а именно тексты, которые заучивали наизусть. В Киевской Руси получила распространение схедеография (σχεδογραφία от σχεδος «грамматический разбор слова» и γράφω «пишу»), представлявшая собой высший курс грамотности в греческом образовании. Низший курс грамотности состоял в умении читать и писать. Схедеография заключалась не только в грамматическом разборе, но и в заучивании наизусть упражнений (слов, форм и т.п.) на каждую букву алфавита.

Б.А. Успенский утверждает, что складывается в это время единый «еллино-славенский» язык, который мог реализовываться либо как греческий, либо как церковнославянский.

Представление об «еллино-славенском» языке прочно входит в сознание русских книжников. В XVI веке даже появятся грамматические описания этого единого «еллино-славенского» языка. Такой грамматикой станет «Αδελφότης. Грамматика доброглаголивого еллино-славенского языка», изданная во Львове в 1591 году. А в XVIII веке протесты против заимствований не распространялись на заимствования из греческого языка, поскольку последние ассоциировались с церковнославянизмами.

Греческий язык постоянно фигурировал в полемике с церковнославянским.

Из греческого языка в церковнославянский, а затем и в русский вошло много слов. Слова, заимствованные из греческого через переводную письменность, большей частью связаны с обозначением понятий, имевших отношение к православной вере и церкви: ангел, апостол, евангелие, епископ, монах, митрополит, игумень, канон, тропарь, кондакъ, стихира.

Сюда же относятся некоторые слова, связанные с развитием культуры и просвещения, поскольку эти стороны общественной жизни в средневековую эпоху находились в зависимости от религии: философия, грамота, стих, арифметика и т.п.

В словах книжного происхождения обычно сохранялись основные черты греческой графики, органически вошедшей в старославянскую кирилловскую графическую систему и поэтому легко усваивавшейся книжниками.

В древнерусский язык слова из греческого языка проникали изустным способом. Они обязаны своим вхождением в язык главным образом

судоходству, торговле. Это названия предметов, которые Русь получала в это время от греков. Уже в дописьменный период проникли такие слова, как корабль, парус, фонарь, кровать, лампа; названия многих плодов и овощей: свекла, огурец, капуста, вишня, лимон и т.п.

Фонетика греческих заимствований, пришедших путем устного общения, характеризуется закономерными соответствиями гласных и согласных. Отдельные слова могли проникать двояким путем – и изустно, и через письменность. Благодаря этому уже в Древней Руси стали развиваться дублетные формы отдельных греческих заимствований, например: *пана* и *попъ* (второе – изустным путем: греч. *πάπας* – отец), имена Кирилл и Чурило, Евдокия и Авдотья.

На основе греческого языка возникло много калек. Например, **благодворение, законодействие, благовещение, зловерие, идолюбие, мудролюбие, откровение** и т.д. Среди них есть слова, ставшие фактами языка, и есть кальки – окказионализмы, не вышедшие за пределы текста.

Наряду с лексическими формами зарегистрированы также семантические кальки. Например, слово *свойство* первоначально означало «близость», а под влиянием греческого языка получило значение «качество».

Можно отметить и синтаксические кальки. В частности, конструкцию с глаголом «иметь» + инфинитив с модальным значением возможности / долженствования, на которую впервые указала Г. Хюттль-Воорт.

Таким образом, поскольку церковнославянский язык уступал греческому в нормированности, то он стремился ему уподобиться.

Отношение к церковнославянскому языку как языку, открывающему греческую мудрость, было воспринято от южных славян.

Ориентация на Византию способствовала активизации переводческой деятельности. В результате переводческой деятельности объем литературы резко возрос, что свидетельствует о вхождении Руси в круг византийской образованности. Следствием этого стало появление оригинальных произведений древнерусской литературы проповеднического характера, таких как «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, написанное между 1037 и 1050 гг., «Слово на антипасху» Кирилла Туровского (XII в.), которые были созданы под влиянием греческой образованности. Б.А. Успенский считает, что тексты такого рода могли быть написаны и в современной им Византии (Б.А. Успенский, с. 22).

Завершить этот вопрос хотелось бы цитатами Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина).

В статье «О русской грамматике француза Модрю» (1803 г.) Карамзин писал: «Авторы или переводчики наших духовных книг образовали язык совершенно по греческому, наставили везде предлогов, растянули, соединили многие слова, и сею «химическою операциею» изменили первобытную чистоту древняго Славянскаго. «Слово о полку Игореве», драгоценный остаток его, доказывает, что он был весьма отличен от языка наших церковных книг».

А А.С. Пушкин в своей программной статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» (1825 г.) отмечал: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени».

РАЗДЕЛ V. Киев и Новгород – различие в культурной и языковой традициях

Киев был столицей древнерусского государства, а Новгород – важным административным и культурным центром на севере русской земли. Географическое положение способствовало развитию контактов Новгорода с соседними прибалтийскими народами.

В 1088 году западная (католическая) церковь канонировала святого Николая. Его мощи переносятся из Киева в Нику. Два раза в год учреждается день святого Николая – 19 декабря и 22 мая. В Византии такой праздник не отмечался. На севере Руси начинает распространяться предание о святителе Николае западного происхождения. А в 1113 году в Новгороде сооружается собор святого Николая. Причем наблюдается смешение Николы (так до середины XVII века называли святого) с архангелом Михаилом. В результате чего контаминация двух имен порождает Микулу. Для Киева это было не характерно.

В Новгород с запада приходит культ колокола. Колокольный звон становится необходимым сопроводителем церковной службы. Но если в католических странах раскачивали сам колокол во время литургии, то на Руси – только язык.

Наличием колокольного звона русские отличались от греков, поскольку в Византии во время службы в церкви били по билу (специальной доске). Било использовалось в монастырях на Руси вплоть до XV века.

В Новгороде существовали самостоятельные связи с Византией. Подтверждением этому служит наличие некоторых слов греческого происхождения в современном русском языке и отсутствие их в украинском языке. Среди них можно назвать следующие: известь, кровать, парус, свекла, скамья.

Исследователи отмечают следы знакомства новгородцев с глаголицей. Так, в 1047 году новгородский священник Упырь Лихой, переписывая рукопись пророков, пишет «из кирилоѿ». Кириллицей он называет глаголицу.

Н.Н. Никольский считал, что должны различаться славянская письменность, связанная с Киевом, и русская, ассоциирующаяся с Новгородом.

В Новгороде, как известно, был написан список евангелия (1056-1057 гг.) дьяконом Григорием и его помощником для посадника Остромира, родственника Изяслава Ярославича, великого князя киевского. Это евангелие – недельное (апрокос), то есть расположенное не по евангелистам в последовательном порядке глав, а по неделям (воскресеньям), в порядке церковной службы, начиная с пасхи. Хотя писец был русский, однако особенности болгарского текста, с которого он переписывал, сохранены им в значительной чистоте.

В памятнике широко представлены все фонетические и морфологические особенности церковнославянского языка, многие слова религиозно-культового характера (аминь, бог, пасха, церковь и т.п.), хорошо известные в евангелиях фразеологические средства («в оно время», «приди и виждь» и др.), а также различные молитвенные формулы.

В 1095, 1096, 1097 годах в Новгороде были написаны Новгородские служебные минеи (сборники церковных чтений). В них уже отражается цоканье.

В Новгороде могли создаваться некнижные жития святых. Так, в конце XV века (1478 или 1479 году) было написано «Житие Михаила Клопского», а в XVI веке это произведение подверглось литературной обработке боярином В. Тучковым.

Сопоставляя Киев и Новгород как два культурных центра, необходимо отметить, что литературная традиция и письменность больше совпадают в Киеве, чем в Новгороде. Этим можно объяснить отсутствие в столице Древней Руси берестяных грамот.

Берестяные грамоты восходят к XI веку и представляют собой частные письма жителей Новгорода и вместе с тем служат первыми жанровыми образцами эпистолярного стиля древнерусского языка.

Эпистолярный стиль отличает особая организация речевых средств (как и подбор их). Строй речи, отразившийся в письмах, лишен многих структур и примет, характерных для стиля деловых текстов. В письмах отразилось оригинальное соотношение разговорных речевых средств и очень немногих книжных элементов, которые представлены в виде стереотипных начал некоторых грамот.

Эпистолярный стиль отличается точным обозначением адресата и характерным в таких случаях повторением фраз. Например, «от Гостяты к Василови» (ВГ № 9), «от Микиты к Улиания» (БГ № 377).

Сам строй предложений лишен четкости и пунктуальности, типичной для официальных документов. По тексту многих берестяных грамот можно заключить, что переписка идет между знакомыми людьми и относительно знакомых им событий и лиц.

Для эпистолярного стиля характерна непринужденная форма общения. Лексический состав лишен церковнославянских языковых единиц.

У Новгорода и Киева было разное отношение к праву. Для Киева (а затем Москвы) характерны попытки усвоить письменное право (или византийское право), а для Новгорода – русское дохристианское. Как я уже

говорила, текст первого судебника «Русской правды» был в литературно обработанной форме записан в Новгороде в XI веке (самый ранний Синодальный список восходит к XIII веку – 1282 году) на основе норм поведения, сложившихся в дописьменный период. Таким образом, стилистическая дифференциация древнерусского языка характерная для Новгорода.

Именно в Новгороде были созданы былины, которые можно было петь на великий пост, поскольку былины ассоциировались с духовными стихами. Благодаря этому в текст былин проникают книжнославянские слова и формы, то есть славянизмы. Исследователи отмечают даже особенности книжного произношения в былинах.

В Новгороде также берет истоки русская лексикографическая традиция. Самые первые словари назывались азбуковниками. В них древнерусский язык употреблялся как посредник для познания книжного (церковнославянского) языка. В Киеве азбуковников не было, во всяком случае, они не дошли до наших дней.

В заключение следует отметить, что наличие двух центров (первоначально Киева и Новгорода) определяет биполярность в развитии русской культуры. Что происходит дальше?

В 1300 году киевская митрополия переезжает в Суздаль, и уже противопоставляются Владимир и Новгород. Владимир ассоциируется с Киевом. Именно поэтому отдельные архитектурные сооружения в нем названы так же, как и в Киеве. В частности, Золотые ворота и Успенский собор во Владимире аналогичны Золотым воротам и Софийскому собору в Киеве. Из Суздаля митрополия переезжает в 1326 году в Москву, и Москва становится новым административным и культурным центром, столицей нового централизованного государства. Неслучайно, по-видимому, Софийский собор в Киеве и Успенский собор в Москве имеют равные размеры.

Спустя некоторое время Москва завоевывает Новгород, но восстанавливается Киев и возникает оппозиция Москва – Киев уже в середине XVII века. Постепенно Киев как второй культурный центр угасает, а на смену в XVIII веке приходит новая столица русского государства – Санкт-Петербург, просуществовавшая в этом качестве до 1918 года.

Что же касается культуры Новгорода, то здесь следует указать, что специалисты по древнерусскому искусству выделяют особую новгородскую школу.

5.1. Древнерусский литературный язык в деловой письменности Киевской Руси

Деловая письменность Киевской Руси представлена несколькими сохранившимися от тех времен грамотами, которые дошли до нас в составе «Повести временных лет», договорами русских князей с Византией (греками) и древнейшим сводом законов – «Русской правдой».

Остановимся подробнее на языковых особенностях «Русской правды».

Предполагается, что зафиксированные в «Русской правде» законы сложились первоначально в устной форме, а записаны были в XI-XII вв. в Новгороде. Однако оригинал этого памятника до нас не дошел, а древнейший из сохранившихся списков относится к 1282 году.

«Язык «Русской правды» представляет собой литературно обработанную разговорную речь восточных славян, пополненную рядом юридических терминов, формул и выражений», – писал А.И. Ефимов.

Этот памятник отличается чистым русским языком. В его лексике, фразеологии, а также морфологии и синтаксисе почти отсутствуют церковнославянские элементы. Близость языка «Русской правды» разговорной речи подтверждается употреблением полногласных форм: *воротити, Володимирь, городь, горохъ, дерево, золото, молоко, холопъ* и других.

В «Русской правде» обнаруживается употребление приставки *роз-*, которая соответствовала церковнославянской *раз-* (*роздѣлите, розвязати*), начального *о* вместо церковнославянского *е* (*одиная*), начальных *ро, ло*, соответствующих церковнославянскому *ра, ла* (*лодья*), а также слов с *æ* вместо церковнославянских с сочетанием *жд* (*межа, ноужа*).

К числу юридических терминов в «Русской правде» относятся: *головникъ* – убийца, *головничество* – убийство, *добыток* – имущество, *вира* – штраф за убийство свободного человека, *суд* – разбор дела, *клепати* – обвинять, *обида* – правонарушение, *урок* – оброк, подать; *тать* – вор, *татьба* – воровство.

К сфере общественно-политической жизни относятся в этом памятнике слова: *боярин, князь, гость* (иноземный купец), *гридь* (дружинник), *мужь* (приближенный князя), *огнищанин* (владелец дома), *мытник* (сборщик пошлин), *смерд* (крестьянин).

В «Русской правде» богато представлена сельскохозяйственная лексика Древней Руси: *вольга, жито* (рожь), *борона, клеть, баран, вепрь* (дикий кабан), *коза, корова, овца, горох, молоко, овес, хлеб* и др.

Слова церковнославянского языка употребляются в «Русской правде» очень редко: они выступают в терминологически обусловленном употреблении или носят случайный характер (т.е. находятся в испорченных листах рукописи): *вражда* – юридический термин южных славян, *чрево* – стилистический вариант летописного слова *черево, среда* – день недели (древнерусск. середа).

В памятнике встречаются также слова иноязычного происхождения, проникшие в древнерусский язык из скандинавских народов. Это *гридь* – древненорвежское и *вира* – древнегерманское.

Словарный состав «Русской правды» дает основания придерживаться мнения, что язык этого судебного памятника хранит следы литературной обработки, что он отличается документальной точностью в отборе слов и выражений.

Морфологические черты языка «Русской правды» в основе своей восточнославянские, древнерусские. «Общая система склоняемых форм имен

существительных, – отмечал С.П. Обнорский, обращает на себя внимание как система типически русского склонения».

Местоимения также имеют древнерусский облик родительного падежа себе; дательного и местного падежа – себе.

Прилагательные в основе своей имеют древнерусские формы: в род. падеже Е.числа прилагательные женского рода имеют окончание –ой при церковнославянском –ия (первой жены, одинокой матери); в род. падеже ед. числа прилагательные муж. и ср. рода оканчиваются на русское –ого (кыевского, белгородского), хотя есть и немного слов на –аго (боярскаго тиуна (должностное лицо при князе)).

Синтаксические особенности «Русской правды» также свидетельствуют о восточнославянской основе языка этого памятника.

Сочинительная связь занимает здесь ведущее положение. Предложения присоединяются преимущественно посредством союзов **а, и, либо, или**; реже употребляются **да** (соединительный), **нъ** (но) (противительный).

Функции союзов довольно четко определены. Так, например, союз **а** обычно употребляется в начале самостоятельного предложения, как бы соединяя его с цепью предшествующих предложений.

Союз **и** имеет иные функции: он употребляется для связи членов предложения. Союз **а** в этой роли не выступает.

«Аже начнетъ не знати у кого купиль, то ити по немъ темъ видокомъ на торгу (*базар*) на роту (*присяга*). А истыцю свое лице (*вещественное доказательство*) взяти».

«Аже кто познаеть челядин (*слуг*) свои украден, а поиметь и, то оному вести и по кунам (*денежная единица*) и до третьяго свода».

В качестве разделительных союзов в памятнике употребляются **или** и более древний **любо**: «Аже кто кого ударить батагомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо телеснию...» «Или пхнеть мужь мужа любо к себе, любо от себе, любо по лицу ударить».

Среди подчинительных построений наиболее употребительны условные. При этом они чаще всего оформляются с помощью сочинительных союзов **а, или** и подчинительных **аже, оже, оже ли, а оже ли**, которые являются структурными элементами восточнославянской речи. Например: «Оже придетъ кровав муж на двор или синь, то видока ему не искати».

В некоторых случаях условные отношения выражаются при помощи церковнославянского союза **аще** (аще ли, аще же).

«Аще ли уткнетъ руку и отпадетъ рука или усохнетъ, или нога, или око, или не уткнетъ, то пол виры – 20 гривень...»

Кроме того, условные конструкции нередко передаются бессоюзным путем: «Убьет моужь моужа, то мьститъ брату брата».

В тексте «Русской правды» встречаются и бессубъектные предложения, являющиеся чаще всего инфинитивными: «...мстити брату брата».

Вместе с тем употребляется оборот именительный дополнения при инфинитиве, который является принадлежностью разговорной речи восточных славян. Например: «Взяти гривна кун за сором».

Синтаксические особенности языка «Русской правды» свидетельствуют о том, что деловая письменность создавалась на базе общерусской речи, что эта речь подвергалась литературной обработке. Литературная обработка дает о себе знать в характере употребления основных синтаксических конструкций. Эти конструкции стилистически оправданы в языке свода законов, ибо само содержание как бы предопределяет выбор формы выражения. В главном предложении весьма четко и ясно указывается норма поведения, которая обязательна при соблюдении того, о чем говорится в условном придаточном предложении.

Таким образом, все черты языка «Русской правды» показывают, что этот памятник, как и другие произведения деловой письменности, был создан на базе древнерусской речи. Роль церковнославянизмов незначительна, но они все же вторгались в практику деловой письменности, особенно в грамоты.

По наблюдению Л.П. Якубинского, церковнославянизмы обычно встречаются:

1) в зачинах и концовках грамот. Так, грамота Киевского великого князя Мстислава (написана около 1130 г.) начинается с зачина, где местоимение 1 лица имеет церковнославянскую форму: «Се аз Мьстислав Володимирь сын держа русьску землю в свое княжение повелель есмь». В самом же тексте, написанном по-древнерусски, то же местоимение имеет восточнославянский облик.

Тот же зачин имеет место и в договорной грамоте Александра Невского и новгородцев с немцами (1262-1263 гг.): «Се аз князь Олександр и сын мои Дмитрии...»

2) в тех местах грамот, где встречается обращение к богу, заклинание и другие мотивы церковно-религиозного содержания.

Вкладная грамота Варлаама Хутынского монастырю (после 1192 года) содержит такие слова церковнославянского языка: «Аще кто дияволомъ на(уч)ен и злыми члвкы наважен, цъто хочеть отъяти от нивли...»

3) в русском тексте, если церковнокнижные слова и целые выражения не имеют соответствий в живой речи восточных славян: благословение, владыка (епископ), раб божий, во имя отца и сына и святого духа.

В грамоте новгородского князя Андрея Александровича (1294 г.) читаем: «От великого князя Андрея, от владыки благоволение».

То же самое в грамотах полоцкого епископа Иакова к рижанам (около 1300 года): «Поклон и благословенье».

В духовной грамоте новгородца Климента (до 1270 г.): «Се аз раб божий Климент».

5.2. Язык «Договора Игоря с греками»

Ѡ - юс большой

т - юс малый

Ѣ - ять

8 - оук

ω – отъ

мѣтѣ – такое подчеркивание обозн. титло

Это деловой памятник письменности.

Договор был подписан в 945 году.

Лексико-фразеологический анализ:

- 1) Политич. лексика: грамота, съль, князь, цесаремь, бояре, цесарство
- 2) Торговая лексика: паволокъ, коупити, золотникъ, мѣстчна, гость
- 3) Отвлеч. лексика: миръ, смърть
- 4) Фразеологизмы: сотвори криво

Фонетический анализ:

- 1) фонетич. славянизмы: волость, зотник, входѣще

Морфологический анализ:

- 1) Временные формы глаголов:

- Б/Н П: посылають, бывають

- БС 1: преданы будутъ

- аорист: послахъ

- имперфект: ношаху

- перфект: оувѣдѣль есть

- 2) Повелит. накл.: да держимъ и хранимъ, да оувѣмы, да не имѣють

- 3) Формы прич.: пишюче, приходѣщимъ, входящи

Синтаксич. анализ:

- 1) СИС: преданы будутъ, посылаеми бывають

- 2) СПП с прид. усл. : аще ми СПП с прид образа действия: яко имъ любо, тако створѣтъ; да творѣтъ коуплю (←императивн. конструкция), яко же имъ надобѣ

5.3. Язык «Слова о Законе и благодати» Илариона.

С этого начинается ИРЛЯ, так как оно непосредственно посвящено актуальным проблемам Руси: единение Руси посредством христианской морали. Идеально по стилю, поэтому оказало влияние на многие другие произведения: на жития Бориса и Глеба, сочинения Кирилла Туровского, на стиль «плетения словес». Последовательное преобладание славянизмов на всех уровнях (до 98% старославянских фактов). Риторичность, большое количество выразительных средств, взятых из южнославянской (болгарской) и византийской литературы; наличие сложных синтаксических конструкций. Автор был человеком высокой культуры, освоил церковнославянский текст и смог создать самостоятельное произведение, в котором он сблизил культуру Киевской Руси с культурой Византии. Митрополит Иларион написал «Слово...» в 1049 г., при Ярославе Мудром. За 60 лет до этого - крещение Руси. Изменение культуры и религии: языческие обряды уходили в прошлое. Ярослав счел нужным освободить русскую Православную Церковь от зависимости греческой. Иларион - первый русский (а не греческий)

митрополит, поставлен Ярославом в 1051 г. Его назначение было событием большой политической важности и состояло из трех частей:

1) Характеристика Ветхого Завета и противопоставление ему Нового. Доказательства преимущества христианства над иудаизмом, как средства сближения разных культур, религии света, просвещения людей;

2) Характеристика роли христианства в Киевской Руси и роли князей-просветителей - Владимира и Ярослава Мудрого;

3) Молитва о Руси (в защиту Руси и русских). Много калек с греческого - благоверный, равноумный, остроумие, благодравие, тщеславие. Многие слова взяты из народной речи, но переосмыслены. Скрижалъ (в народной речи - каменная плита, в тексте - плита, на которой высечены знаки, слова), добръ (дородный - нравственный, морально стойкий), степь (мрак, темнота - невежество, тьма язычества), тварь (украшение на платье, платье, нечто сотворенное - живое существо, человек, созданный Богом). Выражения и метафоры: Посети Господь человеческого рода. Язык: архаичный тип старославянского. Старые, нестяжанные формы: милааго. Аорист. Древние формы склонения. Дательный самостоятельный. Риторичность: повторы, антитезы, обилие сравнений (образы часто отвлеченные, связанные с христианской символикой), символический параллелизм. Гъраздитися - чисто древнерусское слово. Взаимовлияние церковно-славянского и русого языков; влияние церковнославянского значительнее.

Ѡ - юс большой Т - юс малый Ъ - ять Ѡ - оук Ѡ - отъ мѣтва - титло

Данный текст свидетельствует о зарождении и развитии оригинальной литературы Руси: торжественной проповеди. Свидетельство о глубоких познаниях первого русского митрополита в области истории церкви, духовного ораторского искусства, об умении проповедника пользоваться всеми стилистическими богатствами византийской и славянской церковной литературы.

Тема «Слова» - прославление князя Владимира, при котором на Русь пришло христ-во, христианская религия, благодаря которой усилилась мощь Киевского гос-ва, установились его связи с другими христианскими странами, гимн просвещению, расцвету культуры Руси в 12 веке. Публицистическое содержание памфлета обусловило стиль произведения, эмоциональную патетическую манеру письма, широкое использование приемов сопоставления, антитезы, сравнения, повтора. Противопоставляя христианство язычеству, митрополит Илларион противопоставляет и ряд понятий, характерных для этих религий, с его точки зрения:

1) благодать, истина, избавление, обновление, пакубытие, нетлѣние, въскрѣшение, благовѣрие И;

2) мракъ идольский, бѣсослугание, леть идольстая, идольскыи знои.

Поэтические ассоциации Иллариона многообразны. Ветхий Завет он сравнивает с луною, с рождением сына рабыни, Новый Завет - с солнцем, с рождением свободного человека. Новый Завет - роса, благодатный дождь, освещающий землю, источник всеобщего обновления.

«Слово...» - образец церковно - славянского языка, продолжает традиции кирилло-мефодиевских переводов, т.е. «классических» традиций старославянского языка.

Фонетический анализ.

- 1) неполногласие: гласы, страна, младости, златомъ, сребромъ
- 2) Смягчение заднебных согласных(палатализованные формы): пастоуси(II пал), дрѣже(I пал), ношняя(j пал), вѣнцемъ(II пал)
- 3) пропуск ъ и ѣ – процесс утраты редуцированных: старааго, славнааго
- 4) Прослеж. 2-е ю-с влияние: і перед разл. буквами, а не только перед и, как было до него: діакони, знаменіа, індіа.

Морфологический анализ.

- 1) нестяженные формы прилаг.: сътворьшааго, старааго, славнааго
- 2) Формы мн.ч. сущ.: совпадение И.п. и Т.п.: всѣми четырьми конци земли.
- 3) звательные формы сущ-х: хрѣтолюбче, оучителю
- 4) энклитические формы местоимений: съ, сѣ, тѣ, тѣ
- 5) пов. формы глагола: да видиши, да славитсѣ
- 6) Временные формы глагола:
  - аорист: приде, вѣниде, погыбе, сташа, ѡгласи.
  - плюсквамперфект: нѣси умерлъ, бо умерлъ
  - перфект: не видилъ еси, прѣдал(без связки)
  - БС I: имаши быти
- 7) Формы двойст. числа: оутвердиста

Лексический и синтаксический повтор – частотный стилистический прием в «Слове» Иллариона. Так, он использует а) в роли приложения слова и словосочетания: великие, дивные, сынъ нетлѣниа б) в роли обращения: хрѣтолюбче, оучителю, дрѣже правды, милостыни гнѣздо в) повторяет предикативные метафоры, наполняя их новыми лексич. ед-ми: ты правдою бѣ облѣченъ, крѣпостию прѣпоясанъ, истиною обутъ, смѣмысловъ вѣнчанъ и милостынею, яко гривною и утварь. златою, красуясь.

В тексте «Слова...» почти нет элементов вост-сл речи(искл. Володимеръ, рождся, тобѣ – вероятно это внесено в текст позднее переписчиком) Зато ясно прочлеживается заимствования из греч. на графич. уровне: употребление букв ѡ, ѱ(кси), ѱ(пси), ѳ(фита).

Лексический анализ:

- 1) церковная лексика: мѣтва, бѣговѣрни, коупѣль, вѣскрѣшеніа, сѣна и стога дѣха, сѣби троици, бѣгочѣтномѣ , мракъ идольскыи, цркви, иконы, клиросъ, епископы, ѡлтарь, попове и діакони.
- 2) Антропонимы: Петръ, паоуль, маркъ, влодимеръ, Игорьъ, свѣтославъ, василии, агарь, сарра, измаиль, Моисеи
- 3)Топонимы: індіа, асіа, римськаа страна, егѳпетъ, земли гречьскѣ, іерѣдмъ, коньстѣнтина града
- 4) лексика, обозн. родств. отношения: чадо, сынъ, матери, вѣноуки, правѣноуки, сноха, мѣжъ, жена.

5) отвлечен. лексика: младость, чюдеса, любовь, крѣпость, знаменіа, величѣство, стѣнь, истина, законъ, благодать, лѣсть.

РАЗДЕЛ VI. Язык «Слова о полку Игореве»

Текст (список 15-16 в.) был найден в к. 18 в. в Ярославле у архимандрита. Екатерина II приказала сделать копию (ее создавали Мусин-Пушкин, Малиновский). Оригинал сгорел. Этот памятник оказал сильное влияние на РЛЯ. Исследователи отмечают частое цитирование текста в других произведениях. В памятнике много темных мест, много тюркизмов половецкого происхождения. Язык памятника полностью не изучен из-за темных мест. Обнорский в фонетике находит результаты падения редуцированных. В тексте - славянизмы, грецизмы и т.д., фольклорные элементы, кальки из евангельских текстов. Богатство языковых средств свидетельствует о том, что автор был незаурядной личностью, высоко образованным человеком. Якубинский: старославянизмы можно разделить на 2 группы: смысловые и стилистические. 1) термины, связанные с богословием, часто - кальки с греч.: благоверие, благословение, слова собственно греческого происхождения, принесенные на Русь в составе старославянских церковных текстов: ангел, апостол, евангелие. 2) всегда имеют парные соответствия, определяемые известными фонетическими и морфологическими приметами: неполногласие—полногласие; начальные ра-, ла- — начальные ро-, ло-; сочетание жд (из дј) — ж; шт или щ (из тј) — ч; и т. п. Подобные парные соответствия засвидетельствованы уже для древнейшего периода развития русского литературного языка. Очень много темных мест, что объясняется тем, что современным людям непонятны многие обороты, привычки. Другие темные места вызваны неграмотным прочтением рукописи (писалось сплошным текстом). Восточнославянские элементы речи не были случайными в древнерусих текстах церковного назначения, и в собственно литературных, художественных произведениях Киевской Руси старославянские элементы речи выполняли традиционно закрепившиеся за ними смысловые и стилистические функции, объединяя слова в поэтические контексты и, тем самым способствуя значительному обогащению древнерусского литературно-письменного языка.

Ѡ - юс большой

Ѡ - юс малый

Ѡ - ять

Ѡ - оук

Ѡ - оть

млтва – такое подчеркивание обозн. титло

Текст (список 15-16 в.) был найден в к. 18 в. в Ярославле у архимандрита. Екатерина II приказала сделать копию (ее создавали Мусин-Пушкин, Малиновский). Оригинал сгорел. Этот памятник оказал сильное влияние на РЛЯ. Исследователи отмечают частое цитирование текста в других произведениях. В памятнике много темных мест, много тюркизмов

половецкого происхождения. Язык памятника полностью не изучен из-за темных мест. Обнорский в фонетике находит результаты падения редуцированных. В тексте - славянизмы, грецизмы и т.д., фольклорные элементы, кальки из евангельских текстов. Богатство языковых средств свидетельствует, что автор был незаурядной личностью, высоко образованным человеком. Якубинский: старославянизмы можно разделить на 2 группы: смысловые и стилистические. 1) термины, связанные с богословием, часто - кальки с греч.: благоверие, благословение, слова собственно греческого происхождения, принесенные на Русь в составе старославянских церковных текстов: ангел, апостол, евангелие. 2) всегда имеют парные соответствия, определяемые известными фонетическими и морфологическими приметами: неполногласие—полногласие; начальные ра-, ла- — начальные ро-, ло-; сочетание жд (из dj) — ж; шт или щ (из tj) — ч; и т. п. Подобные парные соответствия засвидетельствованы уже для древнейшего периода развития русского литературного языка. Очень много темных мест, что объясняется тем, что современным людям непонятны многие обороты, привычки. Другие темные места вызваны неграмотным прочтением рукописи (писалось сплошным текстом). Восточнославянские элементы речи не были случайными в древнерусских текстах церковного назначения, и в собственно литературных, художественных произведениях Киевской Руси старославянские элементы речи выполняли традиционно закрепившиеся за ними смысловые и стилистические функции, объединяя слова в поэтические контексты и тем самым, способствуя значительному обогащению древнерусского литературно-письменного языка.

Лексический анализ:

Лексика носит предметный и действенный характер, т.е. отображает гл. обр. конкр. предметы, явл. природы и конкр. действия.

1) военная лексика: стрѣлы, сабли, шеломы, копіа, плѣкы, стязи, мечи, бишася

2) этническая лексика: нѣмци, венедици, греци, морава

3) лексика, отображ. явл. природы: хльми, яругы, рѣки, озеры, пооки, ботота, земля, море.

4) заимствованная лексика: поганіи – лат, злата – ст.-сл., градомъ – ст.-сл., тюркизмы: харалужными, яругы, Кощіево, греч. – копіа.

5) Художественные средства изобретательности:

- эпитеты: стрѣлы каленыя, копіа харалужныя, чръна земля, кроваваго вина

- метафора: кровію поляна, кстьми посѣяна

- сравнение: яко вихрь

6) Синонимия и антонимия:

- синонимы: озарение/свет, туча/тоска, шуметь/звенеть/стучать

- антонимы: свет/вечер, холмы/кручины;

7) фразеологические единицы: съ зараніа до вечера, съ верера до свѣта; въ сѣдло Кощіево;

8) Антропонимы: Игорь, Всеволодъ, Святъславъ;

9) Гидронимы: Каяла;

10) Топонимы: земля Русская, Киевъ, земли Половецкыя;

Морфологический анализ:

1) Временные формы глагола:

- Б/Н П: летятъ, гримлютъ;
- аорист: взыдоша, падоша, тече;
- плюсквамперфект: бяше успиль;
- имперфект: емляху, коваху.

2) совпад. Т.п. и И.п.: своими сильными плъкы и харалужными мечи;

3) Дв. число: разлучиста, недоста;

4) Энклитич. формы мест: ту, ся.

Фонетич. анализ:

1) метатеза: чръна, плъкы;

2) смягчение заднебных(палатализованные формы): стязи(П пал), греци (П пал);

3) неполногласие: злата, градомь.

Синтаксический анализ:

1) Риторические вопросы: Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?

2) СПП с прид. причины: Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода.

Языковая ситуация в Древней Руси во время феодальной раздробленности

Церковнославянский литературный язык в этот период не претерпевает существенных изменений. Достигнув высокой степени совершенства в литературе Киевской Руси, он продолжает с успехом обслуживать и литературу последующего периода, которая, в свою очередь, также, в основном, развивается на базе традиций Киева.

Вместе с тем произведения деловой письменности, частные письма граждан, написанные на древнерусском языке, отражают проникновение местных диалектных черт на разных уровнях языка.

Современная русская фонетическая и грамматическая системы, как известно, сложились в общих чертах к XV веку. Переход же от древнерусских фонетической и грамматической систем к современным осуществлялся главным образом в XII-XIV веках, в период феодальной раздробленности.

Основные исторические процессы, приведшие в названную эпоху к существенной перестройке русской фонетики и грамматики, рассматривает историческая грамматика русского языка. Мы лишь вкратце сейчас остановимся на этих общеязыковых изменениях.

Прежде всего, это падение глухих согласных, или редуцированных, и многочисленные последствия данного историко-фонетического процесса,

которые способствовали коренной перестройке всей фонологической системы русского языка. Указанный процесс может считаться завершенным к началу XIII века для всех диалектов древнерусского языка и для всех славянских языков в целом. Однако Б.И. Осипов в статье «О нормах древнерусской орфографии старшего периода» отмечает, что конец XII и XIII век характеризуются беспорядочным употреблением еров в памятниках.

Вслед за падением глухих гласных в фонологической системе в XIII-XIV вв. начинают проявляться такие процессы, как:

- 1) переход [e] в [o] под ударением перед твердыми согласными;
- 2) переход сочетаний [гы], [кы], [хы] в сочетания [ги], [ки], [хи];
- 3) постепенное отверждение шипящих [ж] и [ш];
- 4) отверждение аффрикаты [ц].

В грамматическом строе русского языка приблизительно в то же время происходят следующие процессы:

- 1) постепенный переход от древней группировки именного склонения по основам к современным типам склонения, объединенным по принадлежности имен к грамматическому роду;
- 2) одновременно происходят изменения в системах падежных флексий, связанные с взаимопроникновением отдельных типов склонения;
- 3) приблизительно тогда же наблюдается утрата двойственного числа и утрата звательной формы.

В глагольной системе к XIII-XIV вв. постепенно выходит из употребления многообразие древних форм прошедшего времени – вначале имперфект, затем аорист, плюсквамперфект; формы перфекта теряют связку и постепенно превращаются в современные формы прошедшего времени с суффиксом -л.

В результате глагольная система приближается к современной при постоянном усилении в ней видовых различий.

В этот же период в пределах восточнославянской территории формируются локальные разновидности древнерусского литературного языка, которые приблизительно совпадают с границами феодальных княжеств.

1. На севере существовала древняя новгородская разновидность русского литературного языка, границы распространения которой приблизительно совпадали с границами земли Новгородской. Письменные памятники, отражающие эту разновидность, очень многочисленны и датируются весьма ранним временем, начиная с XI века.

В новгородской диалектной разновидности отражаются на письме основные черты севернорусских говоров, в значительной степени сохранившиеся и до наших дней.

В области фонетики – это:

- 1) неразличение гласного [и] и гласного, обозначавшегося буквой [h];
- 2) это чоканье и цоканье, то есть неразличение шипящих [ч] и свистящих [ц] аффрикат. Данная особенность встречается уже в «Новгородских минеях» 1095-97 гг.;

3) пропуск [в] перед [л] – âěâñòï – ёâñòï.

ВВВ области морфологии следует отметить смешение форм родительного, дательного и местного падежей при склонении существительных с основой на [-а].

Встречались также и лексические диалектизмы.

2. На северо-западе выделяется псковская разновидность, которая прослеживается в письменных памятниках Псковской земли в течение XIV-XV веков. Благодаря большому числу письменных памятников псковская разновидность изучена достаточно подробно. Кроме черт, характерных для Новгорода, как, например, чоканье и цоканье, в псковских памятниках отмечают: 1) аканье; 2) смешение шипящих и свистящих согласных, а именно: [ж] и [з].

3. На западе отмечается смоленско-полоцкая разновидность древнерусского литературного языка, охватывавшая территорию древнего Смоленского княжества и Полоцкой земли.

Письменных памятников, особенно делового характера сохранилось много. Это позволяет говорить о данной разновидности древнерусского языка как о хорошо известной исследователям. Кроме цоканья и чоканья лингвисты отмечают наличие в этих говорах аканья, а также смешение букв и соответственно звуков [в] и [у]. Впоследствии названная особенность станет отличительной чертой белорусского языка.

4. На юго-западе выделяется галицко-волынская разновидность письменного языка. Она известна главным образом благодаря наличию деловых текстов, написанных здесь. Для этой разновидности древнерусского языка характерны следующие особенности:

а) смешение [в] и [у],

б) фрикативное г [γ],

в) переход [о] в закрытом слове в [у] после t и [е] в [ю] после t'.

Указанные черты в дальнейшем будут свойственны говорам украинского языка.

5. На юго-востоке, по предположению ряда ученых, существовала локальная разновидность древнерусского языка, характерная для Черниговской, Северской и Рязанской земель. Памятников этой разновидности дошло до нас очень мало, и она плохо изучена. Можно отметить лишь работу Э.Д. Блохиной «Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей 1284 г.»

6. На северо-востоке сложилась владими́ро-суздальская разновидность письменности. Эта разновидность в науке определяется главным образом негативными данными. В ней отсутствовало чоканье и цоканье, смешение è и h, â и ó. Эта разновидность была ближе всех остальных к церковнославянскому литературному языку киевского периода. Письменных памятников, представляющих эту разновидность, много. Но эти памятники пока еще недостаточно изучены в историко-диалектном отношении. Среди них можно назвать такие, как: «Моление Даниила Заточника», «Послание Симона к Поликарпу» (вошедшее впоследствии в состав Киево-Печерского

патерика), «Поучение Серапиона Владимирского», «Житие Авраамия Смоленского».

В.М. Истрин в указанной монографии отмечал, что язык этих произведений северо-востока ничем не отличается от языка таких памятников, как «Поучение» Феодосия Печерского, «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово» Кирилла Туровского. Точно так же, считал Истрин, самостоятельная часть «Летописца Переяславля Суздальского» (начала XIII в.) по языку ничем не отличается от «Повести временных лет» как в ее древнейшей части, так и в позднейших».

В заключение следует отметить, что названные отличия диалектного происхождения появились главным образом в памятниках деловой письменности. Частично они встречаются в летописях и списках традиционных памятников на церковнославянском языке. Что же касается жанров верхних ярусов иерархической пирамиды Н.И. Толстого, то в них диалектизмы были редкими и немногочисленными.

В XIII-XIV веках древнерусский литературный язык обогащается лексикой, заимствованной из языков соседних народов. И если в киевский период заимствования шли преимущественно из греческого языка в церковнославянский, то в данный период русский язык пополняется лексикой из языков тех народов, которые соприкоснулись с Русью после XII века. На западе, в Прибалтике, это были немцы, проникновение которых туда хронологически приурочивается к 1201-1203 годам.

С востока около середины XIII века происходит вторжение татаро-монголов, которые вобрали в свой состав поработанные тюркские племена и усвоили их язык.

К наиболее ранним заимствованиям, сделанным из немецкого языка, относятся: фоготь (нем. den Vogt, «судья»), мастеръ (нем. den Meister, «глава рыцарского ордена» от латинского слова magister); р|òîpú, «рыцарь»; шпильман – «актер»; ģhrцèкú – ģhrцюкú «герцог»; бархатъ – «ткань»; грошь – «денежная единица»; фальшивый – «поддельный»; балка – «бревно» и другие.

Из татарского языка в XIII-XIV веках были заимствованы слова базарь «рынок», баскакъ «сборщик дани», башмакъ «вид обуви», деньга «монетная единица», коверъ «подстилка», кумузь «напиток из лошадиного молока», карауль «пограничное сторожевое поселение», алачюга «лачуга» и другие. В основном это были слова, имевшие отношение к быту.

Обогащение словарного состава древнерусского литературного языка. Языки-источники заимствованной лексики

В XIII—XV вв. русский литературно - письменный язык продолжал обогащаться лексикой, заимствованной из языков соседних народов. В киевскую эпоху – заимствования из греческого яз, в эпоху феодальной раздробленности – из немецкого и татарского. Отметим заимствования, сделанные в русском языке из немецкого, по наиболее ранней фиксации иноязычной лексики в письменных памятниках: пискупъ (католический

епископ) — Смоленская грамота 1229 г.; провствъ (нем Probst—высшее церковное звание)—там же; фоготь (нем. Vogt—судья)— там же; мастеръ (в значении глава рыцарского ордена — латинск. magister)—Смоленская грамота после 1230 г. (заметим, что это же слово в значении опытный работник появляется еще в “Ипатьевской летописи” под 1161 г., а также засвидетельствовано в грамотах XIV в.). К середине XIII в отнесем след заимств: рат(ь)манъ (член совета города Риги) — Полоц-кая грамота 1264 г; рыторъ (рыцарь)—“Новгородская летопись” под 1242 г; шпильманъ (актер, плясун) — “Рязанская кормчая” 1284 г.; скорлатъ или скарлатъ (название дорогой ткани) — Грамота Владислава 1288 г.; Грамота Рижская 1300 г.; Гърцикъ или герьцюк (герцог) — “Ипатьевская летопись” под 1235 и 1258 гг. В XIV в зафиксир такие заимств из нем: бархатъ — “Путевые записки Игнатия”, 1392 г.; шида {шелковая ткань, нем Seide) — там же; буркгимисторъ — Грамота Витебская 1399 г, грошь — Галичская грамота 1351 г.; квалтъ (насилие) — Грамота Витовта 1388 г; фальшивый (поддельный)—там же; фунтъ (мера вееа)—там же. В XV в—бунтъ (нем Bund—союз), балка (бревно); мушкатовый (цвет) — “Привилей мѣсту Менскому”, 1499 г. Из татарского языка в XIII в заимствованы кумузъ (напиток из кобыльего молока): “пѣши ли кобылий кумузъ?” — “Ипатьевская летопись” под 1250 г; тамга (вид подати) — Грамота Менгу Темира 1267 г; ямъ (ямская гоньба)—там же; бураложникъ (бурлук, сорная трава) — там же; баскакъ (сборщик дани) — там же; дорога (татарский чиновник) — там же. В XIV в — улусъ (кочевое поселение) — Ярлык Узбека 1315 г; караулъ (пограничное сторожевое поселение)—Грамота митрополита Алексия 1356 г.; каторга (металлическое украшение у пояса) —Духовная Ивана Калиты 1327—1328 гг.; татауръ (род пояса)—Духовная Дмитрия Донского 1389 г.; ден(ь)га (монетная единица)—Договорная грамота 1381 г; алтын (монета в 6 денег, от татарск. олты шесть), алачюга (лачуга) — “Новгородская летопись” под 1379 г. и др. К XV в. может быть отнесена письменная фиксация следующих татарских заимствований: башмакъ — “Софийский временник” под 1447 г.; аргамакъ (дорогая лошадь) —там же; катуна (татарская женщина) — “Софийский временник” под 1496 г. Много заимствований из тюркских языков и даже целые фразы на восточных языках находим в “Хождении за три моря” Афанасия Никитина (1466—1472 гг.).

Несмотря на то, что Русь в течение почти двух с половиной столетий находилась под татаро-монгольским владычеством, слов, проникших в наш язык из языка завоевателей, было очень немного, и заимствования преимущественно ограничивались названиями вещей, принесенных нам татарами.

РАЗДЕЛ VII. Формирование языка великорусской народности. Черты отличия русского (старорусского) языка от других восточнославянских языков

Новая языковая ситуация возникает начиная со второй половины XIV века и связана с формированием централизованного государства вокруг

Москвы. Феодалная раздробленность сменяется новым объединением восточнославянских земель на северо-востоке. Это объединение явилось причиной образования великорусской народности, в состав которой постепенно вливаются все носители русского языка, находившиеся под властью татаро-монголов.

Одновременно в XIII-XIV вв. те части восточнославянского населения, которые избежали татаро-монгольского завоевания (на западе), входят в состав литовско-русского княжества, на территории которого образуется западнорусская народность. Западно - русская народность постепенно распадается на белорусскую (под властью Литвы) и украинскую (под властью Польши) народности.

Общность исторической судьбы трех народностей обусловила самую тесную близость между всеми тремя языками восточнославянских народов и вместе с тем обеспечила их независимое самостоятельное развитие.

В процессе формирования великорусской народности и ее языка видную роль играла Москва. Как показывает анализ древнейших памятников московской письменности, вначале жители Москвы пользовались диалектом северо-восточной группы, владими́ро-сузда́льского типа. Однако чем далее, тем более чувствуется воздействие на эту первоначально севернорусскую диалектную основу южнорусской речевой стихии, которая усиливалась в московском говоре.

Анализ языка ранней московской письменности показывает, что первоначально население Москвы (во всяком случае, в пределах княжеского двора) придерживалось севернорусского окающего произношения.

В частности, в Духовной грамоте Ивана Калиты 1327-1328 гг. мы встречаем написания: Офанасей, Остафьево.

Однако уже в записи с похвалой князю Ивану Калите на «Сийском евангелии» 1340 года можно заметить отражение южнорусского акающего произношения, а именно: «в земли апуштѣвшии».

В памятниках XV в. и особенно XVI века аканье становится господствующей чертой московского произношения. Такое произношение распространяется и на севернорусскую по происхождению лексику: парядня – «домашнее хозяйство» в Коншинском списке «Домостроя».

Московский говор становится диалектной основой языка всей великорусской народности. Этот среднерусский смешанный говор превращается в диалектную базу для старорусского литературного языка, обслуживавшего деловые и бытовые потребности государства. По мере расширения Московской Руси все ответвления письменного языка постепенно вытесняются московской разновидностью, в особенности после введения книгопечатания с конца XVI века. Другие же разновидности древнерусского литературного языка, которые сформировались на территории Литовского государства и Польши, впоследствии становятся основой белорусского (с XV в.) и украинского языков (с XVI в.). Эти языки развивались параллельно с языком великорусской народности.

К XVII столетию в русском (старорусском) языке прослеживается демаркационная линия, которая отделяет его от родственных восточнославянских языков – украинского и белорусского, а именно:

1. Устраняются следы чередований заднеязычных согласных звуков со свистящими (к//ц, г//з, х//с): рука – руце, нога – нозе, муха – мусе. В украинском и белорусском языках эти чередования являются нормой. Например: на руці (укр.), на руцэ (бел.).

2. Широко распространяются формы прилагательных на -ой, -ей: злой, слепой, синей вместо старых злый, слепый, синий. В книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647 г.) встречаем: бедной мужик (деревенской мужик), целой год, ратной строй.

3. Распространяются глагольные формы на -ою, -ей из -ью, -ий, например: мою, крою, бей вместо мью, крыю, бий.

4. Утрачивает активность звательная форма: чаще пишут сын! сестра! вместо прежних сыну! сестро! В украинском и белорусском языках эти формы сохранились: синку! сестро!

Отличия русского языка от украинского и белорусского становятся особенно заметными после модификации грамматической системы, унаследованной от древнерусского языка. К их числу относятся:

- 1) утрата склонения кратких форм прилагательных;
- 2) изменения в группировке существительных по типам склонения и унификация падежных флексий;
- 3) выравнивание основ на задненебные согласные к, г, х в склонении и спряжении (то есть утрата форм типа руце, бежи и замена их формами типа руке, беги);
- 4) распространение новых союзов и союзных слов: что (вместо яко), чтобы (вместо да, дабы), который (вместо иже), если (вместо аще, оже) и других.

Следовательно, этнический русский язык примерно до XIV века имеет общую историю с языками украинским и белорусским, а позднее – самостоятельную, которая соотносится с историей языков украинского и белорусского.

Что касается словарного состава, то некоторые слова, употребляемые ранее московскими писцами, постепенно оттесняют местные слова и обретают свойство всеобщности, универсальности. К ним относятся: крестьянин (новгородское смерд), деньги (новгородское векша, куна), пашня (южнорусское нива, рия).

Второе южнославянское влияние как одна из ступеней в истории русско-славянских культурных связей 11-15 вв.

В годы расцвета древнерусского государства южнославянские страны, в частности Болгария, подверглись разгрому и порабощению Византийской империей. С особенной силой византийцы преследовали и уничтожали в это время все следы древней славянской письменности на болгарской земле.

Поэтому в XII – начале XIII века культурное воздействие одной ветви славян на другую шло в направлении из Киевской Руси на Балканы.

Этим фактором объясняется проникновение древнерусской письменности к болгарам и сербам именно в данную эпоху. Как отмечал А.Н. Сперанский в своей книге «Из истории русско-славянских литературных связей», не только такие памятники литературы Киевской Руси, как «Слово о законе и благодати» или «Житие Бориса и Глеба», но и переводные произведения – «история Иудейской войны» Иосифа Флавия или «Повесть об Акире Премудром» – в названный период приходят из Киевской Руси к болгарам и сербам, использовавшим культурную помощь Руси при освобождении от Византийской зависимости.

В середине XIII века положение снова изменяется. Русская земля переживает жестокое татаро-монгольское нашествие, сопровождавшееся уничтожением многих культурных ценностей и вызвавшее общий упадок культуры и письменности.

К концу XII века болгарам, а затем сербам удается добиться независимости от Византийской империи, завоеванной в 1204 году крестоносцами. Около середины XIII века начинается вторичный расцвет культуры и литературы в Болгарии – «серебряный век» болгарской письменности (в отличие от 1-го периода ее расцвета в X веке, называемого золотым веком).

Ко времени серебряного века относятся обновление переводов с греческого и появление многих новых переводных произведений. При этом заимствуются преимущественно произведения аскетико-мистического содержания. Что связано с распространением движения исихастов (монахов-молчальников).

Исихазм – это богословское учение, утверждающее, что общение с богом происходит путем живого созерцания, которое приходит к монахам.

Серьезной реформе подвергается болгарский литературный язык, в котором утверждаются новые строгие орфографические и стилистические нормы.

Орфографическая реформа болгарского языка обычно связывается с деятельностью литературной школы патриарха Евфимия в тогдашней столице Среднеболгарского царства – Тырнове. Время расцвета Тырновской школы около 25 лет, с 1371 по 1396 год, до момента завоевания и порабощения Болгарии турками-османами.

Параллельно в XIII-XIV вв. начинает развиваться славянская культура и литература в Сербии.

Славянское возрождение на Балканах в это время происходило, как и в XII-XIII вв., под воздействием Руси.

К концу XIV века, когда Русь начинает оправляться после татаро-монгольского погрома и когда вокруг Москвы складывается единое централизованное государство, среди русских ощущается нужда в культурных деятелях. И тут на помощь приходят уроженцы славянского Юга – болгары и сербы. Из Болгарии происходил митрополит Киприан,

возглавлявший в конце XIV – начале XV века русскую православную церковь. Киприан был тесно связан с Тырновской литературной школой и явился проводником культурных традиций этой школы в Московской Руси.

По почину Киприана в Москве было предпринято исправление церковно-богослужебной литературы. Киприан также оказывал влияние на развитие на развитие московского летописания. Он явился инициатором создания Троицкой летописи, первого общерусского митрополичьего свода. Кроме того, Киприан был сам великолепный стилист, мастер «плетения словес». Впоследствии канонизирован Русской православной церковью.

В Юго-Западной (Литовской) Руси реформу осуществлял племянник Киприана Григорий Цамблак, который занял пост киевского митрополита. Это был плодовитый писатель, проводивший в жизнь орфографическую реформу патриарха Тырновского Евфимия. Есть даже предположение, что он вводит в употребление служебные книги Тырновской редакции и так называемый болгарский распев. Позднее, в середине и в конце XV века, в Новгороде, а затем в Москве трудится автор многочисленных житийных произведений Пахомий Логофет, серб по рождению и по прозвищу Пахомий Серб.

Роль этих людей была в то время велика. Однако нельзя сводить второе южнославянское влияние только к деятельности выходцев из Болгарии и Сербии. Это влияние было весьма глубоким и широким социально-культурным явлением. К нему относится проникновение на Русь идей монашеского молчальничества, воздействие византийской культуры на развитие русского зодчества и иконописи (вспомним творчество художников Феофана Грека и Андрея Рублева). И, наконец, развитие переводной и оригинальной литературы и письменности.

Для того чтобы этот прогрессивный и поступательный процесс смог широко проявиться во всех областях культуры, а также письменности, необходимы были и внутренние условия, заключавшиеся в развитии тогдашнего русского общества.

Исследователи данного периода отмечают, что в тогдашней Московской Руси господствовавшие классы и идеологи складывавшегося в те годы самодержавного строя стремились возвысить над обычными земными представлениями все, связанное с его авторитетом.

Отсюда проистекало желание сделать официальный литературный церковнославянский язык как можно более отличающимся от повседневной разговорной речи, противопоставить его ей.

Говоря о внутренних причинах, необходимо назвать и собственно лингвистическую, а именно стремление верхов тогдашнего русского общества нормализовать церковнославянский язык. Основная роль в реализации этого стремления принадлежала самим русским книжникам, ибо массовой эмиграции южных славян в этот период не было.

Церковнославянский язык в качестве литературного языка Московской Руси. Преобразования в области палеографии и орфографии

Русские культурные деятели этого периода хотели восстановить чистоту церковнославянского литературного языка. Представления же о раннем типе церковнославянского языка у них были утопическими.

Можно отметить два аспекта нормализаторской деятельности в области языка:

1) субъективный – это стремление свести церковнославянский язык русского извода к старославянскому;

2) объективный – а именно искусственную архаизацию церковнославянского языка.

На первом этапе нормализации на Руси усваивается болгарская редакция старославянского языка, поскольку она имела международное значение. Немного позже будет наблюдаться тенденция к сербской редакции. Сам же старославянский язык, как вы знаете, был единым литературным языком православного славянства.

Орфографические реформы литературного языка, проведенные ранее южными славянами, имели архаическую направленность. При этом они ориентировались на свои первые переводы с греческого языка. Исследователи отмечают, что сначала на Балканах, а потом в Московской Руси шел процесс византизации всей культуры. Южные славяне пережили этот процесс ранее, поэтому они вновь выступили в качестве посредников при обращении к греческой православной культуре. Книги самих южных славян в большинстве случаев представляли собой переводы аналогичных книг с греческого языка. Данная особенность способствовала в ряде случаев непосредственному влиянию греческого языка на церковнославянский язык.

Реформа церковнославянского языка, осуществленная русскими книжниками, прежде всего, сказалась на внешнем оформлении рукописей, а именно – палеографии. Рассмотрим эти изменения.

Палеография.

Рукописи середины XIV века были написаны или уставом или полууставом. При этом вначале употреблялся старший полуустав, который представлял собой письмо более простое, но приближенное к уставу. Старшим полууставом написан Лаврентьевский список летописей 1377 года.

К концу XIV века старший полуустав сменяется младшим, который был близок по начертанию к беглому курсиву. Рукописи середины XV века были написаны почти исключительно младшим полууставом.

В XV веке появляется также скоропись, которая противопоставлялась полууставу системным образом. Например: (А), (В), (ч), (ò), (h).

Бумаги, написанные скорописью, склеивались в столбцы. Скоропись специально учили читать. Причем обучение скорописному письму было в то время распространенным явлением. Скоропись как тип почерка ассоциировалась в сознании русских людей с живой речью.

Напротив книжному письму (полууставу) учили редко. Это связано с тем, что церковнославянским языком владели пассивно.

В данный период меняется характер внешнего оформления рукописей. Если устав и старший полуустав нередко имеют при себе заставки и большие

буквы, выполненные кинovarью и красками, то младший полуустав оформлен миниатюрами с преобладанием цветов золота и (реже) серебра.

Что касается самого орнамента, то в киевский период в нем господствует звериный (тератологический). С конца XIV века звериный орнамент исчезает, а на его месте появляется геометрический или (реже) растительный.

В заглавиях статей, которые написаны младшим полууставом, встречается вязь. Вязь характеризуется сложным слитным написанием слов и букв, носящим орнаментальный характер.

В конце статей нередко отмечается воронка. Воронкой называется постепенное сужение строк к концу текста, которое завершается скупым острым рисунком.

Второе южнославянское влияние повлекло ряд преобразований в области графики.

1) Прежде всего были устранены все йотованные буквы, а именно: ", \, >, ~, ꝛ.

2) Вместо E, наклоненного к началу строки, стали писать E прямое или его заменитель E, наклоненное к концу строки.

3) В письменности Юго-Западной Руси с конца XV века входит в употребление Ў для передачи [э] в начале слова. Ў обратное – знак глаголического происхождения.

Следует отметить, что с установлением гражданского шрифта в начале XVIII века эта буква в аналогичном значении будет употребляться в новой русской графике.

4) В уставе и старшем полууставе [y] обозначается с помощью буквы Q, которая после согласных нередко употреблялась без компонента 0 (т.е. в виде Ó). В младшем полууставе используется либо Q, либо ее лигатура U.

5) Устав и старший полуустав имеют букву **еры** с компонентом ú–г.

6) Вместо W с сокращенной серединой слова появляется W с высокой серединой. А омега без середины сохраняется в особом «греческом» почерке.

7) В уставе и старшем полууставе противопоставлялись две буквы, которые обозначали [и] – è (ижеи) и ³ (иже). В младшем полууставе изменяется начертание **иже**, которая пишется так – ѓ.

8) Младший полуустав постоянно использует букву *червь* одностороннее ×, а не симметричное Y. Одностороннее × было более удобным для письма и для чтения.

9) Вместо т для передачи соответствующего звука вводится **m**.

10) В уставе и старшем полууставе употреблялась фита в форме обыкновенного перечеркнутого F, в младшем полууставе она выглядит как Θ.

11) Впервые вводится акцентуация написания с помощью буквенных знаков Й и Ё (кратное).

12) В текстах появляются идеографические элементы: Θ (о – очное) – «око, глаз»; ⊗ – «окрест»; ⊕ – «мертвый человек, покойник» и другие знаки. Они затрудняли восприятие церковных текстов даже грамотными людьми.

13) Появляются новые знаки препинания: , (запятая), – (перенос), « » (кавычки), иногда ;

14) Вновь начинают употребляться # и @. Хотя @ вышел из употребления уже в XII веке.

15) С конца XIV века в официальную письменность Московской Руси (через посредство южнославянской) входят греческие по происхождению акцентные знаки, располагавшиеся над строкой, а именно: ИСО (´), оксия (´), вария (´), кендема (``), камора (´), великий апостроф (´). Наиболее рано и регулярно восточнославянские писцы начинают употреблять кендему. Знак «великий апостроф» используется в рукописях, прежде всего для выражения обращения к кому-либо или как знак восклицания.

15) Постепенно входит в употребление паерок, имевший вид зигзага (^с) или уголка (´). Паерок обычно употреблялся в группах из двух и более согласных, между которыми находился утраченный редуцированный.

16) В это время упорядочиваются сокращенные написания. Так, если написание слова «бог» дается под титлом, то это обозначение христианского бога, а если без него, то это обозначение языческого бога. Если слово «дух» пишется под титлом, то это обозначение святого духа, а если без титла, то – нечистого.

Орфография

Памятники, написанные уставом и старшим полууставом, отличаются простотой орфографии и относительной близостью ее к русскому произношению. Напротив того, в текстах, которые написаны младшим полууставом, мы встречаемся с целым рядом особенностей, позволяющих отличить рукопись от памятников предшествующей эпохи.

В орфографии памятников XV-XVI вв. отмечаются следующие черты:

1) Буква Ū стала употребляться как вариант буквы Ū. Например: áíáü, íü, ñüü.

2) С рубежа XIV-XV вв. в отдельных рукописях начинает употребляться графема S, которая ранее использовалась только в цифровом значении (s=6). Для восточнославянских писцов графема s имела то же звуковое значение, что и буква ç; поэтому s они употребляли в аналогичных позициях.

3) В это время устанавливается, как и в старославянской орфографии, написание редуцированных после плавных. В древнерусской орфографии редуцированные предшествовали плавным. Таким образом, вместо íüééü, áüééü, áüððü и т.п. стали писать плъкъ, влъкъ, врхъ. Это правописание иногда ошибочно распространялось и на î, â старые, а именно *пль* вместо *поль*, половина.

На произношение данная орфографическая норма влияния не оказала. Впоследствии она сохранилась только в написании слов áðáíòâ, áðáííúé.

4) Вместо правописания Q в начале слова, Ó в середине слова всюду восстанавливается Q или его замена – лигатура U.

5) Утверждается орфографическое правило, по которому перед всеми гласными пишется только љ. В памятниках предшествующей эпохи љ употреблялось после è (iiñóñú, ñèi) и в отдельных словах: ââëâðh÷çâ.

6) Также под влиянием болгарской орфографии для обозначения [y] начинает употребляться @, который, по словам тогдашних книжников, ставился «красоты ради, а не истины». Например, в слове ð@èâ употребление этой буквы было этимологически оправдано, а в слове ä@øâ @ вытеснил этимологически правильное написание Q.

7) Перестает обозначаться [j] после гласных перед [a]. Раньше в этой позиции писали ". После устранения из алфавита всех йотованных букв здесь стали писать букву à: äíáðàà, áðàðèè, ìâ. Зияние возникло первоначально в говорах болгарского языка. В Московской Руси оно было графически распространено и на те случаи, где в старославянском и среднеболгарском языках никогда не было звука à. В частности, так стали писать слово âñââ (старосл. âññâ>, среднеболг. âññâ#), которое входило в титул московского государя: âñââ Ðиñçè (до XVII в.).

8) Звук з иногда обозначается с помощью ¾ (зелю). Эта буква раньше употреблялась только в цифровом значении (число 6). А теперь и в буквенном, и в цифровом, даже в тех случаях, где болгарский язык никогда не имел звука з.

9) Фита, ижица, кси, пси в XIII-XIV вв. вне числового значения употреблялись редко. В XV веке и далее эти буквы стали употребляться в заимствованных словах, подражая греческому правописанию.

10) В словах греческого происхождения иногда Á употребляли вместо П после М, а Д – вместо Т – после Í, стремясь отразить на письме черты позднейшего греческого произношения. Например: èèíáú, áíáíçé.

11) Более правильно в заимствованиях из греческого языка стали писать бугвы ГГ на месте γγ, а не ÍÃ. Это объясняется стремлением к орфографическому сближению с оригиналом грецизмов. Так, слово áíââéú (греч. αγγλος) в киевский период писали в соответствии с русским произношением как áíââéú. Теперь стали писать по-гречески с «двойной гаммой» γγ, а именно ââââéú. Книжники придумали даже обоснование графических отличий. Слово ââââéú (с титлом) обозначало собственно ангела, духа добра, а слово ââââéú понималось как обозначение духа зла, беса. Например «диаволу и аггелом его».

Преобразования в области лексики, словообразования и грамматики церковнославянского языка Московской Руси, вызванные вторым южнославянским влиянием

Лексика:

1. Освоение некоторых церковнославянизмов. Слово плннь писали в южнослав огласовке вплоть до 1917 г с буквой h в корне, в отличие от прочих славянизмов с рh, лh в корне, рано изменивших в русском произношении и написании корневую ять на е (племя, время) сохранило h

потому, что, вытеснив восточнославянскую параллель полонь, утвердил в русском литературном языке лишь в XIV-XV в.

2. Внедрение в русской лексике слова с сочет ЖД из искон *dj. Это было невозможно до падения слабых редуцированных и потому не присутствовал в древнейших славянизмах (преже, одежда), окончательно утвердился только после Никоновской реформы.

3. Возникновение своеобразных лексических дублетов (съборъ «собрание» при падении слабых редуцированных превратили в сборъ с бытовым значением, а то же слово с о – церковным значением).

4. Увеличение количества слов с неполногласием. Словообразование: появление множества сложных слов, образование при соединении нескольких основ (высокопаривый, душеполезный).

Морфология:

1. Звательная форма некоторых имен собственных начинает употребляться в качестве И.П., (Василие, Григорие). Только для имен греческого происхождения

2. новых суффиксов -ов-: сыновомъ.

3. нов формы притяжательных и указательных местоимений – еговь (его), тоговь (того).

4. У некоторых количественных числительных в форме Р.п. - новые окончания: трѣхъ, пятихъ, десятихъ.

Синтаксис:

1) Допуск одинарного отрицания.

2) Новое значение получает Р.п. в сочетангии с частицами о, оу, вы, оле («э, эх, увы»), например: о моудрости! – родительный восклицательный. Данная конструкция возникает под влиянием синтаксического строя греческого языка.

Стилистика:

Возникли стилия плетения словес (употребление сложных слов, цветистых метафор, аллегии, нагромождение однотипных слов и морфологических форм, риторические вопросы, восклицания, необычный порядок слов, много однородных членов, сложные предложения).

Отличительные черты риторического стилия «плетение словес». Произведения, отражающие особенности этого стилия

Стили «плетения словес» связан с произведениями, теоретической основой, возникшей в Византии в 4-7вв. и вновь возродившейся в 14 в. как учение исихастов. Исихазм (от греч. покой, отрешенность) представляет собой этико-аскетическое учение о пути к единению человека с богом, о восхождении человеческого духа к божеству, «божественности глагола», необходимости пристального внимания к звучанию и семантике слов, служащего для называния сущности предмета, но часто не способного выразить «душу предмета», передать главное. Отсюда стремление авторов

широко использовать эмоционально-экспрессивные языковые средства для «выражения невыразимого».

Впервые на Руси употребил термин стиль «плетение словес» известный книжник 14-нач.15в. Епифаний Премудрый в «Житии Стефана Пермского».

Вначале новый слог был распространен в церковной литературе: «О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (1389), «Четьи-Минеи», «Степенная книга царского родословия» митрополита Макария (16в.) и т.п.

Затем в духе нового стиля обрабатываются материалы общерусской летописи (Воскресенская, Никоновская), создаются публицистические произведения, исторические повести, оригинальные и переводные («История о Казанском царстве», «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, послания Ивана Грозного и князя Курбского друг другу, повести Смутного времени Московского гос-ва: «Иное сказание», «Новая повесть» Авраамия Палицына; «Летописная книга» Катыврева-Ростовского и др.).

Фактический материал перемежается в этих произведениях пространными лирическими излияниями автора и обильной цитацией церковной литературы. В лирических текстах произведений высокого слога большой удельный вес имеют риторические вопросительные и восклицательные предложения.

Стиль «плетение словес» требовал употребления слов, созданных по определенным словообразовательным моделям. Книжники 15-17вв., как бы **соревнуясь другом с другом**, создавали неологизмы, напоминающие греческие сложные слова, или употребляли сложные имена существительные и прилагательные, известные церковной литературе старшего периода: всеплодие, небопранный, треблаженная слава, огнезарный взор.

Напряженная манера повествования создавалась обилием тропов и фигур: символами, метафорами, сравнениями, эпитетами, образующими иногда длинную цепочку слов, характеризующих объект описания. Много внимания уделяли авторы разнообразным стилистическим приемам и средствам создания образа, но основными был повтор: повтор синтаксич конструкций, членов предложения, лексем, форм слова, сходнозвучных лексич единиц, употребление слов с близкой семантикой, - чтобы точнее выразить мысль, важную для автора. Любимым художественно-изобразительным средством книжников 15-17вв были перифразы, их можно найти в любом церковном и светском произведении, написанном в стиле плетения словес.

Все эти приемы и средства были подчинены одной идее: созданию высокого стиля, которым прилично было повествовать о героических подвигах, о вере, власти, важных материях и делах Московского гос-ва.

Стиль «плетение словес», с одной стороны, способствовал выработке новых форм художественной манеры письма, созданию новых поэтических средств выражения, вниманию к содержанию и звуковой оболочке, другой стороны, усугубил разрыв между литературным языком и живой разговорной речью.

РАЗДЕЛ VIII. Развитие литературного языка и сентиментализм.

Сдвиги в русском литературном языке последней трети XVIII в. отразились в стилистической системе, созданной главой русского консервативного сентиментализма Н. М. Карамзиным и получившей тогда название “нового слога”. Перед Карамзиным стояли выдвинутые эпохой задачи—добиться того:

- 1) чтобы начали писать, как говорят;
- 2) чтобы в дворянском обществе стали говорить, как пишут. Иначе, необходимо было распространять в дворянской среде литературный русский язык, так как в светском обществе либо говорили по-французски, либо пользовались просторечием. Названными двумя задачами определяется сущность стилистической реформы Карамзина.

Господствовавшая до Карамзина система “трех штилей” к концу XVIII в. устарела и тормозила развитие литературного языка и литературы, ведущим направлением которой становится сентиментализм, стремившийся, в противоположность рассудочному классицизму, уделять главное внимание изображению внутреннего мира человека. А это требовало от литературного языка естественности и непринужденности разговорной речи, освобожденной от сковывающих язык схоластических правил и ограничений. “Новый слог” и призван был удовлетворить потребности общества. Он освобождается от церковнославянизмов и архаизмов, как отяжеляющих литературный язык компонентов. Устраняются из “нового слога” также усложняющие речь громоздкие канцеляризмы. Все напоминающее приказный слог или церковную речь изгоняется из салонного языка дворянства. “Учинить, вместо сделать, нельзя сказать в разговоре, а особенно молодой девице”. “Кажется, чувствую как бы новую сладость жизни, — говорит Изведа, но говорят ли так молодые девицы? Как бы здесь очень противно”. “Колико для тебя чувствительно и пр.—Девушка, имеющая вкус, не может ни сказать, ни написать в письме колико”. Такие и подобные высказывания печатались в то время в журналах карамзинского направления, “Вестник Европы” даже в стихах заявлял: Понеже, в силу, поелику творят довольно в свете зла.

“Вследствие чего, дабы и пр.— писал “Московский журнал” в разборе перевода “Неистового Роланда” (поэмы Ариосто), — это слишком по-приказному”. В предложении “Человек при самом уже рождении плачет и производит вопли” Карамзин осуждал сочетание производить вопли как церковнославянское.

Однако все же в принципе употребление церковнославянской по происхождению лексики не запрещалось Карамзиным. Он оставлял в “новом слоге” те лексические элементы, которые прочно закрепились в языке. Как показали исследования последних лет, для сторонников Карамзина церковнославянизмы не представляли структурного единства, и потому те из.

них, которые воспринимались как “необветшалые”, продолжали свое существование в составе нового литературного языка.

Своеобразно отношение Карамзина к народной речи. Он решительно выступал против внесения в литературный язык просторечия и народной идиоматики, хотя вовсе и не отказывался от черт народности в языке, особенно от народно-поэтических его элементов. Вводимая в литературный язык народная речь должна была соответствовать идиллическим представлениям дворян о “добрых поселянах”. Нормы стилистической оценки определялись для “нового слога” бытовым и идейным назначением предмета, его положением в системе других предметов, “высотой” или “низостью” внушаемой этим предметом идеи. “То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко”,— заявлял Карамзин. Широко известно письмо Карамзина к Дмитриеву: “Один мужик говорит пичужечка и парень: первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю себе летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку и спокойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: "Вот гнездо, вот пичужечка!" При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: "Ай, парень, что за квас!" Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей... Имя пичужечка для меня отменно приятно потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезных идеи: о свободе и сельской простоте”.

При разработке “нового слога” Карамзин ориентируется на нормы французского языка и стремится уподобить русский литературный язык французскому, получившему широкое распространение как салонный разговорный язык высшего дворянства России. Карамзин ввел моду вносить в русский текст литературных произведений отдельные слова или целые фразы на иностранном языке в нетранслитерированной форме. Так, в его “Письмах русского путешественника” читаем: “Маленькие деревеньки вдаль составили... приятный вид. *Qu Il c est beau le pays ci!* твердили мы с итальянцем”, “Толстый часовой ... закричал мне: *Wer sind Sie?*—“Кто вы?” (Корчма в миле за Тильзитом, 17 июня 1789, 11 часов ночи)” ; “Мне казалось, что я нашел глазами и ту равнину (*esplanade*), которая была столь привлекательна для несчастного Сен-Пре (Лозанна)” ; “Так, добродушный Трам! *Nothing can be-so sweet as liberty*,—думал я, возвращаясь скорыми шагами в город” .

Однако чаще Карамзин калькирует французские слова и выражения, в результате чего под его пером появляются слова: промышленность (фр. *Industrie*), человечность (фр. *humanite*), усовершенствовать (фр. *parfaire*), тонкость, развитие и пр. Этим Карамзин, несомненно, обогатил лексику русского литературного языка своего времени.

Типичной чертой “нового слога” становятся перифразы. Подобное стилистическое явление возникло во французском литературном языке конца

XVII в., так называемый жарго” Des Precieuses ridicules, язык “смешных жеманниц”, который остроумно пародировал в одноименной комедии Мольер. Следы таких перифразов живут во французском литературном языке (да и в русском) до наших дней.

Манерная перифрастическая фразеология была неотъемлемым признаком литературного языка конца XVIII в. Тогда вместо солнце было принято говорить и писать светило дня, дневное светило; вместо глаза— зеркало души и рай души; вместо. нос—врата мозга (отметим, что до сих пор название болезни носа, насморка, по-французски rhume de cerveau, буквально переводится как лихорадка мозга); рубашка обозначалась как верная подруга мертвых и живых; сапожник именовался смиренный ремесленник; саблю заменяло губительная сталь; весну — утро года; юность — утро лет и т. п. В стилистической системе “нового слога” перифразам принадлежит заметное место. Так, у Карамзина встречаем: магазин человеческой памяти, картинная галерея моего воображения, наслаждайтесь вечером своей жизни и др.

Одной из существенных сторон карамзинских преобразований в русском литературном языке является разработка четкого синтаксиса, особенно в отношении порядка слов в предложении. В сравнении с синтаксисом “нового слога” кажется тяжелым и неуклюжим не только синтаксис Тредиаковского и Ломоносова со свойственными этим авторам громоздкими периодами на немецкий или латинский образец, но и синтаксис стихотворений Державина, нередко допускавшего необоснованные инверсии. См, например, в “Оде к Фелице”: “подобно в карты не играешь, как я, от утра до утра” или “не ходим света мы путями, бежим разврата за мечтами”. В его же стихотворении “На смерть графини Румянцевой” находим следующую фразу: “Сия гробница скрыла || Затмившего мать лунный свет”. Только кардинально изменив нарочито нарушенный порядок слов, мы можем догадаться, что в приведенных стихах идет речь о могиле, где погребена мать полководца Румянцева, одержавшего победу над Турцией, в гербе которой был изображен месяц.

В результате карамзинской языковой реформы в русском языке получает признание и распространение логически прозрачный и естественный порядок слов. В стилистике начала XIX в. мы находим следующие правила расстановки слов в предложении:

- 1) подлежащее впереди сказуемого и дополнений;
- 2) имя прилагательное перед существительным, наречие перед глаголом; слова, обозначающие свойства и употребляемые для замены прилагательных и наречий, ставятся на их место, например: природа щедрою рукою рассыпает благие дары (пример И. И. Давыдова);
- 3) в сложном (распространенном) предложении слова и члены управляющие помещаются возле управляемых;
- 4) среди дополнений, зависимых от глагола, последнее место принадлежит прямому дополнению в винительном падеже;

5) слова, отвечающие на вопросы где? и когда?, ставятся перед глаголом, предложные обстоятельственные конструкции, зависимые от глагола, следуют за ним;

6) все приложения должны находиться после главных понятий;

7) “слова, которые потребно определить, должно ставить впереди слов определяющих, например: житель лесов, кот в сапогах” и т. д. Таков порядок слов, признаваемый нормальным для литературного языка. Наряду с этим в стилистических целях допускалось и употребление обратного порядка слов, обычно в чередовании с прямым, чем достигалось синтаксическое равновесие сложного целого.

Чтобы оценить положительное значение синтаксической реформы, произведенной Карамзиным, достаточно сравнить периоды в произведениях М. В. Ломоносова, построенные по латинским или немецким моделям, и периоды в прозе Карамзина.

Как положительные, так и отрицательные стороны карамзинских преобразований были по достоинству оценены уже в первой половине XIX в. В. Г. Белинский писал об этом в статье “Сочинения Александра Пушкина” (1843 г.): “Карамзин имел огромное влияние на русскую литературу. Он преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славящины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи... При нем и вследствие его-влияния тяжелый педантизм и школярство сменялись сантиментальностью и светскою легкостью, в которых было много странного, но которые были важным шагом вперед для литературы и общества”. Однако критик сумел правильно подметить и отрицательные черты карамзинского “нового слога”. В статье “Литературные мечтания” (1843 г.) мы читаем: “Тогда был век фразеологии. А гнались за словом и мысли подбирали к словам только для смысла. Карамзин был одарен от природы верным музыкальным ухом для языка и способностью-объясняться плавно и красно, следовательно, ему не трудно-было преобразовать язык. Говорят, что он сделал наш язык сколком с французского, как Ломоносов сделал его сколком с латинского. Это справедливо только отчасти. Карамзин старался писать, как говорится. Погрешность его в сем случае-та, что он презрел идиомами русского языка, не прислушивался к языку простолюдинов и не изучал вообще родных источников”. С этим мнением великого русского критика мы можем согласиться: главная беда Карамзина состояла в том, что он, удовлетворяя вкусам дворянства, с презрением относился к речи народа. Это и помешало ему сделать “новый слог” подлинно национальным литературным языком, который был бы способен обслуживать потребности всей сложившейся к этому времени русской нации.

Сильные и слабые стороны карамзинских преобразований русского литературного языка выявились ярче всего в течение двух первых десятилетий XIX в., когда вокруг “нового-слога” разгорелась ожесточенная общественная борьба, разделившая на два лагеря—сторонников и

противников карамзинской реформы—не только писателей и критиков, но и более-широкие круги общества, преимущественно молодежи.

Следует сразу же отметить, что сам Карамзин в эти годы устранился от защиты своих стилистических позиций, предоставив ее своим ученикам и последователям. Это объясняется тем, что, во-первых, он всецело отдался работе над “Историей государства Российского”, получив звание официального историографа, а во-вторых, и тем, что, под влиянием углубленного изучения летописей, он и сам в значительной степени отошел от своих юношеских увлечений.

Общественная борьба по поводу “нового слога” протекала ив условиях политической реакции, войн, которые царская Россия вела против революционной, а затем наполеоновской Франции. Французский язык стал рассматриваться реакционным дворянством как источник революционных идей, что порождало резко отрицательное отношение к нему, сменившее собою недавнее увлечение.

Борьба против “нового слога” вместе с тем связывалась и с борьбой против галломанства, которое справедливо считалось одной из серьезных болезней русского дворянского общества (см., например, комедию И. А. Крылова “Урок дочкам” с ее сатирическими портретами галломанствующих дворян. Комедия написана в 1807 г., во время войны с Наполеоном).

В этой общественной атмосфере основным противником Карамзина и его языковой реформы выступил А. С. Шишков, моряк по своим основным занятиям, дослужившийся до адмиральского чина и на досуге занимавшийся литературой. Одна из главных его книг, направленных против Карамзина, — “Рассуждение о старом и новом слоге в русском языке” (1803 г.).

Вслед за тем почти ежегодно появлялись и другие его сочинения подобного рода.

Административная и общественно-литературная деятельность Шишкова была достаточно широкой. В 1811 г., накануне Отечественной войны с Наполеоном, он получает назначение да должность статс-секретаря, заместив впавшего в немилость и отправленного в ссылку М. М. Сперанского. Перу Шишкова принадлежат выпускавшиеся от имени Александра I патриотические манифесты к дворянству, воодушевлявшие его на патриотические подвиги. Именно это проявление патриотизма Шишкова было положительно оценено юным Пушкиным, который в “Послании к цензору” (1822 г.) писал: “Сей старец дорог нам, он блещет среди народа Священной памятью двенадцатого года”. Позднее Шишков получает назначение на пост министра народного просвещения и руководит цензурой, Он состоял также президентом Академии Российской и организовал для распространения своих идей и для объединения литературных единомышленников “Беседу любителей русского слова” (1811 г.). Вокруг Шишкова группируются защитники классицизма, противники новых направлений в литературе. Это были в большинстве своем реакционные и малоодаренные графоманы. Официально среди членов “Беседы” числился и Державин, даже предоставивший для заседаний этого учреждения свою

квартиру на набережной Фонтанки; однако он был достаточно широк по своим литературным вкусам и одновременно поддерживал дружбу с Карамзиным, одобрял творчество тогда молодых поэтов Жуковского, Батюшкова и других.

Членом “Беседы” официально считался и Крылов. Ему в какой-то степени был близок патриотизм Шишкова, его борьба с галломанией. Однако великий баснописец насмешливо относился к бюрократизму, пронизывавшему деятельность “Беседы”, а также к бесталанности ее адептов (см. его басни “Квартет”, “Парнас”, “Демьянова уха” и др.).

Сторонники и защитники “нового слога” — поэты и критики В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, В. Л. Пушкин, Д. В. Дашков, М. Н. Макаров и др. — вначале ограничивались в ответ на нападки со стороны Шишкова и его друзей остроумными памфлетами, затем в 1814 г. организовали в противовес шишковской “Беседе” свое литературное общество под названием “Арзамас”. Деятельность “Арзамаса”, собиравшегося в дружественной и непринужденной обстановке, направлявшегося блестящими талантами его основателей, была полной противоположностью бюрократической и бездарной “Беседе”.

Насколько широкий отклик получила борьба двух литературных направлений, свидетельствуют, между прочим, “Воспоминания” С. Т. Аксакова, учившегося в 1806—1807 годах в Казанском университете. Весь его курс разделился тогда на сторонников и противников “нового слога”.

Шишков выдвигал довод стилистического богатства, отличающего русский язык от французского, благодаря исконной связи русского языка с церковнославянским. Шишков выступал против стилистического смешения в одном и том же контексте слов “высоких” и “низких”. Пуризм Шишкова был последовательным и бескомпромиссным. Он призывал, например, вместо слова фортепиано употреблять якобы равнозначное тихогром, предлагал калоши называть мокроступами. Вообще он рекомендовал искать нужные для выражения мыслей слова в церковнославянских книгах, если же там слово отсутствовало, то создавать его вновь из церковнославянских корней. Это увлечение обветшалой словенщиной и составляло главную мишень для остроумных нападков на “Беседу” со стороны молодых арзамасцев, сочинивших такую фразу, вложенную ими в уста Шишкова: “Хорошилище идет по гульбищу из позорища на ристалище”, что должно было соответствовать сочетанию давно уже общепонятных слов: “Франт идет по бульвару из театра в цирк”. Но вместе с тем Шишков отстаивал и право писателей применять простонародные слова и выражения, правда, ограничивая это употребление лишь произведениями низкого стиля. Он писал по этому поводу так: “Милые дамы, или по-нашему грубому языку, женщины, барыни, барышни, редко бывают сочинительницами, итак пусть их говорят, как хотят”. Напомним, что изысканный “новый слог” карамзинистов преимущественно ориентировался на язык “милых дам”.

Общественная борьба по вопросу о “новом слоге” постепенно затихает, сходит на нет к 1817 г., когда распалось общество “Арзамас”. Причина его

распада, с одной стороны, была чисто внешняя: главный вдохновитель “Арзамаса”—В. А. Жуковский получил назначение преподавателя русского языка в царскую семью. Но, с другой стороны, общество это не смогло продолжать борьбу против Шишкова в силу своей внутренней неоднородности: в него входили и некоторые будущие декабристы, например Н. Муравьев, и откровенные реакционеры, вроде Блудова или Уварова, впоследствии сделавших себе блестящую карьеру и дослужившихся до министерских постов.

Для всех вдумчивых писателей, заинтересованных в дальнейшем развитии русского литературного языка, в итоге выяснились следующие основные положения:

- 1) русский язык должен развиваться на основе народной речи;
- 2) русский язык не может быть оторван от своих исторических истоков;
- 3) русский язык не может развиваться в отрыве от лучших достижений языков Западной Европы.

Однако эти идеи получили реальное воплощение лишь в более поздние годы, с наступлением пушкинского периода в истории нашего литературного языка.

Особую позицию занимал в карамзинский период развития русского литературного языка великий баснописец Иван Андреевич Крылов. Его вклад в обогащение и совершенствование русского литературного языка трудно переоценить. Остановив свой выбор в зрелую пору творчества на жанре басни, Крылов возвел басню на высшую ступень литературного совершенства. Живая устная разговорная речь различных ее социальных слоев и стилей легла в основу его басенного языка. Широкое включение народного просторечия в литературу создавало условия для образования единого самобытного литературного языка, удовлетворяющего потребности всей русской нации.

В работе И. А. Крылова над языком басен могут быть отмечены три основных процесса стилистических перемещений, характерных для тогдашнего времени.

Во-первых, Крылов открывает дорогу в литературу для различных оттенков простонародной речи: для говоров городского просторечия, лишенных узкопрофессиональной окраски, для разговорного чиновничьего жаргона, официального и фамильярно-бытового, для различных аспектов народно-поэтической речевой стихии. В этом отношении писательская практика Крылова находилась в противоречии с господствовавшими в карамзинский период тенденциями и отвечала потребностям демократизации литературного языка. Поэтому стиль басен Крылова и воспринимается как свободный поток живого народного просторечия, пробившийся из самых заветных глубин “духа народного”.

Вот наиболее показательные примеры: “Отнес полчерепу медведю топором” (“Крестьянин и работник”); “Мужик ретивый был работник, || И дюж и свеж на взгляд” (“Огородник и философ”); “Гутаря слуги вздор, плетутся вслед шажком, || Учитель с барышней шушукают тишком” (“Муха и

дорожные”) ; “Разбойник мужика, как липку, ободрал” (“Крестьянин и разбойник”); “Бедняжка-нищенский под оконьем таскался (“Фортуна и нищий”); “Барыш большой на всем он слупит, || Забыл совсем, что есть наклад” (“Фортуна в гостях”); “Мальчишка, думая поймать угря, || Схватил змею и, воззрившись, от страха || Стал бледен, как его рубаха” (“Мальчик и змея”).

С приведенными простонародными речениями сравним также чиновничьи выражения: “И подать доправлять || Пустились сами” (“Водолазы”); “Пошли у бедняка дела другой статьей” (“Фортуна в гостях”); “Не принимать никак резонов от овцы: || Понеже хоронить концы || Все плуты, ведомо, искусны”, — таков приговор, вынесенный лисою в басне “Крестьянин и овца”.

Таким образом, переплавив разнохарактерные элементы народного красноречия, Крылов образовал из них общерусский поэтический стиль басни, близкий к произведениям устного народного творчества.

Во-вторых, Крылов свободно вводит в строй литературного произведения, не только в диалогах, но и в авторском повествовании, черты синтаксиса устной разговорной речи с типичными для нее эллипсисами, подразумеваниями и идиоматическим своеобразием. Так, в басне “Чиж и еж” читаем: Уединение любя, Чиж робкий на зарю чирикал про себя, Не для того, чтобы похвал ему хотелось, И не за что - так как-то пелось! В басне “Обезьяны” находим не менее яркие примеры разговорного синтаксиса: Когда перенимать с умом, тогда не чудо И пользу от того сыскать; А без ума перенимать, И боже сохрани, как худо. В той же басне далее: Оне—чтоб наутек, Да уж никто распутаться не мог. Характерен разговорный эллипсис из басни “Муха и дорожные”: ...Слезает с козел он и, лошадей мучитель, С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон; А легче нет... В басне “Собачья дружба” находим пример непринужденного построения авторского повествования: Послушать—кажется, одна у них душа, А только кинь им кость—так что твои собаки. Вот фраза, как бы мимоходом оброненная Крыловым в басне “Три мужика”: В деревне что за разносол... Не то бы в Питере, да не о том тут речь.

Таким образом, в баснях Крылова противопоставлены симметрическому однообразию карамзинских изысканных и прилизанных периодов и экспрессивное своеобразие, и красочная идиоматичность, и выразительная краткость устно-разговорного народного синтаксиса.

В-третьих, Крылов смело и искусно смешивает архаические и традиционно-книжные формы литературного выражения с просторечными словами и формами. Он не чуждается церковнославянизмов, особенно в тех баснях, где ему необходимо было выразить официальную, общепринятую в то время идеологию. Так, в басне “Безбожники” мы читаем:

— Пождем,—

Юпитер рек. — А если не смирятся

И в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь,

Они от дел своих казнятся.

Подобную же функцию выполняют церковнославянизмы в басне “Лань и дервиш”: Младая лань, своих лихась любезных чад, Еще сосцы млеко имея отягчении, Нашла в лесу двух малых волченят И стала выполнять долг матери священный, Своим питая их млеко.

Приведем примеры смешения церковнославянизмов с просторечием: Едва лишь на себе собака испытала Совет разумный сей— Шалить собака перестала... (“Собака”)

От стужи малого прошибли слезы,
И ласточку свою, предтечу теплых дней,
Он видит на снегу замерзшую..
 (“Мот и ласточка”)

По дебрям гнался лев за серной: Уже ее он настигал И взором алчным пожирал Обед себе в ней сытный, верный... (“Лев, серна и лиса”).

Подобные примеры в изобилии рассыпаны по текстам почти всех басен. Таким образом, Крылов еще до Пушкина намечает приемы нового синтеза живой народно-разговорной и литературно-книжной речевых стихий.

В стиле Крылова необычайно лаконичен, естествен и выразителен диалог, приспособленный к социальному облику басенных персонажей. Не прошел даром опыт Крылова-драматурга, и талант драматического писателя с новой силой проявился в его баснях, каждая из которых может рассматриваться как миниатюрная сцена. Мы слышим в репликах действующих лиц, часто насыщенных богатой звукописью, живые речи, в тональности которых совмещаются реалистические человеческие и условно-звериные интонации. Вот диалог лягушек из басни “Лягушка и вол”:

— Смотри-ка, квакушка, что буду ль я с него?— Подруге говорит. — Нет, кумушка, далеко!— Гляди же, как теперь раздуюсь я широко. Ну, каково? Пополнилась ли я? — Почти что ничего.— Ну, как теперь? — Все то ж.

Даже в тех баснях, где звучат речи лишь какого-нибудь одного персонажа, в сопровождающем эти речи авторском контексте можно расслышать намек на речь другого участника диалога. Так, в басне “Осел и Соловей” приведена лишь речь Осла, но в самом тексте можно распознать отклики соловьиного пения:

Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячи ладов, тянул, переливался,
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.

Богатство аллитераций и ассонансов создает здесь развернутую музыкальную картину трелей соловьиного голоса.

Реплика Петуха в басне “Петух и жемчужное зерно” тоже кажется направленной к незримому собеседнику. Приведем отрывок из этой басни:

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно
И говорит: “Куда оно?”

Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят!
Я б, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному. Оно не столь хоть видно,
Да сытно”.

В приведенной речи слушатели одновременно улавливают звуки петушиного кудахтанья и интонации чванного невежды-вельможи. Такова степень речевого мастерства, присущего великому баснописцу.

Завершим наш краткий набросок о роли Крылова в истории русского литературного языка характеристикой, которую дал его басням В. Г. Белинский: “В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально-русских, непередаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах: все это представляет собой такое неисчерпаемое богатство идиомов, русизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство — что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении”.

Как один из основоположников современного русского литературного языка А. С. Грибоедов может быть поставлен в ряд с Пушкиным и Крыловым. Он прославился как автор всего лишь одной комедии, но комедия эта бессмертна.

В общественной борьбе по вопросу о “новом слогe” Грибоедов, как и Крылов, занимал особое место, не примыкая ни к одному из борющихся лагерей и вместе с тем сознавая слабые стороны обеих группировок. Грибоедов решительно боролся против галломании, против неестественного “смещения французского с нижегородским”, господствовавшего тогда в речи московских дворян.

Язык и стиль комедии “Горе от ума”, как и всякого талантливого литературного произведения, может рассматриваться в различных аспектах. Среди них — аспект непосредственного отражения в комедии разговорной речи современников и аспект нормативности языка литературного памятника.

Ни одно из литературных произведений того времени так полно и ярко не отразило живую разговорную речь тогдашнего московского дворянства. В особенности проявилось это в репликах Фамусова и его окружения, где преобладает отнюдь не литературная норма, а просторечие в причудливом соединении с галлицизмами. Наиболее показательны в этом отношении сцены из III действия комедии—прибытие семейства Тугоуховских или графинь Хрюминых — бабушки и внуки.

Впрочем, и речь самого Фамусова достаточно характерна. С одной стороны, мы в ней обнаруживаем черты областного диалектного слово- и формоупотребления: “Дочь Софья Павловна, страмница...”, “В погонь ли за полком”, “...сденьте шпагу”, “...в книгах прок-от не велик” и т. п. С другой — своеобразно претворенные лексические и фразеологические галлицизмы: “да не в мадаме сила”, “бывало, я с дражайшей половиной чуть врознь: уж где-

нибудь с мужчиной” (перифраз: дражайшая половина = супруга). Отметим, что речь московских дворян в некоторых отношениях не отличается от речи крепостных слуг. Так, например, использование множественного числа существительных в качестве формы вежливости. В речи горничной Лизы: “опомнитесь, вы старики!”, “пустите, ветреники сами!” И в речи Фамусова: “давно полковники, а служите недавно” (о Скалозубе); “изволили смеяться” (об императрице).

Чиновничий жаргон с его показным чиновничеством воплощен в репликах Молчалина. Характерна для них частица -сь— “слово-ерс” (сокращенное сударь). Так, в ответ Чацкому о присущих ему талантах Молчалин отвечает: “Два-сь. Умеренность и аккуратность”.

Речи фамусовского общества противостоит в комедии речь Чацкого. Это в какой-то мере идеал русского литературного языка с точки зрения самого Грибоедова. Недаром о Чацком в комедии отзываются как о мастере писать и говорить: “И славно пишет, переводит” или “Что говорит? И говорит, как пишет”.

Реплики и монологи Чацкого, проникнутые гражданственностью и патриотизмом, лишены, как правило, галлицизмов. Зато в них могут быть найдены элементы высокого слога: “в науки он вперит ум, алчущий познаний”; “чтоб истребил господь нечистый этот дух тупого, рабского, слепого подражания!” и т. д.

Современников Грибоедова поразила необыкновенная непринужденность и легкость стиха в комедии, отражающего все оттенки разговорной интонации. Эти свойства грибоедовского стиха вместе с лаконической афористичностью способствовали тому, что строки из комедии, сразу же запомнившиеся читателям и слушателям, обогатили собою русскую афористику. Оправдался отзыв, данный о комедии А. С. Пушкиным в его письме к Пущину: “О стихах не говорю, половина войдет в пословицы”. Действительно, ни одно из произведений русской классической литературы не дало языку народа столько крылатых слов, сколько “Горе от ума”.

Таким образом, Грибоедов—писатель, которому общенародный русский язык обязан заметным обогащением фразеологии. И в этом проявилось одно из прямых воздействий языка художественной литературы на общий литературный язык.

Рассмотрев основные моменты развития русского литературного языка в карамзинскую эпоху, мы можем сделать вывод, что он в значительной степени приблизился к установлению общенациональных норм словоупотребления. Оставался последний, завершающий шаг, и этот шаг был сделан в творчестве А. С. Пушкина.

Опорные слова и словосочетания: лингвистическая деятельность Н.М. Карамзина, карамзинисты и шишковисты, развитие литературного языка и сентиментализм

IV. Литературный язык эпохи формирования русской нации (XVII-XVIII вв.)

Петровская эпоха в истории нашего народа характеризуется существенными реформами и преобразованиями, затронувшими и государственность, и производство, и военное, и морское дело, и быт господствующих классов тогдашнего русского общества. Эти преобразования совершили переворот в сознании и в привычках русских дворян и промышленников, и естественно искать их отражения в развитии русского литературного языка.

Обычно отмечают следующие основные направления в развитии литературного языка первой четверти XVIII в. Это прежде всего “своего рода универсализация лексического и фразеологического состава языка”, далее это отеснение на второй план церковнославянской речевой стихии и все более широкое внедрение народной речи, это создание новой терминологии при бурном проникновении заимствований из живых европейских языков. Новый русский литературный язык, формировавшийся в те годы, был призван обслуживать непрерывно возрастающие потребности государства, развивающиеся науки и техники, культуру и искусство. Так, новое административное устройство, преобразование Московского государства в Российскую империю, вызвало к жизни наименование множества новых чинов и званий, вошедших в “табель о рангах”, речевые черты чиновнической субординации: формулы обращения нижестоящих чинов к высшим.

"Развитие военного, и особенно военно-морского дела, почти отсутствовавшего в Московской Руси, породило множество соответствующих руководств и наставлений, воинских и морских уставов, насыщенных новой специальной терминологией, новыми специальными выражениями, совершенно вытеснившими собою слова и выражения, связанные со старинным московским ратным укладом. Заново формируется военно-морская, артиллерийская, фортификационная терминология и другие отрасли специальной лексики.

Наряду с этим для удовлетворения потребностей все более европеизирующегося дворянства создаются разнообразные руководства, регламентировавшие бытовой уклад высших общественных классов. Мы имеем в виду такие книги, как “Юности честное зерцало”, “Приклады, како пишутся комплименты разные” и т. п. В такого рода произведениях, внедрявших “светский политес” в среду еще недостаточно образованного и культурного дворянства, постоянно встречались и неологизмы, и заимствованные из европейских языков слова и выражения, перемежавшиеся с традиционными церковнославянизмами и архаизмами.

В связи с перестройкой государственного управления, с развитием промышленности и торговли значительно усложняется и обогащается язык деловой переписки. Он все дальше отходит от старомосковских норм и традиций и заметно сближается с живой разговорной речью средних слоев населения.

Петр I, рекомендуя при переводах с иностранных языков воздерживаться от книжных славянских речений, советовал переводчикам

брать в качестве образца язык посольского приказа: “Высоких слов славенских класть не надобеть; посольского же приказу употреби слова”.

Петровская эпоха значительно обогащает роль в обществе светской письменности по сравнению с письменностью церковной. Возникают и совершенно новые ее типы, например, периодическая печать. Непосредственным предшественником наших газет являлись рукописные “Куранты”, издававшиеся при Посольском приказе в Москве со второй половины XVII в. Однако такое информирование населения о текущих событиях было весьма несовершенным и не распространялось среди широких масс.

Петр I, заинтересованный в том, чтобы возможно более широкие слои общества разбирались в вопросах внешней и внутренней политики государства (а это было в годы тяжелой и изнурительной для России Северной войны со Швецией), способствовал основанию первой русской печатной газеты. Она называлась “Ведомости о военных и иных делах” и начала выходить со 2 января 1703 г.; сначала ее печатали церковнославянской кирилловской азбукой, а затем, после реформы графики, гражданским шрифтом. Газета вначале выходила в Москве, причем нерегулярно, по мере накопления корреспонденции. С 1711 г. “Ведомости” стали издаваться в новой столице — Санкт-Петербурге.

Возникновение регулярной периодической печати повлекло за собой развитие многих новых жанров литературного языка: корреспонденции, заметок, статей, на основе которых впоследствии, в конце XVIII — начале XIX в., возникает публицистический стиль литературного языка.

Приведем несколько отрывков из “Ведомостей” за 1703 г.: “2 января 1703 г. На Москве вновь ныне пушек медныхъ: гоубиц и мартиров. вылито 400. Те пушки, ядромъ—по 24, по 18 и по 12 фунтовъ. Гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые. Мартиры бомбомъ девяти, трех и двухпудовые и меньше. И еще много формъ готовыхъ великихъ и среднихъ и литью пушекъ гоубицъ и мартиров: а меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40.000 пудъ лежитъ. Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию, и уже диалектику окончили. В математической штюрманской школе больше 300 человекъ учатся, и добро науку приемлютъ. На Москве ноября с 24, числа, по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человекъ. Из Казани пишут. На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль Московскому государству. Из Олонца пишут: Города Олонца, попъ Иванъ Окуловъ, собрав охотников пешихъ с тысячу человекъ, ходил за рубежь въ Свейскую границу, и разбилъ Свейские ругозенскую, и гиппонскую, и керисурскую заставы. А на техъ заставахъ шведовъ побилъ многое число, и взялъ рейтарское знамя, барабаны и шпаль, фузей и лошадей довольно, а что взялъ запасовъ и пожитковъ онъ, попъ, и тем удовольствовал солдатъ своихъ, а достальные пожитки и хлебные запасы, коихъ не могъ забрать, все пожегъ. И Соловскую мызу сжегъ, и около Соловской многие мызы и деревни, дворов с

тысячу пожегъ же. А на вышеписанных заставахъ, по скаске языков, которыхъ взялъ, коницы швецкой убито 50 человек...”.

В ряду общественных реформ, проводившихся при участии Петра I, непосредственное отношение к истории русского литературного языка имела реформа графики, введение так называемой гражданской азбуки, т. е. той формы русского алфавита, которую мы продолжаем использовать до сих пор. Реформа русской азбуки, проведенная при непосредственном участии Петра I, с полным правом признается “внешним, однако полным глубокого значения, символом расхождения между церковно-книжным языком и светскими... стилями письменной речи”. Гражданская азбука приблизила русский печатный шрифт к образцам печати европейских книг. Старая кирилловская славянская графика, служившая русскому народу во всех ответвлениях его письменности в течение семи веков, сохранилась после реформы лишь для печатания церковно-богослужебных книг. Таким образом, она “низводилась на роль иероглифического языка религиозного культа”.

После многолетней тщательной подготовки (шрифт типографии Ильи Копиевича в Амстердаме и в Кенигсберге) новый гражданский шрифт был окончательно утвержден Петром I в январе 1710 г. До нас дошли корректурные листы пробных образцов шрифта, с пометами, сделанными рукою самого Петра I и указывавшими, какие именно образцы букв из представленных на утверждение оставить и какие отменить.

Петровская реформа графики, не перестраивая коренным образом систему русского письма, тем не менее значительно способствовала ее совершенствованию и облегчению. Были устранены те буквы старославянского кирилловского алфавита, которые уже издавна являлись лишними, не передавая звуков славянской речи,—буквы кси, пси, малый и большой юсы. Как дублетная, была устранена буква зело. Всем буквам были приданы более округлые и простые начертания, приближавшие гражданский печатный шрифт к широко распространенному в те годы в Европе латинскому шрифту “антиква”. Отменены были все надстрочные знаки, применявшиеся в кирилловской славянской печати: титла (сокращения), придыхания, “силы” (значки ударений). Это все тоже приближало гражданскую азбуку в европейской графике и вместе с тем значительно упрощало ее. Наконец, были отменены числовые значения славянских букв и окончательно введена арабская цифровая система.

Все это облегчало усвоение письменности и способствовала широкому распространению грамотности в русском обществе, которое было всемерно заинтересовано в быстрейшем распространении светского образования среди всех общественных слоев.

Главное же значение графической реформы состояло в том, что она снимала “с литературной семантики покров “священного писания””, предоставляла большие возможности для революционных сдвигов в сфере русского литературного языка, открывала более широкую дорогу русскому литературному языку и к стилям живой устной речи, и к усвоению европеизмов, нахлынувших в это время из западных языков.

Обогащение и обновление лексики русского литературного языка в течение первой четверти XVIII в. происходит преимущественно за счет заимствования слов из живых западноевропейских языков: немецкого, голландского, французского, частично английского и итальянского. Наряду с этим лексика продолжает пополняться и из латинского языка. Посредничество польского языка, которое было столь характерно для XVII в. почти сходит на нет, и в Петровскую эпоху русский литературный язык приходит в непосредственное соприкосновение с языками Западной Европы. Мы можем отметить три основных пути, по которым осуществляются словарные заимствования. Это, во-первых, переводы с тех или иных языков книг научного или этикетного содержания. Во-вторых, проникновение иноязычных слов в русскую лексику из речи специалистов-иностранцев — офицеров, инженеров или мастеров, служивших на русской службе и плохо знавших русский язык. В-третьих, привнесение в русский язык иноязычных слов и речений русскими людьми, посылавшимися по почину Петра I за границу и нередко в течение долгих лет там учившимися и работавшими.

Усиленная переводческая деятельность в Петровскую эпоху была преимущественно направлена в сторону общественно-политической, научно-популярной и технической литературы, что вело к сближению русского языка с тогдашними западноевропейскими языками, обладавшими богатыми и разнообразными терминологическими системами.

Петр I сам живо интересовался деятельностью переводчиков, иногда специально поручал переводить иностранные книги своим приближенным. Так, И. Н. Зотову был поручен перевод книги по фортификации с немецкого языка. Петр I предписывал переводчикам “остерегаться”, “дабы внятнее перевести, В не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию сие выразумев, на свой язык так писать, как внятнее”.

Перевод научной и технической литературы в ту эпоху был сопряжен с преодолением невероятных трудностей, так как в русском языке почти отсутствовала соответствующая терминологическая лексика, не было также внутренних смысловых соотношений и соответствий между русским и западноевропейскими языками. “Ежели писать их [термины] просто, не изображая на наш язык, или по латинскому, или по немецкому слогу, то будет весьма затмение в деле”, — замечал один из переводчиков этого времени Воейков. Отсюда естественно вытекали заботы правительства и лично Петра I о подготовке опытных переводчиков, знакомых также и с какой-либо отраслью техники.

О трудностях, переживавшихся тогдашними авторами переводов, свидетельствует и рассказ Вебера о судьбе переводчика Волкова, которому Петр I поручил перевести французскую книгу по садоводству. Отчаявшись в возможности передать русским языком все сложности терминов садоводства и боясь ответственности, этот несчастный человек покончил жизнь самоубийством. Разумеется, большая часть переводчиков все же оставалась жить и справлялась с поставленными перед ними задачами. Не случайно первой из книг, напечатанных гражданским шрифтом, была книга по

геометрии, созданная по немецкому оригиналу. Труд переводчиков обогатил и пополнил русский язык ранее недостававшей ему специальной лексикой. Из речи иностранных специалистов, служивших в России, также немало слов и выражений перешло в общенародный и литературный русский язык, а также в специальную, профессиональную речь ремесленников, солдат, моряков.

Приведем некоторые примеры проникновения слов английского происхождения в профессиональную лексику моряков. Слово аврал, по-видимому, восходит к английскому (или голландскому) “овер олл”: команда “всех наверх!”. Слово полундра (тревога на корабле) тоже, по всей вероятности, происходит от английской команды “фалл ондер” (букв. падай вниз) — так подавался на парусных судах сигнал команде спускаться с рей и мачт, где она находилась, управляя парусами, и готовиться к бою. Очевидно, и принятый до наших дней на флоте обычай отвечать на выслушанный приказ командира словом есть! может быть возведен к английскому утвердительному слову “йес”.

Из речи инженеров и мастеров-иностранцев могла проникнуть в русский язык лексика столярного, слесарного, сапожного производства. Такие слова, как стамеска, шерхебель, дрель и др., заимствованы изустным путем из немецкого языка. Оттуда же пришли в наш язык и слесарные термины: верстак, винт, кран, клапан— и само слово слесарь. Из немецкого же заимствуются слова, характерные для сапожного дела: дратва, рашпиль, вакса, клейстер, шлшрер и мн. др.

Русские дворяне, учившиеся по примеру самого Петра I за границей, легко вводили в свою речь слова из языка той страны, где им доводилось жить. Затем эти индивидуальные заимствования могли попадать и в общезыковое употребление. Так, например, стольник Петр Андреевич Толстой, посланный Петром I в Италию в возрасте уже свыше 50 лет, чтобы учиться там кораблестроению, так пишет в своем заграничном дневнике: “Въ Венеции бывают оперы и комедии предивные, которыхъ совершенно описать ни мало не можетъ; и нигде во всем свете таких предивных опер и комедий нет и не бывает. В бытность мою в Венеции были оперы в пяти местах; те палаты, в которых те оперы бывают, великие круглые, называют их италианцы Театрумъ, в тех полатах поделаны чуланы многие в пять рядов вверх и бывает тех чуланов в оном театруме 200, а в ином 300 и больше... поль сделан мало наось к тому месту, где играют, ниже и поставлены стулья и скамейки, чтобы одним из-за других было видно...” Отметим слова театрум, опера, комедия и др.

Другой сподвижник Петра I, князь Б. И. Куракин, такими словами описывает свое пребывание во Флоренции: “В ту свою бытность был инаморат славную хорошеством одною читадинку (гражданку) называлася Signora Francescha Rota и был тако inamorato, что ни часу не мог без нее быть... и расстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот атог не может выдти, и, чаю, не выдет, и взял на меморию ее персону и обещал к ней опять возвратиться”.

Книга “Юности честное зерцало”, изданная в Петербурге в 1719 г., следующим образом наставляет тогдашних дворянских юношей: “Младья отроки, которые приехали из чужестранных краев, и языков с великим иждивением научились, оные имеют подражать и тщатся, чтобы их не забыть, но совершеннее в них обучиться: а именно чтением полезных книг, и чрез обходительство с другими, а иногда что-либо в них писать и компоновать, да бы не позабыть языков”. Далее в той же книге рекомендуется молодым дворянам говорить между собою на иностранных языках, особенно если приходится передавать друг другу что-либо в присутствии слуг, дабы те не могли понять и разгласить о сообщении: “Младья отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы те навыкнуть могли: а особливо когда им что тайное говорити случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать, ибо каждый купец товар свой похваляя продает как может”.

Лучшие люди эпохи во главе с самим Петром I последовательно боролись против увлечения иноязычными заимствованиями. Так, сам император Петр писал одному из тогдашних дипломатов (Рудаковскому): “В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов”. Исправляя представленный ему перевод книги “Римплерова манира о строении крепостей”, Петр I вносит следующие поправки и дополнения к встречающимся в тексте перевода иноязычным терминам: “аксиома правил совершенных”; “ложирунг или жилище, то есть еже неприятель захватит места, где у военных крепостей” и других.

Обновление словарного состава русского литературного языка в Петровскую эпоху с особенной наглядностью проявилось в сфере административной лексики. Она пополняется в это время преимущественно заимствованиями из немецкого, латинского, частично французского языков. Согласно подсчетам Н. А. Смирнова, произведенным в начале нашего века, около четверти всех заимствований Петровской эпохи падает именно на “слова административного языка”, вытесняющие собою употребление соответствующих древнерусских наименований. Вот как он характеризует этот процесс: “Появляются теперь администратор, актуариус, аудитор, бухгалтер, герольдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ландгевинг, министр, полицеймейстер, президент, префект, ратман и другие более или менее важные особы, во главе которых стоит сам император. Все эти персоны в своих ампте, архиве, гофгерихте, губернии, канцелярии, коллегииуме, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде и в других административных учреждениях, которые заменили недавние думы и приказы, адресуют, акредитуют, апробуют, арестуют, баллотируют, конфискуют, корреспондуют, претендуют, секондируют, тракуют, экзавторуют, штрафуют и т. д. инкогнито, в конвертах, пакетах, разные акты,

акциденции, амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордера, проекты, рапорты, тарифы и т. д.”. Как видно из приведенного списка, в состав этой административной лексики входят названия лиц по их чинам и должностям, названия учреждений, наименования различного рода деловых документов.

На второе место тот же исследователь ставит слова, связанные с военно-морским делом, заимствованные преимущественно из голландского, частично из английского языков. К числу слов голландского происхождения относят гавань, рейд, фарватер, киль, шкипер, руль, рея, шлюпка, койка, верфь, док, кабель, каюта, рейс, трап, катер. Из английского — бот, шкуна, фут, бриг, мичман и некоторые другие (см. выше).

Военная лексика, также значительно пополнившаяся в Петровскую эпоху, заимствуется главным образом из немецкого, частично из французского языков. Немецкого происхождения слова юнкер, вахтер, ефрейтор, генералитет, лозунг, цейхгауз, гауптвахта, лагерь, штурм и др. Из французского пришли к нам барьер, брешь, батальон, бастион, гарнизон, пароль, калибр, манеж, галоп, марш, мортира, лафет и др.

Словарь обиходной речи дворянства, а также лексика, связанная с представлениями светского “политеса”, пополняется главным образом из французского языка: ассамблея, бал, супе (ужин), интерес, интрига, амур, вояж, компания (собрание друзей), авантаж, кураж, резон и мн. др.

Наплыв громадного числа иноязычных слов в русскую речь начала века вызвал к жизни потребность в составлении специальных словарей иностранных вокабул. Такой словарь и был создан тогда при личном участии самого Петра I, сделавшего свои пометы и пояснения на полях рукописи. “Лексикон вокабулам новым по алфавиту”, как было озаглавлено это пособие, весьма разнообразен по тематике. Слова относятся и к различного рода профессиям, и к производству, к научным терминам, к сфере государственного устройства и культуры. Каждому из толкуемых в “Лексиконе” иностранных слов приведены их русские и церковнославянские соответствия, иногда окказионально образованные неологизмы. Так, слово архитектор переводится как домостроитель, канал — как водоважда и т. п. К слову амнистия, истолкованному первоначально церковнославянским словом беспамятство, рукою Петра I внесено пояснение: “забытие погрешений”. К вокабуле адмиралство Петр I дал следующее исчерпывающее толкование: “Собрание правителей и учредителей флота”. Слову баталия дано толкование: “бой, сражение, битва”, два последних слова подчеркнуты Петром I, добавившим к этому: “меньше 100 человек”. Слово виктория объяснено как “победа, одоление”, причем последнее определение также подчеркнуто Петром I как более предпочтительное по его мнению. Возможно, Петру I было известно, что в древнерусском языке слово победа имело несколько значений, слово же одоление было однозначным и точно соответствовало латинскому.

Не всегда попытки подобрать иностранным вокабулам русский их эквивалент были успешными, и ряд переводов, предлагавшихся в

“Лексиконе”, как показала дальнейшая история этих слов на русской почве, оказался нежизненным. Так, слово фейерверк было переведено как “потеха огненная и фигуры”; слово капитан — как “сотник” и т. п. Эти переводы не удержались в последующем русском словоупотреблении, и заимствованное слово получило в нем безусловное преобладание.

Оценивая наплыв иностранных заимствований в русский язык в начале XVIII в., В. Г. Белинский в свое время отмечал, что “корень” употребления “в русском языке иностранных слов... глубоко лежит в реформе Петра Великого, познакомившего нас со множеством совершенно новых понятий, до того совершенно чуждых, для выражения которых у нас не было своих слов. Поэтому необходимо было чужие понятия и выражать чужими готовыми словами. Некоторые из этих слов так и остались неперевоенными и незамененными и потому и получили права гражданства в русском слове”. По мнению того же критика, предпочтение некоторых иностранных слов их переводным эквивалентам, калькам,—это предпочтение оригинала копии. В. Г. Белинский считал, что идея как-то просторнее в том слове, в котором она оказалась в первый раз, она как бы срастается с ним, слово делается неперевоенным. “Переведите слово катехизис — оглашением, монополию — единоторжием, фигуру — извиением, период — кругом, акцию — действием — и выйдет нелепость”.

Мы можем полностью присоединиться к мнениям, высказанным в свое время великим критиком, и признать, что европеизация лексики русского литературного языка, с особой силой давшая себя почувствовать в Петровскую эпоху, несомненно, пошла на пользу нашему литературному языку, сделала его богаче, полнее и выразительнее и вместе с тем не нанесла никакого ущерба его национальной самобытности.

Однако этот период характеризуется стилистической неупорядоченностью литературного языка. Бурное развитие функциональных стилей в начале XVIII в. сказалось, как уже отмечено, прежде всего в деловой, а затем в художественной речи”. значительно распространившей сферу своего употребления.

В языке деловой письменности Петровской эпохи сосуществовали противоборствуя элементы старые, традиционные, и новые. К первым отнесем церковнославянские слова и формы, а также выражения из старомосковского языка приказов; ко вторым — малоосвоенные языком иноязычные заимствования (варваризмы), просторечие, черты диалектного словоупотребления, произношения и формообразования.

Для иллюстрации воспользуемся некоторыми письмами Петра I. В мае 1705 г. он писал к генералу князю Аниките Ивановичу Репнину: “Herr! Сегодня получил я ведомость о Вашем столь худом поступке, за что можешь шею заплатить, ибо я чрез господина губернатора подь смертью не велелъ ничего в Ригу пропускать. Но ты пишешь, что Огилвии тебе велелъ. Но я так пишу: хотя бь и ангель, не точию сей дерзновенникъ и досадитель велелъ бы, но тебе не довьлело сего чинить. Впреть же аще

единая щепя пройдетъ, ей богомъ кленусь, безголовы будешь. Piter. С Москвы, Маія 10 д. 1705”.

Отметим здесь и торжественные церковнославянские: “хотя бѣ и ангель, не точию сей дерзновенникъ и досадитель”; “тебе не довьлело сего чинить”, “аще едина щепя пройдетъ и просторечные “можешь шеєю запълатить”, “ей богомъ кленусь, без головы будешь”. И тут же варваризмы — голландское обращение Herr и подпись Piter,— написанные латинскими буквами.

Еще ярче стилистическая пестрота и неупорядоченность литературного языка Петровской эпохи обнаруживается при рассмотрении языка и стиля переводных и оригинальных повестей этого времени.

Многочисленные и разнохарактерные жанры светской “галантной повести”, любовной лирики той же эпохи и других, ранее не знакомых древнерусской литературе жанров широко представлены как в типографских публикациях, так и в рукописях. Подчеркнутый интерес к “галантерейам романическим” и к европейским навыкам “житейского обхождения” отражается в их языке. Любопытны, например, в “Рассуждении о оказательствах к миру” (СПб., 1720) определения “галантерей романических” и “кавалеров заблудших”. Галантереи — это книги, “в которых о амурах, то есть о любви женской и храбрых делах для оной учиненных баснями описано”, а “шевальеры эрранты, или заблудшие кавалеры, называются все те, которые, ездя по всему свету, без всякого рассуждения в чужие дела вмешиваются и храбрость свою показывают”. Как видим, здесь, как в кривом зеркале, отразилось запоздалое увлечение средневековыми западноевропейскими рыцарскими романами, традиции которых внедряются и в переводные повести Петровской эпохи, и в оригинальные произведения, создающиеся анонимными авторами по этим переводным образцам.

И для языка повестей, как и для языка деловой переписки, в Петровскую эпоху характерно не менее причудливое смешение тех основных речевых элементов, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык. Это, с одной стороны, слова, выражения и грамматические формы традиционного, церковнокнижного происхождения; с другой — это слова и словоформы просторечного, даже диалектного характера; с третьей — это иноязычные элементы речи, зачастую слабо освоенные русским языком в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении.

Обратимся к примерам. В “Истории об Александре, российском дворянине” мы читаем: “Однако ж, приехавъ, нанялъ квартиру близ пасторских полатъ і жил долгое время в великихъ забавахъ, так что живущие во оном граде Лилле, красоту лица его і остроту ума его усмотря, между всеми приезжими ковалеры первинством почтили”. Или далее “...она ему отвещала: "гс_дрня моя Элеонора града сего пасторская дочь прислала меня на квартиру вашу проведать, кто іграет, понеже де игра оная в великое желание к слушанию ея привлекло””. Здесь, на общем фоне церковнокнижных средств выражения, обращают на себя внимание такие

“европеизмы”, как квартиру, ковалеры, пасторский, экзотические имена Лилль, Элеонора. В одном и том же контексте, без какой бы то ни было стилистической соотнесенности, находим просторечное “квартиру вашу проведать” и традиционное “во оном граде”, “первинством почтили”, “понеже... к слушанию ея привлекло” и т. п.

В другой повести того же времени — “Гистории о российском матросе Василии” — читаем: “Минувшу же дни по утру рано прибежалъ от моря есаулъ их команды и объявилъ: "Господин атаманъ, изволь командировать партию молодцовъ в море, понеже по морю едутъ галеры купецкия съ товары”. Слышавъ то, атаман закричалъ "Во фрунтъ!". То во едину часа минуту все вооружишася и сташа во фрунтъ”. В этом контексте тоже поражает хаотическое объединение речевых средств. Традиционный оборот дательного самостоятельного минувшу же дни, формы аориста вооружишася и сташа; тут же народное молодцовъ, и здесь же такие иноязычные, модные в то время слова, как команда, командировать, партия, во фронт и др.

Как мы видим, русскому литературному языку в Петровскую эпоху не хватало стилистической организованности. Не было соотнесенности тех или иных речевых элементов с их функциями по содержанию или целевой направленности высказывания. Наплыв новых средств языкового выражения был настолько стихийен и подавляющ, что с ним не успевали справиться писавшие. Организованность в употреблении речевых средств выражения, их стилистическая упорядоченность и соотнесенность с содержанием и с жанровым характером высказывания пришла в литературный язык позднее, примерно к середине XVIII в.

Большая заслуга в стилистическом упорядочении русского литературного языка того времени, в создании стройной и продуманной стилистической системы принадлежит выдающимся писателям и деятелям культуры, трудившимся в середине XVIII в. над обработкой и нормализацией русского языка,— А. Д. Кантемиру, В. К. Третьяковскому и в первую очередь великому поэту и ученому М. В. Ломоносову. Его заслугам в развитии русского литературного языка посвящается следующая глава.

РАЗДЕЛ IX. Лингвистическая деятельность М.В.Ломоносова

Таким образом, традиционное церковнокнижное образование и воспитание сменяется светским, западноевропейским, проводниками которого были иностранные гувернеры. Хотя некоторые из них и не отличались высоким культурным уровнем, но в одном они всегда преуспевали: обучали своих питомцев непринужденно болтать на иностранных языках. Образно выражаясь, в последней трети XVIII в. в дворянских семьях Кутейкина и Цифиркина сменяют Вральман и мосье Бопре.

Дворяне, получившие французское воспитание, как впоследствии жаловался А. С. Шишков, “в церковные и старинные славянские и славяно-русские книги вовсе не заглядывают”. В журнале “Трутенъ” Н. И. Новиков

сатирически представил молодую “щеголиху”, которой вздумалось приняться за старые русские книги: “Всю Феофаны, да Кантемиры, Телемаки, Роллены, Летописцы и всякий едакой вздор... Чуть не провоняла сухой моралью..., честью клянусь, что я, читая их, ни слова не уразумела. Один раз развернула Феофана и хотела читать, но не было мочи: не поверишь, радость, какая сделалась теснота в голове”. В этих признаниях молодой столичной дворянки отчетливо” отражен тот жаргон, который получил в эти годы значительное распространение в дворянской общественной среде. Д. И. Фонвизин в комедии “Бригадир” (1766 г.), комически сгущая краски, показывает языковое и культурное расслоение русского дворянства. В его изображении речь различных групп” русского дворянского общества настолько различна, что он” порою даже не в состоянии понять друг друга. Бригадирша не понимает смысла условных метафор церковнославянского языка в речи Советника, вкладывая в них прямое, бытовое значение:

“Советник: Нет, дорогой зять! Как мы, так и жены наши, все в руке создателя: у него и власы главы наша изочтены суть.

Бригадирша: Ведь вот, Игнатий Андреевич! Ты меня часто ругаешь, что я то и дело деньги считаю. Как же это? Сам господь волоски наши считать изволит, а мы, рабы его, и деньги считать ленимся,—деньги, которые так редки, что целый парик волосов насилу алтын за тридцать достать можно”.

В другой сцене бригадирша признается: “Я церковного-то” языка столько же мало смышлю, как и французского”.

Во втором действии пьесы с наименьшей комической заостренностью жаргон офранцузившихся “щеголей” и “щеголих”-противопоставляется просторечию дворян старшего поколения. Вот характерный диалог:

Сын: Mon pere! Я говорю: не горячитесь.

Бригадир: Да первого-то слова, черт те знает, я не разумею.

Сын: Ха-ха-ха-ха, теперь я стал виноват в том, что вы по-французски не знаете”.

Подобных сцен взаимного непонимания немало в комедии “Бригадир”.

Французское влияние на речь русского дворянства со второй половины XVIII в. становится преобладающим и занимает значительное место в процессе европеизации русского литературного языка. Французские слова, выражения и синтаксические модели, проникающие в русский язык, начиная с XVI II в. обычно называют галлицизмами.

Они разнообразны по своему характеру, поэтому целесообразно подразделить их на несколько групп:

1. Галлицизмы лексические—французские слова без перевода. Таких слов особенно много появляется в речи русского дворянства середины XVIII в. См., например, “Записки” Семена Порошина, гвардейского офицера, в шестидесятые годы приставленного в качестве воспитателя к тогдашнему наследнику Павлу Петровичу: “Она танцует без кадансу..., сентиментов

хороших в ней очень много..., генерал-адмирал президировал”, “прямой был конфиянс”, “говорили... о субординации”, “рецитировали последнюю его штрофу”, “имажинировал небылицы”, “настолько резонабелен” и т. п. Вот еще характерное замечание в тех же “Записках”: “Иные русские в разговорах своих мешают столько слов французских, что кажется, будто говорят французы и между французских слов употребляют русские”. В XVIII в. в русский язык входят такие французские слова: вояж (путешествие), пейзаж, антураж (окружение), кураж (храбрость).

2. Галлицизмы-кальки, т. е. буквальные морфологические переснимки слов, типа влияние, извращение, промышленность, влюбленность, развитие.

3. Галлицизмы семантические—усвоение русскими словами новых, значений, свойственных аналогичным словам французского языка. Наиболее яркий пример этого рода мы находим в истории глагола трогать, приобретшего около середины XVIII в. новое значение приводить в жалость (со всеми производными: трогательный, трогательно и т. п.).

Источником этого значения считают французский глагол *toucher*. По-видимому, впервые применил это слово в новом для русского языка значении А. П. Сумароков в трагедии “Гамлет”, где герой говорит о своей матери: “... и на супружню смерть нетронута взирала”. Это языковое новшество не укрылось от внимания М. В. Ломоносова, откликнувшегося на нег эпитаграммой:

Женился Стил, старик без мочи,
На Стелле, что в шестнадцать лет,
И не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружню смерть нетронута взирала.

Однако протест Ломоносова не возымел действия, и глагол трогать в новом значении распространился во всеобщем употреблении. Другие подобные же примеры: плоский (франц. *plat*) в значении банальный (плоская шутка); блистать, блистательный (фр. *briller*) великолепный; картина прекрасное, красивое зрелище — отсюда прилагательное картинный и наречие картинно; живой—в значении оживленный, отвечающий насущным потребностям жизни (живой ум, живой интерес; живые глаза и т. п.).

4. Фразеологические галлицизмы—усвоение русским языком французских по происхождению фразеологических сращений и единств с сохранением и прямого и переносного их значения. Несмотря на то, что фразеологию справедливо считают непере译имой буквально, ряд подобных переводов, притом иногда ошибочных, может быть отмечен в истории русской фразеологии. Например, выражение не в своей тарелке. Французскому слову *assiete* присущи два значения — бытовое (тарелка) и абстрактное (положение). Французский фразеологизм исходил из второго значения (не в своем положении). При переводе же взяли бытовое (первое) значение, и

получилась бессмыслица, вошедшая, однако, в широкое употребление. Ср. у Грибоедова: “Любезнейший, ты не в своей тарелке”.

Другой пример — строить куры в значении ухаживать за кем-либо, волочиться. Французское выражение *faire la cour* буквально значит составлять двор кому-либо. Второе слово при заимствовании в русский язык было оставлено без перевода. Благодаря созвучию с русским названием домашней птицы, возникла богатая возможность для каламбуров и игры слов. См. эпиграмму К. Пруtkова:

Раз архитектор с птичницей спознался
И что ж? — в их детище смешались две натуры.
Сын архитектора—он строить покушался,
Потомок птичницы — он строил только “куры”.

Подобным же образом обыграно созвучие и в разговоре двух дам в X гл. 1-го тома “Мертвых душ” Н. В. Гоголя.

Вот еще фразеологизмы, обязанные своим происхождением французскому языку: черт побери (*diable m emporte*), игра не стоит свеч (*Le jeu ne vaut pas la chandelle*), проглотить пилюлю (*avalier la pillule*), с птичьего полета (*a vol d oiseau*), ловить рыбу в мутной воде (*pecher en eau trouble*), видеть все в черном цвете (*voir tout en noir*) и др.

5. Галлицизмы синтаксические, т. е. синтаксические модели, свойственные французскому языку и не распространенные в русском. Наиболее показательным нам кажется использование независимых от подлежащего обособленных оборотов, деепричастного и причастного, которые соответствуют французским аналогичного состава и происхождения. Ср. французскую поговорку *l'appetit vient en mangeant* — аппетит приходит во время еды (буквально: аппетит приходит, кушая). В свое время Ломоносов категорически осуждал независимое от подлежащего употребление деепричастных оборотов как несвойственное русскому языку. В “Российской грамматике” мы читаем: “Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, в котором всей речи состоит сила: идучи в школу, встретился я с приятелем; написав я грамотку, посылаю за море. Но многие в противность сему пишут: идучи я в школу, встретился со мной приятель; написав я грамотку, он приехал с моря; будучи я удостоверен о вашем к себе дружестве, вы можете уповать на мое к вам усердие; что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое российское сочинение” (§ 532).

Но, несмотря на это весьма разумное и недвусмысленное стилистическое предупреждение, у ряда писателей XVIII и даже XIX столетий нередко предложения с независимыми по смыслу от подлежащего деепричастными оборотами. Так, мы встречаем их в прозе Д. И. Фонвизина: “Не имея третий месяц никакого об нас известия, нетерпение наше было несказанное”; “приехав в Белев..., по счастью, попалась нам хорошая квартира”; “не доезжая полмили до Экау, переломилась у коляски задняя ось” и др.

Могут быть найдены синтаксические построения подобного же рода и в “Путешествии из Петербурга в Москву” А. Н. Радищева: “Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце”; “лежа в кибитке, мысли мои были обращены в неизмеримость мира”.

В XIX в. наиболее часты структуры подобного типа в произведениях А. И. Герцена и Л. Н. Толстого. Например: “Бродя по улицам, мне, наконец, пришел в голову один приятель” (“Былое и думы”, ч. II, гл. VIII); “Уехав из Вятки, меня долго мучало воспоминание об Р.” (“Былое и думы”, ч. III, гл. XXI); “Накуруившись, между солдатами завязался разговор” (“Хаджи Мурат”).

Однако при дальнейшем развитии синтаксического строя в русском литературном языке подобного рода конструкции были окончательно признаны ненормативными.

Воздействие французского синтаксиса на русский литературный язык в XVIII в. проявлялось еще в усвоении им различных предложно-падежных типов управления, ранее ему не свойственных. Например, употребление зависимого слова с глаголом влиять, а также с образованным от него существительным влияние. Согласно старым нормам словоупотребления здесь требовался бы винительный падеж с предлогом в: вливать вино в бочку, вливает в сердце ей любовь (Державин). Но писатели под воздействием французского типа управления все чаще используют конструкции с предлогом на: иметь влияние на разумы.

Слово предмет, подобно французскому *objet*, стало сочетаться с родительным падежом дополнения: предмет изучения, предмет ссор, предмет кровопролития и т. д. Равным образом и слово чувство в новом значении, развившемся в нем также под воздействием французского языка,— сознание, понимание, восприимчивость к чему-либо —тоже стало сочетаться с родительным падежом: чувство прекрасного, чувство изящного, чувство нового, чувство юмора и т. п. Процесс синтаксической перестройки русского литературного языка с особенной силой и явственностью дает себя знать уже к самому концу XVIII в. или к началу XIX в., например в прозе Н. М. Карамзина, о чем мы будем говорить в следующей главе.

Наиболее характерным для стилистики русского литературного языка в последней трети XVIII в. следует признать неуклонный распад ломоносовской системы “трех штилей”. Этот процесс, проявляющийся в непрерывном стирании границ между “высоким” и “низким” жанрами в литературе, а параллельно и в смешении в одном и том же произведении речений “высокого слога” с просторечием и с иноязычными заимствованиями, может быть прослежен в творчестве всех крупных писателей того времени, преимущественно же дает себя знать в развитии стилей русской прозы—здесь господствовал “посредственный”, или средний, штиль, которому и было суждено стать ведущим стилем русского литературного языка.

Таким образом, стилистическая система, созданная Ломоносовым в середине XVIII в., удовлетворявшая потребности развития литературы, пока

господствовал в ней метод классицизма, превращается в тормоз ее дальнейшего движения и совершенствования по мере отмирания классицизма как художественного направления и смены его более прогрессивными направлениями предромантизма и сентиментализма. Для классицизма было характерно строгое разграничение между родами и видами литературных произведений, равно как и между “высоким и низким стилем”. К концу XVIII в. все это уже воспринимается как архаический пережиток.

Проследим за развитием стилистики русского литературного языка конца XVIII в. на примере произведений трех наиболее выдающихся авторов той эпохи, писавших в различных жанрах. Возьмем поэзию Г. Р. Державина, драматургию Д. И. Фонвизина и прозу А. Н. Радищева.

Одним из наиболее характерных в стилистическом отношении произведений Г. Р. Державина может быть признана знаменитая “Ода к Фелице”, написанная в 1782 г. и впервые опубликованная в 1783 г. в журнале “Собеседник Российского Слова”, издававшемся Академией Российской.

Эта ода одновременно и восхваляет Екатерину II в образе, ею же созданном, сказочной царевны Фелицы, и жестоко обличает и высмеивает ее вельмож в собирательном образе мурзы. Слог оды столь же неоднороден. Он тяготеет к одическим формам “высокого штиля” в тех строфах и стихах, где речь идет о Фелице (“Богopodobная царевна Киргизкайсацкия орды, которой мудрость несравненна...”), и, наоборот, отличается самой непринужденной просторечностью в тех местах, которые посвящены осмеиванию вельмож (“то ею в голове ищ-ся”, “то с ней на голубятню лажу”, “то в жмурки резвимся порой”, “над библией, зевая, сплю”), а также обличению порядков, господствовавших при предыдущем царствовании (“вельможи въявь им не хохочут и сажей не марают рож”).

В “Оде к Фелице” замечательно свободно обращение Державина к русской народной фразеологии. Он пишет: “Где старость по миру не бродит? Заслуга хлеб себе находит?”; “А в клоб не ступишь и ногой”; “как волк овец, людей не давишь” и т. п.

Одновременно в лексике стихотворения нередко отмечаются иноязычные заимствования, восходящие к живым европейским языкам: маскарад, клоб, лимонад, вафли, шампанское и др. Эти слова называют преимущественно предметы тогдашнего дворянского быта.

Заслуживает внимания и своеобразный авторский неологизм Державина не донкишотствуешь собой, образованный от имени литературного героя Дон-Кихота в французской транслитерации—это тоже проливает свет на культурный кругозор поэта: Державин читал роман Сервантеса во французском переводе (или в русском переводе с французского).

Сделанные нами наблюдения подтверждают те черты державинского стиля, которые в свое время были подмечены Н. В. Гоголем: “Слог у него [Державина] так крупен, как ни у кого из наших поэтов. Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного

соединения самых высоких слоев с самыми низкими и простыми”. Действительно, “просторечие у Державина выступает со всей своей фамильярной беззастенчивостью” на фоне всего арсенала традиций “высокого штиля”. Смешивая высокое с низким, Державин преодолевал жанровую разграниченность и стилистическую скованность, присущую классицизму. Тем самым он открывал широкую дорогу для будущего свободного развития русского литературного языка, выступив как один из непосредственных предшественников А. С. Пушкина.

Не менее характерен и стиль произведений крупнейшего русского драматурга того же времени Д. И. Фонвизина. Остановимся на его бессмертной комедии “Недоросль”. Прежде всего отметим в ней то же смешение жанров—высокого и низкого,—которое характерно для “мещанских” драм в европейском предромантизме. “Недоросль”—комедия, но в ней далеко не все комично. Образы Софьи, Милона, Правдина, Стародума отнюдь не вызывают смеха. От них веет благородством классицистической трагедии.

Согласно правилам, установленным Ломоносовым, комедии должны были писаться низким штилем. Однако язык комедии “Недоросль” столь же противоречив, как и жанровая ее природа. Реплики отрицательных персонажей—Простаковых, Скотинина,—крепостных слуг и учителей выдержаны в тонах непринужденного просторечия, перемежающегося местными диалектизмами. При этом речь провинциальных помещиков почти ничем не отличается от речи крепостных—мамки Еремеевны и портного Тришки. Все речи отличаются живостью, естественностью интонаций, не устаревших во многих отношениях и до наших дней. Характерно, что Фонвизин последовательно применяет прием прямолинейного отражения в речах персонажей их типических отличительных черт. Скотинин говорит либо о скотном дворе, либо о своей бывшей солдатской службе; Цифиркин то и дело использует в речи арифметические термины, а также солдатские выражения; в речах Кутейкина преобладают церковнославянские цитаты из Псалтири, по которой он обучает грамоте своего воспитанника. Наконец, речь немца Вральмана нарочито искажена с целью передать его нерусское происхождение.

В противоположность этому речь положительных персонажей комедии, в первую очередь Стародума, изобилует чертами высокого слога, насыщена торжественными славянскими оборотами: “Тщетно звать врача к болеющим неисцелимо”; “вот злонравия достойные плоды!”.

Укажем и на относительно нередкие “европеизмы” как в репликах действующих лиц (например, “Радуюсь, сделав ваше знакомство”—в речи Правдина; ср. фр. *faire la connaissance*), так и в авторских ремарках: “Софья взяла место подле стола”.

Примечательно, что отдельных иноязычных элементов не чужда и речь провинциальных дворян: (письмецо) амурное в реплике Простаковой. Из французского или итальянского языка в ее речь проникли бранные слова: “Бредит бестия, как будто благородная” (о крепостной девке); “уж я задам

зрю канальям своим!”. Язык “Недоросля” по сравнению с языком комедий первой половины или середины XVIII в. (Сумарокова, Лукина и др.) отличается верностью жизни и правдоподобием. Эта пьеса подготовила языковые достижения комедиографов XIX в. Грибоедова и Гоголя.

В языке прозаических произведений конца XVIII в. также наблюдаются прогрессивные тенденции, ведущие к взаимному проникновению элементов высокого и низкого слога, к новому синтезу живой русской разговорной речи с традиционно-книжными чертами высокой патетики и с конструктивными формами западноевропейской речевой культуры. Показательным является язык радищевского “Путешествия из Петербурга в Москву”.

С одной стороны, в языке этого произведения отмечены старославянизмы и устарелые слова, даже такие, которые Ломоносовым причислялись к “весьма обветшалым” и потому выключались из литературного употребления. Сказанное относится не только к лексике, использованной Радищевым, но и к грамматическим формам.

Назовем в языке “Путешествия...” следующие фразы, насыщенные чувством гражданской патетики: “О природа! Объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ты ему в отраду сон” (“София”); “вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровь мою”; “ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано” (“Любани”); “в толико жестоком отчаянии, лежащу мне над бездыханным телом моей возлюбленной, один из искренних моих друзей, прибежав ко мне...”; “речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавались в душе моей” (“Спасская полость”); “жертвенные курения обыдут на лещь оверстую душу”; “пасутся рабы жезлом самовластия” (“Новгород”): “и пребыл я некоторое время отриновен окрестных мне предметов” (“Бронницы”); “города почувствуют властодержавную десницу” (“Зайцово”); “разрушите оковы братии вашей, отвер-зите темницу неволи, дайте подобным нам вкусити сладости общежития, к нему же всещедрым уготованы, яко же и вы”; “не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся” (“Хотилон. Проект в будущем”); “воссядите, и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душ ваших долженствует” (“Крестцы”); “не пропусти юношу, опасного лепоты прелестями облеченного” (“Едрово”); “защищая грады твои и чертоги, в них же сокрытая твоя робость завесою величавости и мужества казалася”; “сии упитанные тельцы сосцами нежности и пороков, они незаконные сыны отечества наследят в стяжании нашем” (“Выдропуск”); “правительство да будет истинно, вожди его нелицемерны, тогда все плевели, тогда все изблевания смрадность свою возвратят на изблеватели их” (“Торжок”) и др.

Для языка Радищева типичны архаические словообразовательные модели, например, существительные на -ение: излечение, развержение, гремление, любление, зыбление, произречение и т. д. Не оговаривая это специально, Радищев постоянно пользуется устарелыми

церковнославянскими формами причастий на -ый, -яй: носяй, вещаяй, соболезнуяй, приспевый, возмнивый и т. п. Обычно у него архаические формы склонения: на крыльх, на извергатели (вин. пад. мн. ч.) и др. Придаточные предложения нередко присоединяются к главным посредством архаических союзных слов иже, еже в разных падежных формах (примеры см. выше). Обычны у Радищева устарелые церковнославянские союзы и частицы: убо, яко, дабы, небы, токмо, аки, амо, дондеже и мн. др. Как мы видели выше, употребляет он и оборот дательного самостоятельного. Например: “лежащу мне над бездыханным телом моей возлюбленной”, “мне спящу”.

Однако церковнославянизмы и архаизмы у Радищева совершенно лишены отпечатка официальной церковной идеологии. Он использует эти выражения с иной целью. Как писал Г. А. Гуковский, “Радищеву важно было создать словесный принцип “важной”, идейно значительной речи. Он хотел передать на русском языке... ораторский подъем. Радищев пользуется языком, традиционно окруженным ореолом проповеднического пафоса и высших сфер мышления”.

Наряду с традиционно-книжными выражениями и оборотами в языке Радищева постоянно наблюдаются и речевые элементы западноевропейского типа, входившие в то время в русский язык преимущественно из французского или немецкого. К выражениям такого рода отнесем перифразы—распространенные иносказательные обороты, посредством которых заменяются словесные обозначения простых и обыденных понятий и представлений. Таковы, например, выражения: “Спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения” (“Выезд”); “извозчик извлек меня из задумчивости” (“София”); “соглядал величественные черты природы”; “если б я мог достаточно дать черты каждому души моя движению”; “в жилище, для мусс уготованном, не зрел я лиющихся благотворно струев Касталии и Ипокрены” (“Чудово”); “я мог в чертах лица читать внутренности человека” (“Зайцово”); “не мог он отрясти с себя бремени предрассуждений” (“Торжок”) и т. п.

Лексические заимствования из западноевропейских языков также нередко в прозе Радищева и придают его произведению отпечаток некоторой научно-философской тяжеловесности: “о суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация” (“Подберезье”); “если точных не скажу портретов, то доволен буду и силуэтами” (“Новгород”). См. также такие слова, как контрфорсы, (усилия, противодействия), нервы, осязательности и т. п. Впрочем, лексических заимствований в его языке относительно немного. Радищев избегал излишних варваризмов, стремясь к созданию демократической и общенациональной системы средств языкового выражения. Синтаксис же произведений Радищева изобилует галлицизмами разного рода. Он постоянно использует независимые от подлежащего деепричастные обороты. Кроме вышеприведенных примеров, см.: “прожив покойно до 62 лет, нелегкое надоумило ее собраться замуж” (“Зайцово”); “прорвав оплот единожды, ничто уже в развитии противиться ему не

поможет” (“Хотиллов”). Не менее часты в языке Радищева и независимые причастные обороты: “носимые валами, внезапно судно наше остановилось недвижимо” (“Чудово”); “тронутый до глубины сердца толико печальным зрелищем, ланидные мышцы нечувствительно стяну-лися к ушам моим” (“Спасская полесть”); “превращение точностью воинского повиновения в куклы, отъемлется у них [солдат] даже движения воля” (“Хотиллов”).

Отмечаются в языке “Путешествия...” и германизмы в структуре предложений, например: “намерение мое при сем было то, чтобы сделать его чистосердечным” (“Спасская полесть”) или “излишне казалось бы, при возникшем столь уже давно духе любомудрия, изыскать или поновлять доводы о существенном человеке, а потому и граждан равенстве” (“Хотиллов”). Неологизмы Радищева признаются созданными по образцу немецких сложных слов. Например: самонедоверие, самоодобрение, времяточие, глазоврачеватель, чиновостояние и т. п.

Однако главным в стиле “Путешествия из Петербурга в Москву”, с нашей точки зрения, следует считать не наличие в нем архаизмов или европеизмов, а смелое использование Радищевым слов и форм народной русской речи. Он обращается с этими речевыми элементами вполне свободно, пренебрегая теми стилистическими запретами и рекомендациями, которые содержались в “Российской грамматике” Ломоносова. Радищев смело ставит, например, просторечное слово в одном ряду с высокими славянизмами и архаизмами, образуя формы причастия от глаголов русского происхождения. Так, в гл. “Чудово” мы читаем: “сокровенные доселе внутренние каждого движения, заклепанные, так сказать, ужасом, начали являться при исчезновении надежды”; “не почувствуешь ли корчущий мраз, лиющийся в твоих жилах?”; “окончить не мог моя речи, плюнул почти ему в рожу и вышел вон”; “я волосы драл с досады”. Радищев использовал также жаргонизмы: “не уличи меня, любезный читатель, в воровстве; с таким условием я и тебе сообщу, что я подтибрил” (“Подберезье”). Обращают на себя внимание и такие просторечные слова, как закалякался, крючок (чарка) сивухи, позариться, прилучаться, скосырь (щеголь, наглец) и мн. др.

Вместе с тем Радищев уместно и красочно применил в “Путешествии...” многочисленные черты и формы народнопоэтической речи. В его произведении мы находим и крестьянские вопли и причеты, например в гл. “Городня”, и пословицы (гл. “Едрово”), и фольклорный духовный стих (гл. “Клин”).

Таким образом, Радищев смело синтезировал книжную и простонародную живую русскую речь в новых общественных условиях, используя новые стилистические возможности, и поэтому также может быть назван одним из непосредственных предшественников А. С. Пушкина в деле формирования современного русского литературного языка как языка национального.

РАЗДЕЛ X. Язык художественной прозы А.С. Пушкина.

Главная историческая заслуга Пушкина и состоит в том, что им завершена закрепление русского народно-разговорного языка в литературе.

Мы вправе задать себе вопрос: почему именно Пушкину выпала высокая честь справедливо называться подлинным основоположником современного русского литературного языка? И ответ на этот вопрос может быть дан в одном предложении: потому что Пушкин был гениальным национальным поэтом. Если же смысл этой фразы расчленишь и конкретизировать, то можно выделить пять основных положений. Во-первых, А. С. Пушкин был выразителем наиболее передового, революционного мировоззрения современной ему эпохи. Он по праву признавался “властителем дум” первого поколения русских революционеров—дворян-декабристов. Во-вторых, Пушкин был одним из самых культурных и разносторонне образованных русских людей начала XIX в. Получив воспитание в самом прогрессивном учебном заведении того времени, Царскосельском лицее, он затем поставил перед собой цель “в просвещении стать с веком наравне” и добивался осуществления этой цели в течение всей своей жизни. В-третьих, Пушкин создавал непревзойденные образцы поэзии во всех родах и видах словесного искусства, и все жанры литературы он смело обогатил, вводя в них разговорный язык народа. В этом отношении Пушкин превосходит как Крылова, совершившего аналогичный подвиг лишь в жанре басни, так и Грибоедова, закрепившего разговорную речь в жанре комедии. В-четвертых, Пушкин охватил своим гением все сферы жизни русского народа, все его общественные слои — от крестьянства до высшего света, от деревенской избы до царского дворца. В его произведениях отражены все исторические эпохи — от древней Ассирии и Египта до современных ему Соединенных Штатов Америки, от Гостомысла до дней его собственной жизни. Самые различные страны и народы предстают перед нами в его поэтическом творчестве. Причем Пушкин владел необыкновенной силой поэтического перевоплощения и мог писать об Испании (“Каменный гость”), как испанец, об Англии XVII в. (“Из Буньяна”), как английский поэт времени Мильтона. Наконец, в-пятых, Пушкин стал основоположником реалистического художественного направления, которое в его творчестве получает преобладание примерно с середины 20-х годов. И по мере того как Пушкин закрепляет реалистический метод отражения действительности в своих произведениях, усиливается и народно-разговорная стихия в его языке. Таким образом, все эти пять положений обнимаются формулой: “Пушкин — гениальный поэт русской нации”, что и позволило ему завершить процесс закрепления русского национального языка в литературе.

Пушкин, разумеется, не сразу стал тем, кем он был. Он учился у своих предшественников и претворил в собственном языковом мастерстве все достижения искусства слова, которые были добыты поэтами и писателями XVII и XVIII вв.

В языке пушкинских произведений мы имеем возможность наблюдать традиционные элементы русского литературного языка, полученные им в наследие от прошлых периодов развития. Мы имеем в виду прежде всего церковнославянизмы (лексические, грамматические и фонетические); мифологизмы: имена античных божеств, обращение к Музе, слова лира, пою

и т. п.; риторические приемы высокого слога и пр. В лицейский период творчества Пушкина названные средства литературного выражения используются как бы по инерции, в силу традиционности их употребления в данном жанре поэзии. Так, например, в стихотворении “Воспоминание в Царском селе” (1814 г.), с которым Пушкин выступил на лицейском экзамене 8 января 1815 г. в присутствии Державина, изобилуют церковнославянизмы и лексические: “навис покров угрюмой ноши...”, и грамматические: “...когда под скипетром великий жены...”, и фонетические (произношение е под ударением перед следующим твердым согласным без перехода в о). О современных поэту событиях повествуется как о подвигах античных героев: Летят на грозный пир; мечам добычи ищут, И се—пылает брань; на холмах гром гремит, В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут, И брызжет кровь на щит. Говоря о бегстве наполеоновских войск из России, Пушкин применяет весь арсенал высокого слога:

Утешься, мать градов России,
Возри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
Бегут—и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч.

Поэтической традиции XVIII в. стихотворение это обязано, например, следующими строками: “Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны?” (О Наполеоне) или: “В Париже росс! Где факел мщенья? || Поникни, Галлия, главой” и др.

Однако мы должны отметить в стихотворении, наряду с полным набором стилистических атрибутов классицизма, и отдельные речевые элементы, обязанные своим происхождением эпохе предромантизма и сентиментализма, например, упоминание о скальдах и т. п.: О скальд России вдохновенный,

Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!

В употреблении и этого рода выразительных средств языка также господствует поэтическая инерция.

Таким образом, в начале своего поэтического творчества, Пушкин еще не ограничивал употребление традиционных речевых элементов какими-либо стилистическими задачами, используя их лишь как прямую дань наследию прошлого.

Позднее традиционные речевые элементы продолжают сохраняться в языке произведений Пушкина, однако их употребление строго стилистически обосновано. Использование церковнославянизмов и архаизмов различного рода в языке произведений А. С. Пушкина зрелой

поры его творчества может быть определено следующими стилистическими задачами.

1. Придание торжественного, возвышенного тона произведению или его части. Так, в стихотворении “Перед гробницею святой...” (1831 г.), посвященном памяти Кутузова, мы читаем: “...стою с поникшею главой...”; “Под ними спит сей властелин, ||Сей идол северных дружин, || Мاستитый страж страны державной,||Смиритель всех ея врагов!) Сей остальной из стаи славной||Екатерининских орлов”.

В стихотворении “Я памятник себе воздвиг...” (1836 г.) всем известны такие слова: “Вознесся выше он главою непокорной|| Александрийского столпа”; “И назовет меня всяк сущий в ней язык”; “доколь в подлунном мире|| Жив будет хоть один пиит” и т. п. Именно в такой функции наиболее сильно сказалась предшествующая традиция высокого слога.

2. Создание исторического колорита эпохи. Здесь Пушкин может быть признан новатором, так как писатели XVIII в. этим средством не владели; чуждо оно было и произведениям Карамзина. Пушкин же не только умело применяет архаизмы как средство исторической стилизации, но и строго подбирает тот или иной состав архаизирующей лексики в зависимости от изображаемой эпохи. Например, в “Песни о вещем Олеге.” мы находим такие слова, как тризна, отрок (слуга), волхв и т. п. В “Родословной моего героя” читаем не только целиком стилизованную под древнерусское летописное повествование фразу “Вельми бе грозен воевода”, но и находим ссылку на воображаемый древний источник: “Гласит Софийский Хронограф”.

Для более близких к своему времени исторических периодов Пушкин также подбирает соответствующую лексику и фразеологию. Так, первая реплика в трагедии “Борис Годунов” открывается следующими словами: “Наряжены мы вместе город ведать...” Здесь к языку XVI—XVII вв. восходит и значение глагола нарядить!наряжать назначать , и выражение город ведать, т. е. управлять городом . Эта реплика сразу вводит читателя в обстановку XVI столетия.

Когда Пушкину необходимо перенестись в эпоху XVIII в., он также находит приемы исторической стилизации языка. Например, в “Капитанской дочке” используется солдатская песня: “Мы в фортеции живем, ||Хлеб едим и воду пьем...” — или лирические стихи, сочиненные Гриневым:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю вольность получить!
Но глаза, что мя пленили,
Всемигнута предо мной,
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.
Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной,
Зря меня в сей лютой части,

И что я пленен тобой.

Недаром Швабрин, прочтя эти стихи, находит, что они “достойны... Василья Кирилыча Тредьяковского и очень напоминают... его любовные куплетцы”. Благодаря введению приемов исторической стилизации языка Пушкину удалось значительно обогатить реалистический метод изображения исторического прошлого.

3. Выражение сатиры и иронии. Пушкин превращает устарелые слова и выражения в меткое оружие, разящее политических врагов поэта, например, в эпиграмме на архимандрита Фотия: “Пошли нам, господи, греховным, || Поменьше пастырей таких, || Полублагих, полусвятых”.—или на гр. Орлову-Чесменскую: “Благочестивая жена || Душою богу предан, ||А грешною плотию||Архимандриту Фотию”. В этих стихах, в поэме “Гавриилиада” и в других произведениях церковнославянизмы выступают в диаметрально противоположной своему традиционному употреблению стилистической функции—служить средством борьбы с официальной идеологией.

Именно тенденция пушкинского стиля к смешению церковнославянизмов, русских литературных и разговорно-бытовых слов составляет наиболее существенную сторону языкового новаторства поэта. Этот процесс ассимиляции церковнославянизмов современному русскому словоупотреблению вызывал наибольшее количество протестов со стороны критиков пушкинского творчества, ревнителей языкового пуризма. Так, когда появилась в печати V песнь “Евгения Онегина” с ее известным поэтическим изображением русской зимы. “Зима!.. Крестьянин, торжествуя, || На дровнях обновляет путь...”,—то в критической статье журнала “Атеней” было замечено: “В первый раз, я думаю, дровни в завидном соседстве с торжеством”.

В “Евгении Онегине” можно наблюдать и многие другие примеры стилистической трансформации церковнославянизмов.

Так, в той же песни V находим: “Вот бегаёт дворовый мальчик,||В салазки жучку посадив, || Себя в коня преобразив” (ср. название церковного праздника “Преображение господне”). В песни VII читаем: “Мальчишки разогнали псов, || Взяв барышню под свой покров...” (ср. “Покров пресвятой богородицы”); “Старушка очень полюбила ||Совет разумный и благой...” и т. п.

Таким образом, Пушкин, положительно оценив традиционный фонд книжной лексики и фразеологии, сохраняет ее в составе современного русского литературного языка, придав этому разряду слов и выражений строго определенные стилистические функции и частично ассимилировав их обычному словоупотреблению.

Вторым компонентом языка художественной литературы, также унаследованным от предшествующих эпох языкового развития, преимущественно периода XVIII в. и карамзинской поры, является лексика и фразеология, заимствованная из языков народов Европы или возникшая под воздействием этих языков. Это — “западноевропейизмы” литературного языка.

Под “западноевропеизмами”, или под “европеизмами”, в произведениях Пушкина мы будем подразумевать как те или иные слова западноевропейских языков, оставляемые без перевода, так и выражения типа перифразов, восходящие к карамзинскому “новому слогу”.

Принципы лексического и фразеологического использования “европеизмов” в пушкинском индивидуальном стиле были изменчивы и не лишены внешних противоречий. Хотя Пушкин отказывается от метода прямого копирования европейской фразеологии, характерного для стиля карамзинистов, он в сфере отвлеченных понятий признавал образцом для русского французский язык. Так, одобряя “галлицизмы понятий, галлицизмы умозрительные, потому, что они уже европеизмы”, Пушкин писал Вяземскому: “Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы—т. е. языка мыслей)”.

С одной стороны, Пушкин высказывался против загромождения русского языка иностранными словами, убеждая избегать по возможности даже специальных терминов. Он писал И. В. Киреевскому 4 января 1832 г.: “Избегайте ученых терминов и старайтесь их переводить, то есть перефразировать: это будет и приятно неучам и полезно нашему младенствующему языку”.

С другой стороны, в произведениях Пушкина немало отдельных слов или целых выражений и фраз, оставляемых без перевода и изображенных иностранным шрифтом на французском, английском, немецком, итальянском и латинском языках. Однако все эти нетранслитерированные слова и выражения обладают незаменимой смысловой и стилистической функцией, что и оправдывает применение их Пушкиным.

Например, в VIII песни “Евгения Онегина” Пушкин показывает образ Татьяны, вышедшей замуж за знатного генерала, и ему необходимо при этом охарактеризовать жизнь, быт и понятия русской великосветской среды. И мы находим в строфе XIV следующую характеристику Татьяны: Она казалась верный снимок *Du comme il faut* (Шишков, прости: Не знаю, как перевести).

В строфах XV и XVI читаем продолжение характеристики: Никто б не мог ее прекрасной Назвать, но с головы до ног Никто бы в ней найти не мог Того, что модой самовластной В высоком лондонском кругу Зовется *vulgar* (Не могу... Люблю я очень это слово, Но не могу перевести; Оно у нас покамест ново, И вряд ли быть ему в чести).

Понятия, выражаемые французским *comme il faut* или английским *vulgar*, как нельзя лучше обрисовывают воззрения и взгляды аристократического общества начала XIX в. Поэтому они и рассматривались Пушкиным как неперебиваемые на русский язык.

Стремясь к сближению русского литературного языка с тогдашними западноевропейскими главным образом в общем строе выражения мыслей, в характере связи между понятиями, Пушкин выступает против тех форм фразообразования, которые могли рассматриваться как прямые синтаксические галлицизмы или как кальки, копирующие манерные французские перифразы.

Так, в первоначальном тексте 1-й главы “Евгения Онегина” Пушкиным было записано: Ах, долго я забыть не мог Две ножки... Грустный, охладельй, И нынче иногда во сне Они смущают сердце мне. Тут же на полях поэт отметил: “Непростительный галлицизм!”, а затем исправил фразу, устранив независимость от подлежащего обособленного оборота: ...Грустный, охладельй, Я все их помню, и во сне Они тревожат сердце мне. В отношении прямых перифразов мы наблюдаем в стиле Пушкина аналогичную эволюцию. С начала 20-х годов из пушкинских сочинений устраняются условные перифрастические выражения французско-карамзинского типа, еще нередкие в его ранних стихах, как, например: Небес сокрылся вечный житель (т. е. солнце) (“Кельна”, 1814).

Пушкин призывает к отказу от застывших и вычурных выражений, к замене их простыми обозначениями предметов и представлений. Он иронически выстраивает следующие стилистические параллели, противопоставляя длинным и вялым перифразам простые и короткие обозначения: “Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут дружба, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и проч. Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба — ах, как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее.

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь: эта молодая хорошая актриса — и продолжай— будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет.

Презренный зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостью... не короче ли — г-н издатель такого-то журнала...”

Однако Пушкин не отказывается окончательно от карамзинских перифразов в языке. Он нередко оживляет их, воскрешая при помощи своеобразной лексической и грамматической трансформации их внутренний стершийся от частого употребления в речи образ. Так, в песни VII “Евгения Онегина” читаем: “С улыбкой ясною природа || Сквозь сон встречает утро года”. Благодаря пушкинским преобразованиям, включению в свежий поэтический контекст, стершийся шаблон утро года— весна становится ярким и впечатляющим образом. Ср. подобное же использование выражения

вихрь жизни в V песни того же романа: “Однообразный и безумный, || Как вихорь жизни молодой, || Кружится вальса вихорь шумный” (строфа XXI). Однако более всего способствовало освоение “европеизмов” в языке Пушкина его смелое стилистическое новаторство, вовлекавшее в поэтический контекст слова и выражения из различных лексических пластов книжной речи и просторечия.

В стихотворениях лицейской поры и далее, до конца 10-х годов мы находим еще очень незначительное количество таких слов и фраз, которые противоречили бы карамзинским стилистическим нормам. Из лексики внелитературного просторечия или крестьянских диалектов Пушкин использовал лишь немногие слова, например, хват в стихотворении “Казак” (1814 г.), детина в стихотворении “Городок” (1814 г.), выражения уходить горе или так и сяк размажет в послании “К Наталье” (1813 г.), ерошить волосы (“Моему Аристарху”, 1815 г.), закадышный друг (“Мансурову”, 1819 г.) и некоторые другие. Однако уже в поэме “Руслан и Людмила” проявляется уклон к просторечию больший, чем это допускалось нормами светского карамзинского стиля для произведений подобного жанра.

Стихи поэмы, несомненно, стилизованы под сказочную простонародность, под фольклорную старину. Это проявляется как в речах действующих лиц, так и в авторском повествовании: См., например, слова Руслана: “Молчи, пустая голова! || Я еду, еду, не свищу, || А как наеду, не спущу!” или “Теперь ты наш: ага, дрожишь!”. В речи Черномора: “Не то — шутите вы со мною — Всех удавлю вас бороною!” В речи Головы: “Ступай назад, я не шучу. || Как раз нахала проглочу”; “Послушай, убирайся прочь...”; “Я сдуру также растянулся; || Лежу не слыша ничего, || Смекая: обману его!” и т. д. Вот какими словами Пушкин рассказывает о Людмиле (княжне, дочери киевского великого князя Владимира!): “Княжна с постели соскочила — || Дрожащий занесла кулак, || И в страхе завизжала так, || Что всех арапов оглушила”.

Неудивительно, что в журнале “Вестник Европы” критик карамзинского направления обвинил Пушкина в нелитературности языка и в недопустимой демократичности: “Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещения, отвратительна... Если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бороною, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: “Здорово, ребята!” — неужели бы стали таким проказником любоваться?”. Итак, появление весьма умеренной по своему языковому демократизму поэмы шокировало литературных ретроградов. Но Пушкин не смутился враждебными отзывами критиков и смело пролагал путь к дальнейшей демократизации литературного языка. В 1823 г., дорожа простонародностью “Братьев-разбойников”, поэт предлагал А. А. Бестужеву напечатать отрывок из поэмы в издававшемся декабристами альманахе “Полярная звезда”, “если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц”.

Значительно расширяется сфера народного просторечия в пушкинских произведениях, начиная с середины 20-х годов, со времени его пребывания в Михайловском. Мы знаем, что, живя в деревенской глуши, Пушкин ежечасно общался с крепостными крестьянами, прислушивался к их песням, сказкам, разговорам. Одетый в красную русскую рубаху, он появлялся на ярмарках и сельских базарах, толкаясь среди толпы и участвуя в народных увеселениях. Главной его собеседницей становится в эти годы няня Арина Родионовна, со слов которой он записывает чудесные сказки. В высказываниях Пушкина, начиная с этой поры, мы находим призывы к смелому сближению языка литературных произведений с разговорной речью простого народа. По мнению Пушкина, “странное просторечие”— это характерный признак “зрелой словесности”. “Но,—с горестной иронией замечает он,— прелесть нагой простоты для нас непонятна”. “Читайте простонародные сказки, молодые писатели,— чтоб видеть свойства русского языка”,— обращался Пушкин к своим братьям по перу в 1828 г. “Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушаться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком”,— писал Пушкин в 1830 г. в “Опровержении на критики”.

Яркие примеры обращения Пушкина к разговорной речи народа мы видим во всех жанрах его стихотворных произведений зрелой поры: и в “Евгении Онегине” (особенно начиная с 4-й главы), и в “Графе Нулине”, и в “Полтаве”, и в “Медном всаднике”. А также во многих лирических стихах и балладах.

Однако, вводя в язык своих произведений народную речь, Пушкин обычно брал из нее только то, что было общепонятным, избегая областных слов и выражений, не опускаясь до натуралистической фиксации диалектного говорения. Своеобразие пушкинского стилистического новаторства в отношении к просторечию состоит не в самом факте его использования. Народная речь встречалась в произведениях относительно далеких по времени предшественников Пушкина—поэтов и писателей XVIII в., однако, во-первых, эти авторы ограничивали использование просторечия лишь произведениями “низкого штиля”, во-вторых, они воспроизводили народную речь, не подвергая ее стилистической обработке.

Приведем в качестве примера диалог между двумя работниками из комедии В. И. Лукина “Щепетильник” (1766 г.): “Мирон-работник (держа в руке зрительную трубку): Васюк, смотри-ка. У нас в эких дудки играют; а здесь в них, один глаз прищуря, не веть цаво-то смотрят. Да добро бы, братень, издали, а то, нос с носом столкнувшись, утемятся друг на друга. У них мне-ка стыда-то совсем кажется ниту. Да по-смотрець было и мне. Нет, малец, боюсь праховую испортить.

Василий-работник: Кинь ее, Мироха! А как испорцишь, так сороми-та за провальную не оберешься. Но я цаю, в нее и подуцеть можно, и коли б она

ни ченна была, так бы я себе купил, и, пришедши домой, скривя шапку, захазил с нею. Меня бы наши деули во все посиденьки стали с собою браци, и я бы, братень, в переднем углу сидя, чуфарился над всеми.”

В процитированном отрывке крестьяне говорят подчеркнуто диалектной речью, причем автор, вероятно, сознательно сгущая краски, вкладывает в их реплики фонетические, синтаксические и лексические диалектизмы, восходящие к различным говорам.

Сравним с этим речь кузнеца Архипа из повести “Дубровский”:
““Чему смеетесь, бесенята,—сказал им сердито кузнец,— бога вы не боитесь — божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь”, — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою”. Здесь нет ни одной областнической черты, и тем не менее, мы ясно чувствуем, что так может говорить именно крестьянин. Пушкин достигает полноты художественного впечатления и благодаря тщательному отбору лексики, и благодаря естественному строю предложения в приведенной речи Архипа.

Отбирая из крестьянской речи только то, что может рассматриваться как подлинно общенародное, Пушкин, однако, умел найти в народном словоупотреблении самобытные черты, характеризующие его неподдельность и своеобразие.

Обратимся к стихотворению “Утопленник” (1828 г.). В нем мы находим следующие строки: “Дети спят, хозяйка дремлет, На полатях муж лежит”. В этом контексте слово хозяйка имеет то значение, которое присуще ему в народных говорах: жена, старшая женщина в крестьянской семье. Далее в стихах: “Уж с утра погода злится, || Ночью буря настанет...” — слово погода также употреблено в диалектном значении дурная погода, буря.

Отметим еще относительно редкий случай использования характерного “местного” слова во 2-й главе “Капитанской дочки”:
“Постоялый двор или, по-тамошнему, умет, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань”. Слово умет услышано Пушкиным в говорах Оренбургской губернии и как нельзя лучше придает повествованию колоритный оттенок достоверности.

Таким образом, тщательно отбирая слова и выражения из народной речевой практики, Пушкин не только и не просто вводит их в языковую ткань всех своих произведений, независимо от жанра и стилистической направленности, но и делает разговорную речь простого народа подлинной основой национального русского литературного языка.

С особенной яркостью проявилась демократизация русского литературного языка, произведенная Пушкиным, в его прозе. Хорошо известны те стилистические требования, которые Пушкин предъявлял к слогу прозаических произведений: “Точность и краткость—вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат”.

И эти требования неуклонно претворялись в действительность. Слог пушкинской прозы лишен каких бы то ни было словесных украшений, которые отвлекали бы от главного содержания мысли; пушкинскую прозу

справедливо сравнивают не с произведением живописи, а с рисунком пером, иногда даже с чертежом, до того в ней все четко и ясно.

Названные качества прозы достигаются преимущественно средствами синтаксических структур. Пушкин предпочитал простые, часто даже нераспространенные предложения тяжеловесным и громоздким периодам, столь принятым в прозе его предшественников. Эта черта слога прослеживается при сопоставлении синтаксиса прозы Пушкина с непосредственными источниками, использованными им при создании своих произведений. Так, источником “Истории Петра Великого”, над которой Пушкин работал в последние годы жизни, служила книга И. И. Голикова “Деяния Петра Великого”.

У Голикова читаем: “Грозили ему силою, но г. Шипов ответственал, что он умеет обороняться”. Конспектируя книгу, Пушкин следующим образом передал эту фразу: “Шипов упорствовал. Ему угрожали. Он остался тверд”. Из сложного синтаксического целого Пушкин создает три кратких простых предложения. Далее в той же книге находим: “Бесчестие таковое его флагу и отказ в требуемом за то удовольствии были толико монарху чувствительны, что принудили его, так сказать, против воли объявить сдавшихся в крепости всех военнопленными”. У Пушкина вместо этого только: “Петр не сдержал своего слова. Выборгский гарнизон был объявлен военнопленным”. Изучив приемы конспектирования Пушкиным книги Голикова П. С., Попов делает следующий вывод из приведенных им сопоставлений: “На протяжении всех тетрадей можно проследить, как под пером Пушкина трансформировался голиковский стиль: вместо сложных предложений с большим количеством вспомогательных частей, мы получаем короткие фразы, причем предложение в большинстве случаев состоит из двух элементов”.

Аналогичные наблюдения дает сравнение описания бурана во 2-й главе “Капитанской дочки” с одним из ее возможных источников. Таким, очевидно, мог быть рассказ “Буран”, опубликованный в 1834 г. С. Т. Аксаковым в альманахе “Денница”. В рассказе уроженец Оренбургской губернии С. Т. Аксаков с большой фенологической точностью изображает грозное явление природы: “Все слилось, все смешалось: земля, воздух, небо превратилось в пучину кипящего снежного праха, который слепил глаза, занимал дыханье, ревел, свистал, выл, стонал, бил, трепал, вертел со всех сторон, сверху и снизу, обвивался, как змей, и душил все, что ему ни попадалось”. У Пушкина: “Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали”. Вместо 11 глаголов, показывающих действие вихря у Аксакова, Пушкин использует лишь один — выл, но дает ему такое образное определение, которое делает излишними все остальные глаголы. Сопоставим картины, изображающие прекращение бурана. У Аксакова: “Утих буйный ветер, улеглись снега. Степи представляли вид бурного моря, внезапно оледеневшего...” (с. 410—411). У Пушкина: “...Буря утихла. Солнце сияло.

Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи”. Если описание бурана, данное Пушкиным, уступает аксаковскому в фенологической точности (во время бурана снег не падает хлопьями), то, несомненно, выигрывает в ясности и выразительности, благодаря опущению несущественных для художественного замысла подробностей.

Укажем еще на одну важную черту пушкинской прозы, подмеченную исследователями. Это преобладание в его произведениях глагольной стихии. По произведенным подсчетам, в “Пиковой даме” Пушкина—40% глаголов при 44% существительных и 16% эпитетов, в то время как в “Мертвых душах” Гоголя—50% существительных, 31% глаголов и 19% эпитетов. Преобладание “глагольной стихии” отмечалось и при анализе пушкинских стихотворных произведений. По наблюдениям Б. В. Томашевского, среди эпитетов “Гавриилиады” преимущество имеют либо причастия, либо отглагольные прилагательные.

Таким образом, слог пушкинских произведений по сравнению с языком и стилем его непосредственных предшественников может рассматриваться как громадный шаг вперед в литературном развитии. Какие же общие выводы могут быть сделаны из рассмотрения вопроса о значении Пушкина в истории русского литературного языка?

Пушкин навсегда стер в русском литературном языке условные границы между классическими тремя стилями. В его языке “впервые пришли в равновесие основные стихии русской речи”. Разрушив эту устарелую стилистическую систему, Пушкин создал и установил многообразие стилей в пределах единого национального литературного языка. Благодаря этому каждый пишущий на русском литературном языке получил возможность развивать и бесконечно варьировать свой индивидуально-творческий стиль, оставаясь в пределах единой литературной нормы.

Эта великая историческая заслуга Пушкина перед русским языком была правильно оценена уже его современниками. Так, при жизни великого русского поэта, в 1834 г., Н. В. Гоголь, писал: “При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство”.

Еще яснее значение Пушкина как основоположника современного русского литературного языка было осознано писателями последующей эпохи. Так, И. С. Тургенев сказал в своей речи на открытии памятника Пушкину в 1880 г.: “...Нет сомнения, что он [Пушкин] создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением”. Эти слова не потеряли своей силы и в наши дни, через сто лет после того, как они были сказаны: в наши дни русский литературный язык продолжает развиваться в русле пушкинских прогрессивных традиций.

РАЗДЕЛ XI. Русский язык- символ государственности Казахстана
Функции государственного языка Казахстана.

Для того чтобы понять главные функции государственного языка, необходимо дать определение трех понятий из теории государства и права, которые входят в логическую структуру государства: "национальность", "общество" и "власть". Национальность (народность) - это общность людей, исторически проживающая на определенной географической территории и обособленная от других народов тремя основными признаками: физическими отличиями, языком и культурой - совокупностью традиций, искусства и образа жизни. Цивилизованное общество - это союз разных национальностей (народностей), сосуществующих на единой территории и подчиняющихся единой государственной власти. Государственная власть - это политическая система, которая управляет целостным обществом, как союзом национальностей и обеспечивает соблюдение единых прав и законов на территории государства. И люди, выбранные во власть, служат законам политической системы, а не служат интересам своей национальности. Государственный язык служит целям целостного общества - это средство передачи смысла закона, идеологии и науки для всех национальностей (народов), национальный язык служит интересам и целям своей национальности и обеспечивает передачу смысла внутри своей национальности, принадлежит коренному населению, нации.

Функции казахского языка исторически обусловлены развитием среднеазиатского геополитического региона. Здесь можно провести такую аналогию: казахский язык - это древняя ваза, стоявшая на столе эпохи, перед приходом европейской цивилизации. В эту вазу наливался такой объем воды (слов), который соответствовал тому уровню быта, в котором существовал казахский народ. Затем, всего лишь за 75 лет СССР, произошел количественный и качественный скачок уровня цивилизации на казахстанской земле, и новый объем воды стал переполнять и распирает эту вазу. В конце концов, эта ценная реликвия лопнула, и ваза потеряла свою целостность - сейчас казахские слова, словно осколки этой вазы, разобщены в научной литературе. И в различных научных технологиях, к примеру, в нефтехимической промышленности, в атомной энергетике, в военных и космических технологиях на 10 слов казахского текста приходится только 5 истинно казахских слов, а остальные - научные русские термины. Это означает, что казахский язык как слуга смысла способен обслужить каждую науку только на 50% не только объемом слов, но и недостатком, а также отсутствием определенных морфологических и синтаксических возможностей.

Функция образования

Научные знания с помощью образовательной системы государства (школы, университеты) передаются с помощью языка в мышление человека, следовательно, язык также выполняет функцию образования и просвещения в обществе. Попробуйте перевести на казахский язык темы высшей математики, кибернетики или квантовой физики и посмотрите, какой процент текста обслуживает казахский язык, и какую полноту логических операций обеспечивает в мышлении человека. Для государства важно

наличие знаний в умах народа, т.е. результат, а он напрямую зависит от способа получения этого результата - качества языка. Если человек будет знать и видеть, что данный язык не востребован жизнью и не обладает как средство интеллекта удобными функциями и системной терминологией, он никогда не будет заставлять себя его учить - насильно мил не будешь.

Функция закона

Государственный язык осуществляет передачу смысла законов каждому гражданину государства и создает единое правовое поле в сознании общества. Именно здесь встает вопрос: какой язык доступен и понятен целому обществу и всем национальностям, чтобы быть государственным языком? Если определенный язык знает только треть общества - он не может выполнять функцию закона в этом обществе, а значит и государственного языка. Закон есть формула смысла в голове человека, управляющая поведением человека. Если из-за различных языковых барьеров смысл закона не воспринят разными национальностями - он никогда не исполнится. Реальная практика жизни показывает, что различные языки искажают смысловое толкование одного и того же закона - особенно сложных административных и гражданских кодексов, которые каждый язык интерпретирует на свой лад. Таким образом, смысловое поле законов государства из-за различных языков становится разорванным на куски, и все национальные различия и субъективные законы становятся первичными, а общие законы игнорируются. Среди русского народа существует мудрость: кто везет - того и бьют. Эта мудрость относится как к правам русскоязычных людей, так и к их языку.

Лошадка русского языка вывезла телегу казахстанской цивилизации из глухих аулов к европейским городам и космическим технологиям, и сейчас некоторые люди казахской национальности, как правило, из сельской местности, считают себя правыми и плюют в сторону русского языка, даже не сознавая того, что сами на этой лошадке доехали до смысла какой-либо науки и развили свой интеллект. Лучшие представители казахского народа, начиная от Алибека Днишева и до Тохтара Аубакирова, получили образование в России на русском языке, так почему же некоторые умы нашего общества извращают понятие о благе? Здесь уместно привести в пример президента Киргизии Акаева, который осознает возможности русского языка и ведет свой народ к просвещению и благу - государственным языком Киргизии стал русский язык. И в завершении сказанного следует вспомнить великих людей казахского народа, таких как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Ибрагим Кунанбаев, которые в XIX веке учились в русских школах и призывали казахский народ учить русский язык. И пусть слова великого Абая дойдут до сердца каждого человека нашего общества: "Русский язык - это ключ к мировой культуре".

Список литературы:

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX вв. - М., 1986.
2. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. - М., 1989.
3. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка. - М., 1975.
4. Львова И.С. История русского литературного языка: Тексты лекций. - Ташкент: ТГПУ, 2001.
5. Львова И.С., Хегай В.М., Шим Л.В. История русского литературного языка (конец XIX - XX вв.).
6. Е.Ш. Мирочник, А.Г. Шереметьева История русского литературного языка (XI – начало XIX в).

7. Мещерский НА. История русского литературного языка. -Л., 1990.
8. Судавичене Л.В., Сердобинцев Н.Я., Кадькалов Ю.Г. История русского литературного языка.
а. - Л., 1993.